

3

2010

МИВА

Л. Костевич. Все совпадения случайны (роман о лицах)

Т. Окольничья. На войне как на войне

А. Бекбосын. Туймекент, родной мой Туймекент

Ю. Поминов. Хроника смутного времени

(книга вторая, продолжение)

Р. Корн. Атлантида Якова Геринга

А. Вerveкин. "В степном краю возвращённая душа..."

С. Беккулова. Палитра счастья

Н. Шмигалёв. Не от мира сего (повесть-пародия)

№ 3
2010

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ**
(г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА**
(г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ**
(г. Петропавловск).

В номере:

Проза

- Л. Костевич.** Все совпадения случайны. *Роман о лицах*
(продолжение) **3**
- В. Василенко.** *Шесть новелл* («Всё тот же дождь...»;
«Мы будем рисовать...»; Женщины; Фотография; Белый сон;
Сто долларов) **46**

Поэзия

- Г. Шиманович.** «Благодарю тебя, земля...». *Стихи* **41**
- Р. Рябцовская.** *Юность. Поэма о любви* **63**
- Поэтическая мозаика.** *Стихи* Л. Галицкой, А. Байдильдиной,
Н. Щепко, Р. Менсеитова **109**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 78

К 65-летию Великой Победы

Т. Окольников. На войне как на войне 119

Культура. Общество. Личность

А. Вервекин. «В степном краю возвращённая душа...» 127

Наш общий дом

А. Бекбосын. Туймекент, родной мой Туймекент 134

Публицистика

Р. Корн. Атлантида Якова Геринга 146

Искусство

С. Беккулова. Палитра счастья 154

В семейном кругу

Н. Сеитов. Два рассказа (Твой день; Свой парень) 161

Из почты «Нивы»

Т. Васильева. Язык мой — друг мой? 169

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Не от мира сего. Повесть 171

Изоальбом «Нивы»: из работ Гульфайрус Исмаиловой.

К сведению читателей

В № 8 за прошлый год в «Ниве» был представлен ежегодный литературно-публицистический альманах «Тобол» Курганской области России.

В свою очередь, «Нива» побывала в гостях у «Тобола» – в недавно присланном в редакцию выпуске альманаха за 2009 год под рубрикой «Гости» опубликованы лирический очерк Валерия Гука об Акмолинской области «Отчий край», фрагменты из эссе Герольда Бельгера «Плетенье чепухи», рассказ Елены Преображенской «Окна в март», стихи Владимира Гундарева, Владимира Чередника, Талгата Гарипова и Евгения Лумпова.

Леон КОСТЕВИЧ

Все совпадения случайны

Роман о лицах

(Продолжение. Начало в № № 1, 2 за 2010 год)

Боясь обсуждать опасную тему по телефону, Табашников, чтобы услышать решение Бузлаева, после работы снова потащился на другой конец Москвы. Пашка сидел на детской площадке с Вичутой и Санькой Сторчилой.

— Что-то ты зачастил к нам, Евгений, — ощерился раскачивавшийся на качелях с бутылкой джин-тоника в руке Вичута.

— Когда нас по телевизору покажешь? — прогундосил Санька.

— Как только, так сразу, — дружелюбно хлопнул его по плечу Табашников. — Пашентий, можно тебя на два слова?

Взяв под руку, он отвёл Бузлаева к гаражам:

— Что ты решил?

— Давай так, братка, — сказал Пашка. — Если ты подберёшь идент, да они ещё и, этот, согласятся, я тоже буду.

— Буду — что? — издевательски-ласково уточнил Женья.

— Буду — то! — психанул Бузлаев.

— Не передумаешь?

— Я же сказал. Кстати, ты не знаешь, за большие деньги можно уско- рить очередь на донорскую печень?

— За большие деньги можно всё. Когда сможешь сделать фотографии инкассаторов и начальницы управления кассовых операций?

— Не знаю. У меня, этот, фотоаппарата нет.

— Сними на мобильник. Только покрупнее желательно.

— У меня и мобила без камеры...

— Мобила без камеры?! — Женья достал из бумажника двести долларов. — Гуляй, рванина. Сегодня же пойдёшь купи нормальный телефон: мой тебе подарок на день рождения, я ведь не смог прийти. — Заметив смущённый взгляд Пашки, добавил: — Не напрягайся — через полгода у тебя всё что захочешь будет. Самое лучшее.

Табашников начал следующий этап подготовки. Во избежание проколов освежил в уме все прочитанные детективы, проанализировал кошмарное число найденных в Интернете статей об ограблении банков. Зная, что пока в любой момент можно остановиться, он с удовольствием готовил своё идеальное преступление. До грани, перейдя которую ребус может стать беззаконием, далеко, а за намерение в России, слава Богу, давно не сажают.

Но ведь сажали. Расстреливали. И, в общем, не так давно. Думая об этом, Женья испытывал страх: он умел смотреть на исторические факты не сквозь страницы документов, а примеряя события на себя — недаром его хвалили в театральной студии. Часто пробираясь среди ночи в туалет и стараясь не растряссти по пути сон, он вдруг представлял, как ткнёт его в сердце дверной звонок, как войдут в прихожую чужие люди, сукном своих шинелей диссонирующие с цветастым ситцем ночной рубашки открывшей им мамы Инны. Как начнут раскидывать по комнате его вещи, а потом

погонят под дождём к машине, где пахнет мокрым железом и чужим дыханием, поволокут в другую, сиротскую жизнь. Но самое главное, Женя не верил, что в его стране такое никогда больше не повторится. И все снова примут. Ведь принимали же тогда, а разве это были какие-то другие люди? Выросший среди тех, кого советская власть считала народом высшей пробы, Женя знал — эти остались прежними. Недавно Пашка рассказывал, как поссорившаяся с матерью Юрки Налбухрестика соседка со зла написала в милицию, что Юрка покупает наркотики, и его в тот же день накрыли по дороге в баню. Им снова докажут необходимость и целесообразность, они снова станут писать доносы.

Иногда, впадая в крайности, Табашников думал — а может, всё было правильно? Взять хоть его самого, ненавидящего окружающее хамьё — разве он не враг народа? А разве справедливо, что его за мечты жить в другой стране никто не только не преследует, но даже не порицает? Кто он, как не предатель родины, которую больше не пишут с большой буквы? Господи, останавливал он себя в такие моменты, ну что ты несёшь?

Ёлки-палки, жалел Женя, в советские времена можно было так легко и выгодно уехать. Родись он чуть раньше, построил бы комсомольскую карьеру, вступил в партию, сделал бы всё, чтобы его хоть разок выпустили за рубеж, и остался бы там. Но к тому времени, как он начал что-то соображать, советская власть кончилась.

Чем больше Табашников думал о стране, где жил, тем больше запутывался. А ну как им всё врал? Недавно, перечитав книгу своего детства “Два капитана”, он снял с полки “Детей Арбата”. Прочитанные подряд, оба романа производили интересный эффект. Создавалось впечатление, что два Саши — Григорьев и Панкратов, — жившие в СССР в одно и то же время, существовали в разных странах. Один — в страшном краю с кляузниками, всепроникающим НКВД, несправедными судами, тюрьмами и ссылкой, другой — в героическом государстве, дающем своим отважным сынам и дочерям возможность учиться, работать, любить и чувствовать себя счастливыми. Самое интересное — обе книги честные и талантливые.

Книги... Даже один вид их домашней библиотеки, так страстно собираемой отцом, производил на Женю облагораживающее, успокаивающее действие. Но что толку, что родитель его прочёл сотни замечательных томов? Они только увеличивали расстояние между внутренним содержанием отца и всем окружающим, чего он намеренно не хотел замечать, видимо, понимая — иначе станет совсем тяжело жить, а изменить ничего нельзя. Но он-то, Женя, может изменить многое. И время другое, и природа не обошла его, как Илюшу, умом, не обделила способностями, как гопников района, где он вырос, дала хорошие гены. Грех этим не воспользоваться.

Получив от Пашки фотографии, Табашников стал размещать их на “Тьме”. Чтобы не использовать домашний или рабочий компьютер, посмотрел Интернет-клуб. Чтобы не примелькаться, таких клубов в разных районах города определил для себя три.

Все пятеро интересовавших его сотрудников Белсинкра-банка давно сидели на сайте. Даже серьёзная начальница управления кассовых операций Юлия Карлова Гримальских. Сопроводив их изображения вымышленными именами и высосанными из пальца анкетами, Женя стал ждать.

Первым откликнулся двойник инкассатора, представленного Бузлаевым как Мишка Никишин: его идентом оказался учитель геометрии из Мордовии. Внешнее совпадение — девяносто пять процентов. Но вспоминаемая, как быстро ослабело Пашкино сопротивление, когда в ход была пущена возможность операции для дяди Кеши, Женя сказал себе — похожесть ещё не всё. Чтобы обыватель, наш сосед по подъезду, воспитательница детского сада, дядька, торгующий газетами через дорогу, согласились на преступление, у них должны быть серьёзные причины. Многие годы строчивший сценарий Табашников знал, какое значение придают понятию “мотив” в Голливуде, как иногда руководство кинокompании меняет всю команду, придумавшую неубедительную историю, и заставляет переписывать до посинения. Чтобы зритель не пожал плечами — с чего благополучный клерк Джонни угрожал адвоката Гарри.

Для такого дела нужны не просто иденты, нужны люди с авариями в жизни. Пять идентом — пять аварий. Пусть приготовления займут больше времени — он не станет спешить: идеальное преступление не зреет быстро.

От учителя геометрии пришлось отказаться: перебросившись с ним несколькими письмами, Женя понял — при невысокой зарплате доморощенный философ научился довольствоваться малым.

Пока он переписывался с мордовцем, отыскиались двойники инкассатора Дмитрия Сергеевича и Юлии Карловны.

Двойник инкассатора жил в Дании. Не владея датским, Табашников переписывался с копией Дмитрия Сергеевича через электронного переводчика “Тьмы”. Зато идентом банковской начальницы оказалась немка Берта Нойманн из бывшей ГДР, при Хонеккере учившая в школе русский. Табашников писал ей от лица московской художницы Елены Земской — такой легендой он оснастил на сайте фотографии Гримальских. Попутно получив весточку и от самой Юлии Карловны, Женя, понятно, её игнорировал.

Письма от иностранцев заставили сценариста задуматься, как ему общаться с идентами, если в окончательный состав войдут чужеземцы, да ещё и не знающие английского. Поставленная им перед собой задача требовала учитывать тонкие психологические нюансы: через электронного переводчика двойников согласиться на ограбление не уговоришь.

Эту часть подготовки Табашников разделил на два этапа. Первый — знакомство на сайте. Начав переписку, он целенаправленно старался расположить человека, а добившись доверия, начинал посвящать его в некоторые факты своей вымышленной личной жизни: жаловался на неурядицы и сожалел о несправедливостях мироустройства. Срабатывающий в такой ситуации принцип “откровенность за откровенность” заставлял идента в ответ делиться своими обидами. Как Женя и рассчитывал, людей тянуло к нему сознание того, что разговаривают они с кем-то, кто похож на них чуть не до отпечатков пальцев, то есть почти с самими собой.

На втором этапе он собирался, пригласив двойников в гости, посвятить их в свои истинные планы. Табашников отдавал себе отчёт в сложности этого отрезка: гостя могло отпугнуть уже одно то, что вместо идента его встречает чужое лицо. После чего визитёра предстояло убедить не в кельбан сходить, а банк ограбить. Но тут организатор уповал на величину суммы и затруднительные обстоятельства каждого из приглашённых.

Понемногу дело пошло. Каждый день поступали новые сообщения. Датчанин Женя забраковал так же быстро, как и мордовского геометра: соотечественник Гамлета показался ему строптивым и непредсказуемым. С присланного датским подданным фото смотрел неряшливый чувак — спутанные волосы, пятна на рукаве клетчатой рубашки. К тому же датчанин непунктуально отвечал на письма и сетовал на отсутствие друзей. А характер в осуществлении задуманного Табашниковым значил много.

Несмотря на появление всё новых кандидатур, оптимизма у него убавилось: одни недостаточно соответствовали внешне, другие не нравились по-человечески, третьи не имели в судьбе подходящей “аварии”.

Через месяц ежевечерних бдений еле как подобралось три полностью подходящих идента.

Для Дмитрия Сергеича нашёлся старший научный сотрудник Национального географического общества США Томас Рэйнуотер — исследователь подводных глубин и автор работ по морфологии и ультраструктуре мышечной системы беспозвоночных червей аннелид. Ему, изменив фамилию и место работы, Табашников представился своим настоящим именем.

Называя в письмах Женю то Игорем, то Борисом, американец с места в карьер взялся рассказывать о главном деле своей жизни — поисках денег на организацию частной экспедиции. Он собирался подняться со дна Малаккского пролива флагман португальской эскадры “Флер де ла мар” — легендарный корабль, пятьсот лет не дающий покоя кладоискателям всей планеты.

Море, по словам Томаса, было его призванием. Юношей, всерьёз увлекаясь аквалангом и нарушая покой затопленных каменоломен Пенсильвании, он поступил в училище подводного плавания в Майами. На подвиги парня вдохновлял его соотечественник Берт Уэббер, нашедший испанский галеон “Нуэстра де ла Консепсьон”, затонувший в 1641 году у Багамских островов и нагруженный серебром до самых пушечных портов. “Но после уплаты всех налогов, — писал Томас, — Уэббер получил пятьдесят миллионов долларов, а на борту “Флер де ла мара” добра на девять миллиардов”.

Переписка с блаженным Рэйнуотером доставляла Табашникову удовольствие. Он точно снова попадал в своё книжное детство с мечтами о дальних берегах, сокровищах и научных открытиях.

В 1511 году португальские матросы под командованием адмирала Альфонсо де Альбукерке, завоевавшего Цейлон, Зондские острова и Ормуз, высадились на берегах Малайзии. Пять дней они грузили на борт награбленное. Две тонны золота и драгоценностей вместил корабль. Когда трюмы были полны, Альбукерке велел держать курс на Гоа — португальскую колонию на побережье Индии. Но Бог решил наказать грозного завоевателя — невиданной высоты волна, поднявшаяся в Малаккском проливе, накрыла “Флер де ла мар”. Флагман наскочил на риф и опустился на дно...

“В этих местах какая-то не поддающаяся изучению чёртова аномалия, — рассуждал в письмах американец. — Возникают гигантские волны. То ли из-за подводных землетрясений, то ли из-за воздушных вихрей. Есть даже подозрения, что там дыры в пространстве — засасывают корабли и самолёты. С тех времён в Малаккском проливе пустило пузыри ещё

кораблей двести. А во время Второй мировой мы с англичанами топили там японцев. Они пытались вывезти из региона добычу. Как Альбукерке. Представляете, сколько там на дне?”

“Дыр в пространстве не боитесь?” — в шутку пугал Табашников.

“Есть за что рисковать”, — отвечал Рэйнуотер.

“Почему же вы решили, что именно вы поднимете корабль, который другие не сумели найти за пять веков?”

“Я семь лет, как жадная моль, не вылезал из архивов! — Рэйнуотер горячился, а Жене казалось, он слышит треск разлетающейся под пальцами американского идента клавиатуры. — Я глотал бортовые журналы судов, проходивших по проливу вскоре после катастрофы. Вчитывался в воспоминания свидетелей. Изучал материалы экспедиций, пытавшихся искать “Флер де ла мар”. Не выходя из библиотек, я увидел то, чего они не смогли увидеть там, на месте! Осталось найти недостающую сумму”.

“Почему бы вашему географическому обществу не пойти вам навстречу с организацией экспедиции?” — допытывался Женья.

“На ценности, покоящиеся в том районе, предъявляют права Индонезия, Малайзия и Португалия. В 1985-м один английский авантюрист, Джон Хэтчер, на борту своей яхты, оборудованной поисковым и подъёмным оборудованием, нашёл у них под носом затонувший в 1752 году голландский корабль. Хэтчер поднял тогда часть груза — бесценный китайский фарфор. Толкнул его на “Сотби” за 15 миллионов долларов. Он не только не получал от правительств Малайзии и Индонезии разрешения на работы в Малаккском проливе, но и не сообщил им о находке. Тогда они спохватились. Создали Комитет по спасению исторических ценностей. Теперь эти фределоголовые ублюдки ведут себя, как собаки на сене: и лицензии выдают со скрипом, и сами не ищут. Забава дорогая, а таких денег у них нет”.

“Простите меня за неприличный вопрос, но сколько вам не хватает?” — прямо спросил Женья.

Ответ напоминал ценник в хорошем ювелирном магазине: “\$ 1 500 000”.

“Не исключено, что я мог бы вам посодействовать”, — написал охотнику за сокровищами сценарист.

Дяде Нолику, водителю-инкассатору, подошёл предприниматель из Эр-Рияда Абдураззак абу Шакур Ибрахим ибн-Язид, сразу посоветовавший российскому собеседнику для простоты называть себя разными частями своего сложносочинённого имени, как, собственно, и принято у арабов. Разглядывая фотографию Абдураззака, Женья лишний раз подивился, до чего могут походить люди разных рас: та же щетина усов под носом (только у араба тщательнее подстриженная), те же блестящие шарики лукавых глаз. Приглядевшись, Табашников заметил, — глаза дяди Нолика были немного светлее, но чтобы это определить, следовало смотреть в них с совсем уж близкого расстояния.

Судя по письмам, абу Шакур был умереннее своего московского двойника не только усами, но и характером. Жене однажды пришлось ненадолго разделить общество водителя-инкассатора. Надираемый желанием познакомиться свою компанию со знаменитым “браткой”, Пашка, зная, что Табашников загнал свою, начавшую всё чаще барахлить “Ауди” на ремонт, попросил подвозившего его домой дядю Нолика заехать за сценаристом в “Останкино”. Это происходило уже после того как они начали строить виды на банк, и Женю страшно разозлила бузлаевская самодеятельность:

он не хотел, чтобы его видели статисты возможного представления. Не умолкая ни на минуту, дядя Нолик продолжал ранее начатый в машине разговор:

— ... И там задание было составить предложение со словом “собака”. Мой пишет: “Собака лаяла на дядю фраера”. Ты думаешь, эта чумичка что делает? Она исправляет ему “фраера” с большой буквы! Я прихожу в школу, говорю: “Смотрите, кто у вас учит детей!”. А эти два друга, директор с завучем, отвечают: “Алиса Вячеславовна у нас педагог с большим стажем, мы к ней претензий не имеем”. Такие теперь школы, мужики.

Женя из вежливости улыбнулся.

— Вот здесь можете остановить, я на метро доберусь, — попросил он.

— Да не переживай, довезём! — успокоил дядя Нолик.

— Дяде Нолику по пути, братка, — подтвердил Пашка.

Проскочив перекрёсток на жёлтый, “девятка” лениво лавировала в не по-московски жидком потоке.

— Да, — балагурил водитель, — дорогами у нас правят водка и погодка!

— Погодка — понятно, — догадался Женя, — в гололёд многие за руль боятся садиться. А водка?

— А сегодня число какое?

— Пятое ноября.

— Ну?! — голос дяди Нолика от радостного нетерпения завибрировал.

— Так День народного единства-то вчера был.

— Правильно! А сегодня народ с похмелья болеет и за баранку не садится. И третьего, накануне, тоже дороги чистые были, потому что люди специально без машин на работу пошли. Секёшь? Нет, ну ты глянь, как он подрезает! Когда в гараже гаисосов начинают ругать, я всегда говорю: мужики, мы имеем таких гаишников, каких заслуживаем — вы посмотрите, как вы сами ездите! Обижаются...

Сначала абу Шакур, охотно повествовавший о своей семье — миловидной жене, родившей ему трёх мальчиков-погодков, — и маленьких личных слабостях, ограничивающихся сочинительством цветистых восточных стихов, замыкался, когда речь заходила о работе. Начав больше доверять Табашникову, он неохотно, в общих чертах осветил поле своей деятельности.

Подбрасывая новому знакомому продуманные вопросы, Женя увидел причину нежелания Абдураззака говорить о делах. У себя на родине абу Шакур числился не последним человеком: он подвизался на ниве закупки вооружения. По признанию араба, в этом деле он был совсем не на первых ролях, но поскольку Саудовская Аравия — один из крупнейших импортёров военной техники в мире, каждый год вбухивающая в оружие от двенадцати до семнадцати миллиардов долларов, дела у Ибрахима ибн-Язида шли неплохо. На одном из присланных фото его голова в национальном клетчатом платке выглядывала из-за спины наследного принца Страны двух мечетей, султана ибн Абдель-Азиза аль-Сауда, по совместительству являющегося министром обороны и авиации.

Неприятности у Абдураззака начались после терактов 11 сентября: большинство угонщиков самолётов оказались подданными Королевства, и конгресс США не удовлетворил запрос Саудовской Аравии на закупку крупной партии современного оружия. Мало-помалу арабы стали поглядывать в сторону России. Продираясь в письмах Ибн-Язида сквозь

американские зенитно-ракетные системы Patriot PAC2, английские истребители EF-2000, и французские вертолёты AS-532, Табашников уяснил, что когда саудовцы решили прикупить у Москвы танков Т-90С и зенитных ракетных комплексов средней дальности Бук-М2Э, в Эр-Рияде разгорелся внутренний коррупционный скандал, сильно ударивший по иденту дяди Нолика. Спасая свою шкуру, его подставил компаньон, и абу Шакур оказался в долгах на очень и очень серьёзную сумму. “Это всё политика, большая политика”, — вопиял араб, полагая, что на другом конце ему сочувствует его отражение с такими же глубокими глазами, грустным бананом носа и живыми влажными губами. На вопрос о размере долгов араб суммы не назвал, но высказал опасение, как бы ему не пришлось продать дом и имущество. “Мне кажется, я мог бы помочь вам, — написал ему Табашников. — Точнее скажу позже”.

“Неужели всё сложится, и я смогу довести дело до конца?” — не верил он. Пока, держа опасность на расстоянии, он испытывал такое же чувство, как если смотришь вниз с края пропасти, любуешься выюгой из окна натопленного дома или корчишь рожи тигру у прутьев запертой клетки. Главное — не сделать шаг в пропасть, не выйти из дома, защёлкнув за собой дверь, не распахнуть клетку.

Инкассатор, представленный Пашкой как Лёха, обрёл западноукраинского идента Тараса Красюка. Для Табашникова Красюк был идеальной кандидатурой: первое — Тарас говорил по-русски, второе — к моменту знакомства глобально проигрался в казино, и теперь не то что банк за пять миллионов евро, — общак чеченских боевиков за пятьсот долларов согласился бы идти брать.

Зато Женя сильно колебался в отношении Берты Нойманн. Записав ей в актив сильное сходство с начальницей кассовых операций Белсинкра-банка Юлией Гримальских и знание русского языка, в пассиве он видел серьёзный минус — отсутствие “аварии”. Точнее, “авария” у Берты имела: немецкие врачи давали ей ещё один, много — два года жизни на свете. Но вряд ли это могло послужить крепким мотивом для замысла Табашникова. Скорее, наоборот: зачем человеку рисковать ради денег, которых он не успеет потратить? Но журналисту не хотелось отпускать Берту: при невзрачной внешности фрау Нойманн обладала беззащитной женственностью и мягким характером. Прячась под маской художницы Елены Земсковой, Табашников еле сдерживался, чтобы не начать флиртовать, не окунуть волнующую его немку в облако комплиментов. Берта, очевидно, испытывала к нему похожие чувства: когда порог доверительности между ними стал ниже, в одном из писем она как бы шутя созналась: “Если бы ты была мужчиной, я бы, наверно, влюбилась в тебя”. Дремавший в анабиозе многолетней моногамии супружества, Женя стал оживать. В то же время, проанализировав множество неудавшихся преступлений, Табашников понимал, когда в деловые отношения вмешиваются чувства, это плохо кончается.

Он долго метался между Бертой и поиском новой кандидатуры, прежде чем его осенило: неизлечимая болезнь немки — антимотив, равноценный мотиву, а возможно, и более верный: терять ей нечего.

Женя старался гнать от себя мысли, не касающиеся задуманного предприятия — со времён завоёвывания Алёны, принесшего ему много боли, он боялся влюбляться. К тому же отношения с Бертой не имели

будущего. Но вечерами, в тусклом освещении компьютерного клуба, он подолгу шурился в монитор на бледно-бледно голубые глаза и тонкие губы худенькой продавщицы из Дрездена.

И всё-таки Женя решил отказаться от затеи с банком: за два с лишним месяца он не смог подобрать ни одного подходящего идента для инкассатора Михаила Никишина. Писали либо очень похожие, но на зависть беспроблемные бонвиваны, либо совершенно некондиционные джентльмены удачи — мечта французского Иностранного легиона. Поискв ещё, уставший Табашников окончательно решил — всё. Он даже радовался такому исходу: больше не придётся таскаться после работы в Интернет-кафе, врать дома про тирана Мамкина, высасывающего все соки. Ничего не объясняя окучиваемым два месяца идентам, он просто прекратил отвечать на их письма. Пашке сказал:

— Поиграли и хватит.

Но, вопреки ожиданиям, не услышал в ответ облегчённого вздоха. На лице Бузлаева обозначилась гамма эмоций, которую принято называть смешанными чувствами:

— Я уж как-то даже, этот, настроился...

— Ты правильно говорил, ерунда это — мы и ограбление банка.

Он только жалел потерянного времени. Хотя, конечно, развлёкся. Да и хрен с ним — что было, то было, жизнь продолжается. Поедет в Венецию, развеется.

В Италию, снова за счёт спонсоров, на пять дней отправлял его Костя. У идентов появилась новая мода: карнавал без масок! На “Тъме” подготовка началась за полгода. Идея состояла в том, чтобы, собравшись максимально возможным числом двойников и одинаково одевшись, продефилировать в праздничной толпе. За века существования карнавала Венеция ничего подобного не видела. Журналисты всех стран спешили получить аккредитацию — организаторы праздника в этом году ждали наплыва вдвое против обычного.

Мыслями Табашников был уже там. В день перед отъездом шёл на работу в приподнятом настроении. Радуюсь необычно тёплому для начала февраля дню, глазел на капающие с крыш сосульки, глубоко вдыхал утреннюю свежесть.

Первыми, кого он встретил, поднявшись в отдел, были болтавшие под дверью журналистка Снесова и переводчица Дина Быкаева. У шкафа со справочниками и архивными цифровыми кассетами за компьютером работал Глеб Померанцев. Его пальцы скакали по клавишам, как застигнутые врасплох ледоходом рыбаки со льдины на льдину. “Здорово, старик, — протянул руку Глеб, не отрываясь от монитора. — Цейтнот полнейший!”.

В доносившемся от двери разговоре Табашников сначала вычленил забавную оговорку Снесовой: “...играл Рахманинова, Бетховенова...”, а потом её же, не понятно к чему относящуюся реплику: “Какой титанский труд!”.

— Ирина, у тебя текст готов? — прервал Женя высокодуховную беседу подчинённых.

— Сейчас... — закатив глаза, журналистка обратилась к подруге так, чтобы слышал начальник: — Вчера иду по коридору, смотрю — Парфёнов навстречу. Я ему: здрасьге, Леонид Геннадич, а он говорит: “Меня тут один проект делать зовут, но нужен толковый соавтор. Ирина, я видел сюжеты по вашим сценариям — может, мы могли бы поработать вместе? Подумайте...”.

— Соглашайся, — попросил Табашников.

Снесова нехотя направилась в свой угол, неуклюже задев бедром телевизор, с утра до вечера без звука показывающий эфир “Лиры-ТВ”.

— Глебыч! — выкрикнула она, едва начав печатать, — “виски” какого рода? Мужского?

— Среднего, — машинально ответил Померанцев. Прекратив тарабанить по клавишам, он уставился на выстроившиеся в шкафу разноцветные картонные папки с круглыми дырками на корешках. — Знаешь, старик, — меланхолично обратился он к Табашникову, — я тут подумал — ведь к среднему роду в русском языке относятся в основном вечные понятия: небо, море, пламя, семя, вдохновение... А у американцев — виски!

— Плохие американцы! — съязвил Женя. — Ты как мой знакомый один: Америка катится в ад.

— Да я не в том смысле, старик. Просто ведь правда — особенность интересная...

— А вы, Евгений Семёныч, в Венецию завтра? — подала голос Дина. — Хорошо вам...

— А вам чем плохо?

— Да так... Пашешь, пашешь, а дальше МКАД не выбираешься.

— Так чего же вы, завистливые люди, от девочки Снегурочки хотите? Сходите к Константину Юрьевичу, — глядишь, он и вас отправит.

— Отправит он, — задохнулась Быкаева.

— Догонит, и ещё раз отправит! — высунулась из своего угла Снесова.

— А хотите, Евгений Семёныч, я вам погадаю на дорожку? — Дина наполовину вытянула ящик стола, где хранила колоду аляпистых — золото с красным — карт.

Женя отвернулся, собираясь, наконец, добраться до своего компьютера:

— Я, Дина, картам не верю.

— Зря: мои карты не врут, — с приставучестью профессиональной гадалки пропела переводчица.

— Правда, старик, интересно, — неожиданно поддержал её Померанцев.

Табашников нехотя присел на подлокотник кожаного дивана. Тщательно тасуя колоду, Дина долго раскидывала карты, раскладывала их в разной последовательности. Лопоча себе под нос, снова смешивала масти. Перед собравшимся вокруг стола отделом Женя чувствовал себя неловко. На лице пифии появилось такое же концентрированное напряжение, как когда-то он видел у отца, ищущего ошибку во взятых на дом чертежах.

— Да-а, закрытый вы, оказывается, человек, товарищ начальник, — откинулась она на спинку стула.

Женя встал:

— Можно идти?

— Чё карты-то говорят? — вытянула ладонь в сторону Дины Снесова.

— Судьба ваша, Евгений Семёнович, читается трудно, но одно вам скажу: из Италии вы привезёте себе идента.

— Вряд ли, — усмехнулся Женя. — Все знают — двойниками я не интересуюсь, ни на “Тантамаресках”, ни на “Тьме” не бываю принципиально. Пусть на свете хоть миллион таких, как я, всё это стадное, а мне самого себя хватает.

Быкаева независимо повела плечами, покрытыми тёплым платком:

— Верить-не верить — дело ваше. Но идента вы привезёте.

Табашников приехал за день до карнавала. Едва выйдя из здания вокзала Санта-Лючия, ощутил, что перенёсся в город, где лет двести назад встало время. Отправив на вапоретто неромантично настроенного оператора с камерой и штативом в гостиницу, он пошёл наугад по прилепленным к зданиям тротуарам, пытаясь понять, как могли веками держаться на воде все эти палаццо, выглядевшие так, точно их только вчера писал Веронезе. Машины-отражения замков и дворцов колыхались под ногами. Только позже Женя стал обнаруживать, что вода в каналах грязная, стены домов окрашены в сумрачные тона или ободраны, а катающие туристов гондольеры вымучивают улыбки. Но это на его взгляд лишь углубляло пейзаж. Завернув перекусить в заведение под видавшей виды вывеской, он заметил, что его везде преследует один и тот же запах — древней сырости, за столетия впитавшейся в сваи, в мебель и, кажется, даже в небо над крышами.

С заходом солнца город стал мрачным. Скучно освещаемые старинные улицы приобрели жутковатый колорит. Захотелось спать.

Как и следовало ожидать, на гостинице бережливый Мамкин сэкономил: находясь у чёрта на рогах, она являла воплощение опрятной бедности. Но комнатка оказалась неожиданно уютной: затянутые тканью стены, расписанные вручную шкафчики, живые цветы на подоконниках, мягкий свет бра в изголовье кровати. Утром следующего дня сквозь выходящие на канал окна они с оператором разглядывали спешащие на работу гондолы.

Позавтракав, Табашников ждал своего спутника во внутреннем дворе. Выйдя из гостиницы, они влились в гущу туристов, торопящихся к началу Festa delle Marie — праздника, традиционно открывающего первый день карнавала.

— Я так понимаю, не потеряться нам будет затруднительно, — заметил оператор, отнимая у журналиста треногу, — поэтому вечером встречаемся здесь.

Женя кивнул:

— Ты, главное, картинки набери побольше.

Камера-мэн ответил гримасой, означавшей “учёного учить — только портить”. Почти сразу вслед за тем они и вправду потеряли один другого.

Влекомый толпой мимо прилавков с горами карнавальных причудов, сценарист увидел знаменитую баутту. Надев белую скуластую маску с глубокими впадинами глаз и отделанную серебряными галунами чёрную треуголку, остальную часть костюма — широкий аспидный плащ с кружевной пелериной, белые шёлковые чулки и туфли с пряжками, он решил не покупать.

Мамкин сэкономил не только на гостинице, но и на услугах гида. Толкаемый со всех сторон пёстрыми, горластыми Арлекинами, Коломбинами и Пульчинеллами, осыпаемый конфетти, Табашников сильно пожалел об этом на площади Сан-Марко. Английского, вопреки уверениям Константина Юрьевича, итальянцы не жаловали, а приставать к иностранцам было неловко. Да и кто стал бы просвещать незнакомого туриста, вместо того чтобы веселиться? Материал об идентах оказался под угрозой.

Союзы двойников обозначались в карнавальном шествии, как вкрапления слюды в граните. То там, то здесь шли по семь-восемь, а то и десять человек на одно лицо, одинаково одетых, с одной и той же причёской. Местами это напоминало психическую атаку каппелевцев из фильма “Чапаев”. К идентам сразу слеталось по несколько камер. Надо будет завтра попробовать записать с ними интервью, подумал сценарист.

Стоя под часовой башней Торре дель Оролоджо, Женя улыбался дворянам и маврам, великанам и карликам, кавалерам, наряженным дамами, дождям и служанкам, камзолам и отрепьям, кружевам и золоту, целым корзинам цветов в причёсках синьор и напудренным парикам синьоров...

Вздвогнув от раздавшегося рядом вскрика, он буквально из-под чьего-то башмака выхватил едва коснувшийся камней площади ярко расписанный овал с прорезями для глаз и густо напозаженным ртом. Но лица его хозяйки заметить не успел: торопливо приложив овал к лицу, кружевные перчатки уже завязывали на затылке ленты.

— *Le sono molto grata* (**Я вам так признательна (итал.)**), — раздался из-под маски высокий женский голос.

— *Non La capisco*, (**Не понимаю (итал.)**) — ответил Табашников заведомо выученной для таких случаев репликой.

— *Oh, Lei straniero? Da dove e venuto? Speak english?* (**О, вы иностранец? Откуда вы приехали? Говорите по-английски? (итал., англ.)**).

Итальянка говорила по-английски безграмотно, но бегло. Рассказала, что работает гидом в турагентстве. Пришла на карнавал с друзьями, да отбилась от компании. Неожиданно предложила:

— Хотите, покажу вам Венецию?

— Вы даже вообразить не можете, как хочу, — обрадовался Женя. Маска делала его голос глухим. — Если, конечно, у вас есть время.

— Времени сколько угодно — до конца карнавала я в отпуске. Собиралась прокатиться в Испанию, но разругалась со своим amico... — женщина протянула руку: — Моё имя Кьяра.

Представившись в ответ, Табашников почувствовал сильное пожатие её тонких пальцев в перчатке.

— Вы специально приехали посмотреть карнавал, Евгений?

— Я должен сделать для своего телеканала материал о нём, но у нас возникла проблема с гидом.

— Вы тележурналист?! А где же ваша камера?

Табашников сделал неопределённый жест над головами толпы. Не видя лица итальянки, он любовался её богатым нарядом. Возникла пауза. Задрвав голову, Кьяра поглядела на летающих над Сан-Марко голубей:

— К нам в агентство часто приходят люди из России, но вот так я знакоюсь с русским впервые. А почему вы выбрали именно баутту?

— Мне кажется, это наиболее знаменитый карнавальный костюм. Баутту любил сам Казанова.

— О, это правда, — Кьяра хихикнула так, будто знала Казанову лично. — Но на вас не вся баутта, вы знаете об этом? Только larva...

— Я знаю.

— У вас хороший вкус: этот зловещий образ предпочитала высшая аристократия. По сути, это маска смерти, пришедшая на карнавал со средневековых миниатюр. По древнеримским поверьям larva — душа

молодого человека, который погиб слишком рано и несправедливо. Но после смерти страсти, которые переполняли его плоть, ожили.

— В русском языке тоже есть понятие “лярва”. Но по славянским поверьям это злобный женский дух, который любит хулиганить и блудить, а если вселяется в женщин, делает их распутными девками.

— С итальянского *larva* тоже переводится как “призрак”. — Взяв Табашникова под локоть, Кьяра сменила тон на игривый: — А вы знаете, Евгений, что надеть баутту означает отречься от своей индивидуальности, освободиться от норм морали. Вы к этому готовы?

— Только наполовину: на мне ведь не весь костюм, — отшутился Женья. — А ваша маска как называется?

— *Dama di Venezia*. Самая красивая женская маска. Она олицетворяет красавицу из высшего сословия эпохи Тициана. Я похожа на красавицу из высшего сословия?

— Очень!

Продолжая держать Табашникова под локоть, итальянка повела его через площадь. Он чувствовал сквозь одежду тепло её руки.

— Вам нравится праздник? — стараясь перекричать шум и смех вокруг, спросила она. — Мне кажется, сотни лет назад, в дни первых карнавалов всё было точно так же.

— Почему нет? Те же дома и каналы вокруг, те же маски, те же традиции.

— А люди?

— И люди во многом остались прежними, я думаю.

— Представляете, первое упоминание о нашем карнавале относится к тысяча девяносто четвёртому году, а в тысяча двести девяносто шестом Сенат Венецианской республики официально провозгласил праздничным днём последний день перед великим постом. Ой, смотрите! Смотрите! Видите эту маску с длинным носом? Ну, вон на парне впереди! Это маска *Mattacino*. Такая с виду скромная, да? Но когда-то только в ней позволялось кривляться и выделываться в разных неприличных позах. Сейчас *Mattacino* сделали своим символом геи и лесбиянки, а первое объединение гомофилов называлось “Общество маттачини”.

— Маттачино, наверно, было чьим-то именем, в честь кого потом назвали маску?

— Нет-нет. Вы знаете, как по-итальянски “утро”? *Mattino*. А на местном диалекте — *mattacino*. Раньше главным атрибутом этого костюма был ремень в руках, на манер пращи. Парни наполняли полые внутри яйца розовой душистой водой и забрасывали ими из этой пращи женщин, которые рано утром шли по улице.

— Вы, Кьяра, видимо, очень хороший гид. Какое у вас образование?

— Я искусствовед.

Они остановились у помоста, где шло представление дель арте: щеголя красным одеянием, купец Панталоне наяривал палкой по горбу своего слуги Пульчинеллы. От усердия с ноги Панталоне под помост слетела жёлтая туфля, но никто не торопился её поднимать. Тыча по направлению несчастного Пульчинеллы пальцами, рядом встали человек семь идентов с одинаковыми гримасами. Стайка японских туристов — не двойников, но тоже очень похожих — фотографировала спектакль фотоаппаратами-“мыльницами”. Кьяра расхохоталась, когда, оставив в покое слугу, Панталоне переключился на разговор с подошедшим Доктором.

— Dottore говорит псевдоумные вещи на болонском диалекте, — пояснила она сквозь смех. — Это очень смешно, но я не сумею перевести. Пойдём дальше?

Они долго шли вдоль Гран Канала и вернулись на площадь Сан-Марко, когда начало смеркаться. Кьяра кивнула на даму в скромном одеянии, большую часть лица которой закрывал сплошной круг чёрного бархата, имевший лишь отверстие для глаз:

— Самая загадочная и романтическая маска — *Servetta muta*. Как же это перевести... “Немая служанка”.

— Маска приклеена? — удивился Табашников, не заметив у круга завязок или других приспособлений, способных удерживать его на лице.

— А вот угадайте. Там изнутри, в районе рта шпенёк, который приходится зажимать зубами, чтобы маска не падала. Потому-то служанка и немая. Остроумно, правда? Сегодня *Servetta muta* делается только на заказ. В народе её звали отрадой мужей. Евгений, а у вас есть жена?

Сценарист кивнул.

Кьяра повела его дальше. Они смотрели дворец Дожей, бродили по мосту Риальто, поднимались на колокольню Сан-Марко, откуда открывался потрясающий вид, но впечатление портил ужасный сквозняк.

Стемнело. По периметру галерей собора Святого Марка зажглись электрические лампочки. Из старинных кафе доносились звуки скрипки, с разных сторон заискрились фейерверки. Итальянка поправила на голове Табашникова треуголку:

— Наполеон говорил про место, где мы с вами стоим: “Эта площадь — самая элегантная гостиная Европы”. Не поспоришь, верно?

Табашников, не шевелясь, устал глазные отверстия своей маски в прорези маски девушки:

— Кьяра, а не пришла ли пора нам это снять?

— И не придёт, — покачала она головой. — Вы хотите, чтобы тайна разрушилась, а мы превратились в скучных современных людей?

— Тогда, возможно, вы разрешите мне в благодарность за этот чудесно проведённый день пригласить вас на ужин? Я читал в путеводителе, тут есть знаменитое кафе “Флориан”. Кажется, вон оно, — Табашников подался в направлении заведения с художественно обшарпанными стенами.

— Сейчас во “Флориан” не пускают: в эти дни там собирается наша аристократия. Видите, сколько зрителей заглядывают в окна? Но я, пожалуй, смогу вас провести — наше агентство с ними в хороших отношениях. Только давайте так — во “Флориане” мы выпьем кофе, а поужинать я предлагаю в Кастелло или Канареджио: там готовят не для туристов, поэтому — вкусно и сытно. Вы же хотите увидеть не сувенирную Венецию?

Прилепившись к барной стойке, Табашников и Кьяра рассматривали важно лакомившееся высшее общество в карнавальных костюмах. Ларва, закрывающая лицо на две трети, позволяла журналисту прихлёбывать терпкий “ристретто”, запивая каждый глоток водой из прозрачного стакана.

— Кьяра, — взмолился Табашников, — ну вы как ребёнок! Что плохого в том, что мы увидим лица друг друга? Это никак не изменит моего отношения к вам.

— А как вы ко мне относитесь?

— Я... редко к кому-нибудь так хорошо отношусь.

Итальянка опустила голову:

— Но маски снимать мы всё равно не будем. Того, что мы знаем друг о друге, достаточно, остальное может лишь навредить. Ведь маски придумали затем, чтобы всех уравнивать на время праздника. Рабам позволялось сидеть за столами вместе с хозяевами, враги могли пить вино из одной чаши, и никто не знал, кто находится рядом — разве это не чудо? Так зачем его разрушать? Вы уедете, и мы никогда больше не увидимся с вами, поэтому пусть вы останетесь для меня чем-то вроде хорошего сна. А я — для вас.

Они помолчали.

— С ума можно сойти! — восхитился Табашников. — Я сижу в кафе, где бывали Хемингуэй и Модильяни.

— И Байрон, и Гёте, и Диккенс, и Шатобриан, и Пруст, и ваш Стравинский...

Из "Флориана" они перебрались в маленькую тратторию в жилых районах, и Женя впервые ел настоящую пасту, запивая макароны домашним вином.

— Я замечательно провела с вами время, — поблагодарила девушка, когда они вышли на ночную улицу.

— Нет, Кьяра, это вы подарили мне сказку.

— Хорошо: пусть мы оба подарили друг другу сказку. Но я хотела бы вас за это отблагодарить.

Табашников ни за что не смог бы когда-нибудь повторить этот путь. Долго идя вдоль тёмных каналов, они то поднимались на мосты, то сворачивали под арки, встречая весёлые пьяные компании в камзолах, кружевах и перьях. Но основное веселье, сполохи фейерверков, музыка, шумело где-то в стороне. Заглядевшись на кувыркающееся в воде отражение луны, Женя побегал догонять Кьяру, чуть не столкнувшись с карапузом в костюме кардинала.

Наконец итальянка остановилась. Вынув таившийся в оборках платья ключ, отперла тёмную рассохшуюся дверь. Внутри небольшого помещения оказались колоссальные запасы карнавальных костюмов, висевших на крючках, разложенных на полках, по столам, валявшихся под ногами. В темноте у противоположной от входа стены угадывалось с десятков швейных машинок, с которых вялым серпантинном свисали портновские сантиметры.

— Это мастерская? — прогудел из-под маски Табашников.

— Читайте, что мы попали в сказку со служебного входа.

Встав перед Женей, девушка демонстративно смерила его взглядом с ног до головы. Неторопливо, одну за другой, стала расстёгивать пуговицы платья. Сначала он увидел смуглую шею, следом — тускло блестящие тугие плечи, медленно появляющуюся из-под ткани большую упругую грудь с беззастенчиво темнеющими сосками.

— Ты думаешь, я шлюха? — почти утвердительно произнесла она.

Табашников энергично завертел головой, хотя именно так и подумал. Он провёл пальцами по её ключицам:

— Теперь мы всё-таки снимем маски? Иначе я даже не смогу тебя поцеловать.

— Какой идиот придумал поцелуи? — прошептала она. — Поцелуи убивают страсть.

Женя убедился в этом, когда, застонав от невозможности впиться губами в её губы, грубо смял тяжёлые груди своей мучительницы. Застонав в ответ, одной рукой она обхватила его шею, а другую смело сунула ему между ремнём брюк и животом. Но вела себя с его “мужской гордостью” так, как любая женщина обращается с ужом: и знаешь, что не покусает, а на всякий случай надо поосторожней — змея есть змея. И по её нерешительности Табашников понял — никакая она не шлюха.

— Не жалеешь? — задала вопрос Кьяра, когда они расслабленные лежали на груде костюмов.

— Мне давно не было так хорошо. Наверное, только так и должен отвечать на этот вопрос настоящий мужчина, но я говорю правду.

Девушка повернулась набок:

— Во время карнавала никогда ничего не казалось слишком стыдным, слишком смелым, безрассудным или распутным. Это была отдушина для итальянцев, которые задыхались от религиозных запретов. Адюльтер — не измена, кража — просто шутка... Да-да. Не совершить грехопадение в эти дни вообще считалось дурным тоном. Но чтоб потом не расплачиваться за вольности, все прятались под масками. Венеция всегда была небольшой, многие знали друг друга. Как жаль, *topetto*, что на земле не всегда карнавал. Если бы не надо было снимать маски, люди не страдали бы от своей бедности — ведь в основном они несчастны не от того, что бедны, а потому, что им дают это понять. Не было бы трагедий из-за несчастной любви, и дурнушек, безнадежно влюблённых в красавцев... Вот ты говоришь, тебе было хорошо со мной — а вдруг я страшная, как последний день Помпеи?

— Мне всё равно.

— Не лги. Но я красивая.

— Так покажи.

— Нет. Кстати, в Венеции были времена, когда маски не снимали и после праздника. Но всё чаще для того, чтобы совершать плохие поступки. Это вынудило церковь запретить ношение масок вне карнавала. А в тысяча шестьсот восьмом году в Венеции издали декрет, по которому мужчинам за ношение масок в повседневной жизни полагалось два года тюрьмы и штраф, а женщин публично секли на площади розгами. — Итальянка положила голову Жене на грудь. — Потому что всё новое кто-то использует для блага человечества, кто-то для собственной корысти, а кто-то — обращает во зло.

Табашников поцеловал ей руку:

— Кьяра, ты назвала меня как-то интересно... “*топетто*”. Что это?

— *Topetto*? — Кьяра задумалась, подбирая перевод на английский. — *Topetto* — маленькая мышка, мышонок. Ласковое итальянское прозвище.

Табашников хохотнул. Он бесцеремонно задрал на итальянке платье, открывая стройные бёдра в чулках, и, задыхаясь от желания, потребовал:

— Ещё!

Они вышли на улицу, когда было уже светло.

— Мы встретимся снова? — Женя поправил девушке выбившиеся из-под маски волосы.

Она смахнула с его плеча налипшие в мастерской блёстки:

— А ты хочешь? Тогда в два часа жди меня там же, где мы встретились сегодня. То есть уже вчера.

Но Кьяра не пришла. Табашников ждал её каждый день под часами Торре дель Оролоджо, единственный грустный человек среди обжигающего веселья. Он крыл себя последними словами за то, что не выпытал у случайной знакомой ни номера телефона, ни фамилии, ни хотя бы названия турагентства, где она работает. Была, конечно, мысль обзвонить их все, но как искать в Венеции девушку с популярным итальянским именем Кьяра?

Сценарист прилетел в Москву вечером. Чуть не забыл в багажнике такси сумку с вещами.

— О! Табашников вернулся, — не отрываясь от телевизора, зафиксировала Алёна. — Как Венеция, Табашников?

— Стоит. Как ты себя чувствуешь? Малыш толкается?

— Не толкается, — враждебно ответила жена.

Погладив сына по спине, мама Инна направила его в сторону кухни:

— Мы тебя раньше ждали.

— Багаж долго получал. Как твоё давление?

Вместо ответа мать на секунду зажмурила глаза. За чаем, путаясь в предложениях и междометиях, призналась, что у Алёны случился выкидыш.

Ночью, когда Женя, пытаясь заснуть, ворочался, как ржавый гребной вал поднятого со дна корабля, в голову сам собой пришёл синопсис. Жили себе скучной серой жизнью мужчина и женщина. Жили до тех пор, пока не появилась та, которая увлекла мужчину за собой. В яркую, интересную жизнь. Но женщина нашла его и вернула. И они снова стали жить счастливо. Надо назвать “Огненная королева”, да предложить как идею сериала, подумал Табашников. О выкидыше он изо всех сил старался не вспоминать.

Днём на работе Женя раздавал сувениры — маски, кукол, кружки, зажигалки, игрушечные керамические гондолы — всё, что второпях накупил перед отъездом.

— Смотри, старик, — принимая из рук начальника отдела бутылку “Кьянти”, ткнул пальцем в развёрнутую газету Померанцев. — Цитирую: “Президент России передал в дар патриарху икону Божией Матери”! Почему нельзя просто написать по-русски — подарил? Президент что, не человек?

— Если наша власть говорит “Мочить в сортире” и “Кошмарить”, то ты скажи спасибо, что там не написали “всучил”.

Снесовой досталась ручка с надписью Venezia, а Дине Быкаевой — настенный календарь с репродукциями полотен Тициана.

— Ну как, Евгений Семёнович, нашли вы идента? — поинтересовалась переводчица, разглядывая картину “Диана и Актеон”.

Женя непонимающе посмотрел на Быкаеву, а вспомнив их последний разговор, коротко бросил:

— И не искал.

Но зайдя в Интернет, в своём профайле на “Тъме” увидел письмо от двойника инкассатора Михаила Никишина. Того двойника, подобрать которого не мог много недель и из-за которого перечеркнул славно производное предприятие.

Идента — бухгалтера крупной дизайнерской фирмы одежды из Милана, звали Джованни Теналья. Не имея уверенности, что у парня окажется хороший мотив, Табашников, поколебавшись, всё-таки написал ответ:

на Никишина итальянец походил как родной. “Это просто из любопытства”, — сказал себе Женя.

Синьор Теналья оказался человеком диковинной общительности: читая его следующее письмо, сценарист утомился. Из длинного-предлинного текста он получил представление обо всей сверху донизу структуре компании, где считал деньги вихрастый Джованни, узнал, кто в 1872 году пел партию Радамеса в первой постановке “Аиды”, и понял, что следовало бы предпринять итальянскому правительству, чтобы раз и навсегда решить большой для страны вопрос переработки отходов. А уже в третьем послании темпераментный миланец под большим секретом открылся Табашникову, что его угораздило совратить устроившуюся недавно к ним в фирму хорошенькую девчущку, оказавшуюся несовершеннолетней, и теперь её братья его шантажируют, требуя денег. “Они вымогают миллион евро, — сокрушался любвеобильный бухгалтер. — Если они предадут дело огласке, меня посадят”. “Но ведь они должны знать, что у обыкновенного человека не может быть такой суммы”, — недоумевал сценарист. “Они хотят, чтобы я запустил руку в кассу компании. — Но если я это сделаю, меня тоже посадят. Это безвыходная ситуация, я сажусь хоть так, хоть так”. “Мне кажется, я смог бы вас выручить”, — написал Табашников и тем же вечером поехал к Пашке.

— Ты ещё не передумал? — огорчил он его.

— Чё не передумал?

— Всё то же, не понимаешь, что ли.

— А-а... Так ты же, этот, сам, вроде, отбой дал?

— Я пошутил. Так что?

— Ну ты, блин, этот, шутник! Тогда у меня всё в силе.

Завернув по дороге от Бузлаева в Интернет-кафе, Табашников отписал всем идентам: “Тысяча извинений за продолжительное молчание: был страшно загружен по работе”.

Итак, кто у него есть? Берта Нойманн, Тарас Красюк, Абдураззак абу Шакур ибн-Язид, Томас Рэйнуотер и Джованни Теналья. Женя гордился сложившимся ансамблем: все безупречно похожи, каждый имеет основательный мотив. Единственный, у кого мотива не было — сам Табашников. Бестолково прожил лучшую часть жизни — разве это причина? Но в этом таился и свой расчёт. Если всё сорвётся, никто не поверит: такой благополучный человек — и ограбление банка.

До определённой степени сценариста огорчало, что не с каждым из двойников он сумеет объясниться напрямую. Но специально интересуясь у идентом знанием языков, Табашников осуществлял подбор так, чтобы одни могли переводить другим. Взяв лист бумаги, Женя набросал схемку. Получалось следующее: по-русски он может объясняться с Тарасом Красюком и Бертой Нойманн, одолевшей великий и могучий в гэдээровской школе. По-английски — с Рэйнуотером. Итальянец, не зная ни русского, ни английского, ещё в колледже овладел немецким — следовательно, с Джованни придётся общаться через немку. Остаётся Абдураззак, умеющий говорить исключительно на своём родном. Но человек-амфибия Рэйнуотер, такой же паникёр, как все американцы, после событий 11 сентября с перепугу помчался учить арабский, а заплатив сдурю сразу за весь курс, домучил язык до разговорного уровня. Значит, с Абдураззаком говорим через Томаса. Последние два варианта значительно снижают

необходимый в таком щекотливом деле элемент доверительности, но других вариантов нет. Табашников разорвал листок пополам.

Следующий ход — звать идентов в гости.

— Когда в ближайшее время вы повезёте в филиал сто тысяч? — поинтересовался он у Бузлаева.

— Уже пора? — покрылся потом Пашка. — Вот только, этот, в пятницу ездили.

— Значит, через месяц?

— Через месяц. Ты, братка, скажи лучше, как твои иностранцы такое, этот, бабло из страны вывезут? В спортивных сумках?

— Вывезут. Моя забота.

Этот вопрос возник у Табашникова, когда ещё только замаячила вдали Берта Нойманн. Подняв стародавние, газетных времён знакомства, Женья выкопал одного мазурика, в девяностые не без успеха строившего финансовые пирамиды, а ныне консультирующего бизнес по юридической части.

— Компаньонам моих друзей, возможно, к весне понадобится перевести за границу очень солидную сумму денег, — объявил он, захав в юридическую контору своего старого знакомого.

— Насколько солидную сумму?

— Я конкретно не знаю — речь, кажется, шла миллионах о двадцати-двадцати пяти евро, что ли...

Бывший строитель пирамид хрюкнул:

— Такие деньги есть, а путей нет?

Женья неестественно засмеялся:

— Ну, так получилось. Это ещё не наверняка: они заранее беспокоятся, на меня вышли — говорят, ты на телевидении работаешь, всех знаешь.

— Я могу вывести твоих друзей на одну фирму, которая за определённый процент занимается такими, гм, не совсем праведными переводами.

— Сколько они берут?

— Три десятых процента.

— А не тиснут они деньги? Сумма-то...

— Зачем? Они не первый день работают. Но если твои друзья побаиваются, пусть переводят частями, хоть по три миллиона. Перевели три миллиона, посмотрели — если деньги прошли, поехали дальше. Так делают.

— А вы что с этого будете иметь?

— За меня не беспокойся, — попросил мазурик.

— Тогда я вам позвоню. Если что.

Женья начал приглашать идентов. Месяца, оставшегося до дня икс, им должно было хватить, чтобы утрясти свой график под поездку в Москву. По словам Бузлаева, деньги повезут седьмого марта. Значит, вечером шестого все должны быть готовы.

Любая неловкость на этом этапе могла стать решающей. Разговор о деле в день приезда Табашников считал неуместным: нужно вызвать к себе доверие и дать двойникам освоиться. Учтивая, что, оставляя дома дела, они вряд ли смогут выкроить больше недели, расписание получится напряжённым. “Заезд с первого марта”, — без улыбки наметил для себя сценарист. Руку на сердце, он думал, процесс забуксует именно здесь:

мудрено собрать в одной точке пять человек с разных краёв Земли, не зная близко обстоятельств их жизни.

Первой он хотел видеть Бертю: немка говорит по-русски, легче будет начать. Вторым — Рэйнуотера: языковой мостик к арабу. Последовательность Джованни и Абдураззака значения не имела — главное, чтобы они согласились, а в каком порядке, всё равно. И лишь лояльность стоявшего одной ногой в бомжеприёмнике уроженца Тернополя Тараса Красюка казалась несомненной и волнения не вызывала.

Фрау Нойманн согласилась легко: ей давно хотелось повидать свою копию — московскую художницу Елену Земскову. Зная аховое положение Берты, немецкое начальство отпускало её без вопросов.

Долго не получалось разобраться с делами у Томаса Рэйнуотера. Обзывая зловонными скунсами организаторов научной конференции, обозначивших слишком жёсткие сроки на подготовку доклада, старший научный сотрудник Национального географического общества США долго прикидывал и так, и эдак, но согласие дал.

Джованни Теналья, несмотря на третировавших его шантажистов, предложение встретиться воспринял оптимистично, но упорно звал Табашникова в Милан. Прокатившись не так давно к идентам в Польшу и Швейцарию, теперь он хотел позабавить своим двойником итальянских родственников. Со скоростью профессионального автора “капустников” выдумывая варианты розыгрышей, которыми они могли бы “убить” родню, он никак не соглашался тащиться в холодную столицу России. Сдался бухгалтер после длинных уговоров и обещания нанести ответный визит.

Но куда сильнее пришлось попотеть с Абдураззаком. В противоположность раздолбаистому дяде Нолику рассудительный торговец оружием взвешивал не только свои слова, но и решения. Из по-восточному иносказательных писем араба Жёня вынес: неплохо знать, что на другом конце света существует неправдоподобно похожий на тебя человек, но что добавит встреча? Абу Шакур усматривает здесь какую-то не совсем достойную мужчины потеху. Сломался Ибрахим ибн-Язид при напоминании о возможной помощи в улаживании его долговых обязательств.

Зато жертва рулетки и покера Тарас Красюк изъявлял готовность покинуть родной Тернополь по первому зову, однако имеющаяся в его распоряжении наличность не позволяла ему продвинуться дальше Львова, о чём украинец и уведомил далёкого друга, которого уже успел полюбить. В ответ Жёня пообещал Красюку взять все дорожные расходы на себя. Издержки входили в планы Табашникова.

Получив от всех идентов согласие, он забрал с депозита деньги, отложенные на отпуск, и стал просматривать объявления о сдаче внаём квартир.

Пора было решать, как нейтрализовать инкассаторов. Насев на Бузлаева, Табашников выспрашивал подробности их жизни, пытал о привычках и слабостях.

— Что ещё любит твой дядя Нолик?

— Ну, не знаю. Животных любит — год назад во дворе банка, этот, котёнка подобрал, такого джультбарса вырастил!

— Водку он пьёт?

— Котёнок?

- Дядя Нолик!
- Совсем не пьёт.
- Закодированный?
- Если ему, этот, хоть пятьдесят грамм попадает — всё, на неделю в пике уходит.
- И часто?
- Раза три в год. Мы его всей командой прикрываем. Хорошо хоть Туманишвили, руководитель службы инкассации, мужик с пониманием. Нолик — работяга добросовестный, таких, этот, поискать.
- А теперь расскажи про Дмитрия Сергеича.
- Жену любит.
- Ещё.
- О! Он, этот, машину недавно купил, “мерсешку”. Две тыщи третьего года, состояние идеальное. Трясётся на нем, как не знаю над чем, ночью по десять раз проверять вскакивает. Он, кстати, здесь, в соседнем дворе живёт: помнишь, где мы шалаш строили?
- “Мерседес” у него что, под окнами стоит?
- Ему место на стоянке рядом с домом обещают, но сказали, полтора месяца подождать надо. Вот он и, этот, не спит. Говорит, жена отдельно ложиться стала — он ей высыпаться не даёт своими вскакиваниями.
- Сигнализация есть? Костыль на педали ставит?
- Да в том-то и дело. Он последние деньги выгреб на машину. Говорит, жена сказала — больше ни копейки на это корыто не потратишь! Вот он и бегает по ночам. Но, вроде, этот, под окнами же у себя, чего особенно-то бояться...
- А Миша Никишин ваш? Пристрастия имеются у него какие-то особенные?
- Бабы! — не задумываясь воскликнул Пашка. — Через день да каждый день у новой ночует. Он с матерью живёт, так та его, этот, дома не видит, на работу звонит, чтоб хоть голос услышать.
- Только про нового инкассатора Юру Пашка не знал почти ничего.
- Женя задумался. Сразу решение родилось только относительно Дмитрия Сергеича.
- Утащи у него ключи от машины, — попросил он Пашку.
- Угонять не буду!
- Да не бойся, получит он потом свой “мерс” в целости.
- А вдруг ключей хватится?
- Конечно, хватится. Хватится и новые сделает. Если на работе пропадут, то подумает, просто потерял. А про Юлию Карловну узнай, где живёт, съезди туда, посмотри, что за двор, какой подъезд, есть на двери код или нет.
- Зачем? — подозрительно прищурился Бузлаев.
- Сам пока плохо представляю. Ты, главное, сделай.
- Пашка пожевал губами:
- Раз такие серьёзные дела покатили, давай, этот, про меня подумаем. Менты на инкассаторов насядут. Значит, и на меня тоже.
- Тут два варианта. Хочешь — куплю тебе билет в любую точку мира. Возьмёшь с собой денег на первое время. Поселишься в отеле, откроешь счёт, а я тебе остальные перечислю. Поезжай вон с Бертой, с немкой, я тебе рассказывал про неё, в Германию. Она русский знает, поможет. С такими капиталами найти людей, которые вам их отмоют, раз плюнуть.

— Да нет... Тут мамка, пацаны, Пупсик... отец больной. Я ж согласился, чтоб его вылечить.

— Через полгода, когда всё уляжется, заберёшь отца тихонько.

— Да он, этот, загнётся окончательно через полгода. Не поеду я. А второй вариант какой?

— Второй такой. Следствие на вас, конечно, насядет. Но ты упорно своё гни: скажешь, по дороге на работу какие-то уроды затолкали тебя в машину и долго везли куда-то. Пока ехали, глаза завязали. Потом остановились, переложили тебя в багажник и заперли. Сколько времени прошло, не знаешь. Много. Потом снова повезли куда-то и выбросили за городом. Ты повязку с глаз содрал — уже темно. Поймал мотор, приехал домой. Вам, конечно, всем несладко придётся, но доказательств против вас не будет.

— Это как повернуть. Закон, сам знаешь...

— Насчёт этого не беспокойся — я позабочусь, чтобы дело освещала пресса, хорошие журналисты. Тут никто не рискнёт улики подтасовывать. Ты, главное, на своём стой и меня не выдавай. А то ни свободы, ни денег не увидишь.

— Да я понимаю.

— Но уехать тебе всё равно придётся. Тут за тобой следить будут, тыщу потратишь — и привет.

— Там поглядим. Ты, этот, чемоданы не забудь купить.

— Какие чемоданы?

— А деньги ты в чём переносить собрался?

— Ну, не знаю, — задумался Табашников. — В сумках?

— Ты ещё скажи, в коробках! Ты себе, этот, представляешь, как выглядят тридцать пять миллионов? Стандартная банковская упаковка — сто штук евро купюрами по сотне. Она, этот, килограмм весит, у нас их “кирпичами” называют. “Лимон” — десять кило. Значит, тридцать пять “лимонов” — сколько?

— Триста пятьдесят килограммов?

— Ну. В один мешок двенадцать, этот, кирпичей влезает — “лимон” двести штук.

— Как от картошки мешки?

— Сам ты картошка! Мешок — сумка инкассаторская, сорок на сорок сантиметров, такая, этот, с замками. Видал в кино, может? Так что дуй за чемоданами.

— Ты купи сам, а? — попросил Женя. — У меня и так сейчас забот хватает. Возьми семь чемоданов, каждому его долю туда отсчитаем.

— Ла-а-адно. Чего для близкого человека не сделаешь, — размяк Пашка при упоминании о деньгах. — Я вот, знаешь, мечтаю — не работать, каждый день по сто евро доставать и гулять идти. Пацанам проставиться. Жратву, этот, самую лучшую каждый день хавать, водяру — только “Абсолют”...

— Красиво жить не запретишь, — усмехнулся Табашников.

Встречая немку в зале прилётов Домодедова, вымоливший накануне у Мамкина две недели за свой счёт Табашников держал в руках табличку с крупной надписью “Берта Нойманн”.

К нему нерешительно направилась тоненькая женщина в светлом демисезонном пальто. “Гутен таг, — помахал ей сценарист. — Ваш идент

Лена Земскова очень извиняется, что не смогла вас встретить. Её срочно отправили отсматривать акварели для выставки, она вернётся завтра. А я друг Лены, она поручила мне развлекать вас до её приезда”.

На стоянке, галантно распахнув перед Бертой дверцу своей “Ауди”, он предложил:

— Пообедаем?

Нойманн покрутила головой:

— Нас кормили в самолёте.

— Тогда давайте я покажу вам Москву. Садитесь.

Такой вариант виделся Табашникову наиболее подходящим. Давно отвыкнув общаться с противоположным полом вне работы (мама Инна с женой не в счёт), он просто не знал, что делать с иностранкой, знакомой только по письмам. Но беспокойство оказалось напрасным. Берта вела себя не зажато, с ломким акцентом рассказывала о сестрёнках, о матери с отцом, о Дрездене. Когда она, смеясь не всегда удачным Жениным шуткам, деликатно касалась его руки, ему хотелось взять её ладонь в свою. Осознавая неуклюжесть собственных острот, он чувствовал — она смеётся не от того, что смешно, а потому, что он ей нравится. И она, некрасивая немочка с как будто пошорканными ластиком голубыми глазами, тоже понравилась ему нестерпимо. Предупреждая её желания, он наговорил ей столько милых вещей, сколько она, возможно, не слышала за всю предыдущую жизнь. Всю страсть, чувственность, разбуженную в нём Кьярой и не взятую ею, он хотел выместить на этой немного блёклой, но внутренне притягательной барышне.

— Вы так лихо водите! — уважительно похвалила Берта, глядя на проскакивающие за окном здания.

— Вам кажется, — поскромничал Табашников.

Обгоняя забрызганные грязью автобусы и следя за Нойманн боковым зрением, он ловил себя на мысли, что ему нестерпимо любопытно, как такие благонравные особы ведут себя в постели. И тут же его очень по-человечески зло брало на болезнь, из-за которой Берты скоро должно не стать и о которой она до сих пор не сказала ни слова.

Он решил признаться в своей влюблённости сегодня же. Можно было не торопиться, но Женя рассчитал: если сказать об этом накануне, за ночь явно равнодушная к нему женщина настроит воздушных замков и завтра будет сговорчивей в главном. Когда вечером они сидели в ресторане русской кухни на Красной площади, Женя глядел на Берту самым откровенным образом. Справившись с первым впечатлением, произведённым величавой роскошью заведения, немка почувствовала смущение. Почти не ела, скромно поковыряв вилкой затейливо приготовленную рыбу. Ей, редко пользовавшейся дома вниманием мужчин, кружили голову ухаживания москвича.

— Женя, — кокетливо сложив перед собой руки на скатерти, Берта от волнения перешла на немецкий, — *beliebt, euch eins Frage zu aufgeben...* Извините. Я хотела сказать, у меня есть к вам один нескромный вопрос.

— Хоть десять!

— Вы говорили — вы друг Лены Земсковой. Но слово “друг” в русском языке можно понимать по-разному...

— И что же? — Табашников выжидательно замолчал в ответ. — А! Нет, Берта, нет, мы с Леной просто друзья. Вместе учились в Суриковке — Московском художественном училище.

Немка повеселела.

— Скажите, а я в жизни на неё похожа так же, как на фотографиях?

— Даже больше.

После ужина Табашников привёз Нойманн в квартиру, которую снял для неё около метро “Красносельская”. По его расчётам, отдельно каждому иденту предстояло жить от одного до пяти дней: деньги повезут седьмого марта, а вечером шестого он переселит всех в общее жильё, откуда они утром все вместе поедут в банк. Если поедут.

— Вот здесь и живёт ваша Лена, — вынув из двери до блеска отшлифованный многими прикосновениями ключ, сценарист положил его на полочку под зеркалом. — Нет-нет, разуваться не нужно!

Наклонившаяся было к изящному ботику немка выпрямилась:

— Разве в России не принято надевать тапочки?

— Вообще-то принято, но художники — люди богемные.

— Уверены?

— Совершенно. Что до меня, мне кажется, в приличных домах снимать обувь вообще дурной тон. — Под влиянием прогрессивно мыслящего отца в доме Жениных родителей не разувались. Но на Большой Грузинской в схватке с Алёной ему эту норму отбить не удалось. — А в Германии что, переобуваются?

Берта миролюбиво хлопнула носом:

— Кажется, я простудилась. В Германии — из дома в машину, из машины в дом. Но в Москве, я заметила, очень грязно — как тут в обуви? — она кивнула на ковровое покрытие под ногами. — Наверно, всё зависит от климата.

— При чём тут климат? Всё от этикета зависит: представьте, вы приходите в гости, наряженная, как герцогиня, а вам — разношенные тапки!

Пройдя в комнату, Нойманн огляделась: диван, ковёр на стене, керамическая ваза на телевизоре. Табашников старался подбирать кров поприличней, без привкуса казённости.

— Что-то не похоже, что здесь живёт художница.

— Она больше времени в мастерской проводит, — выкрутился Женя.

Подойдя к окну, Берта отразилась в тёмном стекле. Табашников обнял её сзади, развернул к себе лицом. Поцеловал в губы. Ленивый шёлковый язык немки многое обещал впереди. Прижимая к себе тонкую послушную фигурку, он ощущал боль в пальцах от своенравных пуговиц.

Берта уверенно убрала его руки:

— Сегодня нет.

— Но я хочу тебя.

— Я тебя тоже.

— Тогда почему нет?

— Я не могу сразу.

А утром Пашка сообщил, что уволился инкассатор Лёха.

— Не болтай по телефону об этом! — рубанул Табашников. — Я сейчас приеду.

Он мчался по городу, не радуясь начинающейся весне, не замечая уже не по-зимнему яркого солнца.

— Да ты что, Павел, в штаны наплавил, издеваешься?! — грянул зачинщик операции, когда Бузлаев вышел за ворота банка. — У меня уже американец в воздухе!

— А чё ты, этот, орёшь-то на меня? Я, что ли, виноват?

— Извини, извини, — пришёл в себя Женя, — нервничаю. Ты же понимаешь, какое дело затеяли.

— Ещё остановиться не поздно.

Табашников промолчал. Именно то, что не поздно остановиться, до сих пор двигало его вперёд. Он не верил, что делает всё взаправду.

— Вместо него вот Юру поставили, — Пашка протянул мобильник: — Я сфоткал, на, перекачай.

Найти за три-четыре дня подходящего идента было невозможно. Не говоря о том, чтобы залучить его в Москву. Разве только попадётся кто из здешних.

Не теряя надежды, Табашников разместил на “Тьме” полученные от Бузлаева фотографии широкоскулого медведя лет сорока. Извинился перед Красюком, сославшись на непредвиденную командировку. Хорошо, не успел перевести ему деньги на проезд.

Когда он добрался до Берты, она открыла ему свежая, с влажными после душа волосами, в лиловом платье, доходившем ей до коленок. Нежно ткнулась Жене губами в щёку. Вчера, тайком наблюдая за ней, он не замечал внешних следов водворившейся в её теле болезни. Разве только иногда немка теряла нить разговора, а её бледно-голубые глаза становились совсем прозрачными.

Пройдя на кухню, Табашников бросил взгляд на чашку с недопитым кофе в раковине, открыл холодильник, куда ещё позавчера предусмотрительно загрузил продукты:

— Ты позавтракала?

— Es nicht beliebt. Не хочется. Женя, когда приедет Лена?

Он указал ей на табуретку:

— Присядь. Дело, в общем, такое: никакой художницы Елены Земской не существует. То есть, она, возможно, где-то и есть, но я с ней не знаком.

— Не понимаю... — оторопела Нойманн.

Используя давно заготовленные и отредактированные фразы, Табашников в подробностях поведал ей о своей талантливой выдумке и о роли, которую предназначил для сидящей напротив него женщины. Слушая добродушно, даже вяло, Берта рисовала на столе длинным холёным ногтем одной ей видимые рисунки.

— Я думал, ты испугаешься, — закончив рассказ, удивился сценарист.

— Я уже ничего не боюсь. — Она провела ладонью по той территории стола, где только что рисовала пальцем. — Значит, всё, что ты вчера мне говорил, часть твоего плана?

— Вот что интересует женщину в первую очередь! — усмехнулся Табашников. — Я знал, что ты так подумаешь, но ты действительно очень нравишься мне. Я не хочу пока произносить слово “любовь”, мы только вчера познакомились, но мне кажется... — дотянувшись до Берты, он поцеловал её в губы. — Так что ты скажешь? Насчёт банка? Никакого риска, и по пять миллионов каждому.

— Если это настолько просто, почему до сих пор никто так не делал?

— Во-первых, “просто” стало после того, как я всё придумал и разработал. Во-вторых, вся эта идентомания существует не так давно: если бы сегодня не додумался я, завтра додумался бы другой. Просто я — первый.

Немка посмотрела на него с уважением. Сознание того, что в неё влюблён такой умный мужчина, заслонило для Берты неблагоприятную подоплёку его предложения.

— Твоё решение? — напомнил Табашников.

Берта снова начала рисовать по столешнице:

— Но у меня акцент.

— Тебе вообще не придётся говорить. Обмотаем шею компрессом, на любой вопрос будешь болезненно жмурить глаза и показывать на горло. Твоя задача — изменив сумму, переписать на новом бланке заявку, которую тебе принесут; взять ключ, спуститься в хранилище, открыть его, и всё.

— Du mich nicht anschmiert? Всё так и будет? Ты не обманываешь?

— Берта! Ведь я тебя... Ведь я хочу, чтобы мы были вместе.

— Ты правда останешься со мной, когда мы получим деньги, сколько бы мне не осталось жить? — из глаз Нойманн покатались крупные слёзы.

— Ты напрасно переживаешь. Может быть, это неправильный диагноз? Смотри, как прекрасно ты выглядишь!

— Это всё, что от меня осталось, ты не видел меня раньше. Знаешь, как меня дразнили в старших классах? Schneewittchen hat "nen geilen Po, Supertitten sowieso... **(У Белоснежки вот такая попа и супертитыки... (нем.))** — И Берта снова заплакала.

От немки Табашников ринулся в Интернет-клуб: проверить улов в промежутке, оставшемся до прилёта Рэйнуотера. Четыре из пяти полученных анкет отнёс сразу. Внимание привлёк некто Ланьфан Чен из Гуанчжоу. Присланная китайцем фотография демонстрировала точно такого же инкассатора Юру, стоявшего в позиции "вольно" среди разбросанной обуви на фоне необъятных тюков с иероглифами. Из письма следовало, что Ланьфан работает помощником менеджера на предприятии, где строчат кроссовки для европейского рынка. В силу занимаемой должности прилично знает английский.

Представившись крупным российским бизнесменом, Женя сразу завалил китайца вопросами. И поехал встречать американца.

Исследователь владений Посейдона оказался вполне земным человеком: здраво оценивал политику президента США, горячился, рассказывая о последней игре Washington Nationals. Внешне походил на российского бича, по непонятной случайности облачённого в идеально чистое фирменное шмотьё.

Узнав о внезапной отлучке своего идента, Томас удивился:

— Вас зовут Юджин, как и его?

— У русских Евгений — популярное имя.

Повторяя пройденный вчера с Бертой маршрут, Табашников начал ощущать себя профессиональным экскурсоводом: собор Василия Блаженного — набережная Москвы-реки с панорамой Кремля — храм Христа Спасителя — МГУ — Триумфальная арка — Кутузовский... А Пашка ещё обижается, что он редко приезжает: с такой работой центр-то годами толком не видишь.

Хлопая глазами, Рэйнуотер простодушно восторгался скульптурами станции "Площадь революции", куда они спустились, когда американец попросить показать ему метро. "Fine! Fine!" — повторял Томас, щёлкая

Сапог`ом бронзового матроса. “Ещё бы не “файн”, — патриотично подумал Табашников. — Знаю я ваш сабвей: кафель да голые стены — как в бане”.

— Ваш идент рассказывал, вы готовите экспедицию по поиску корабля с сокровищами? — равнодушно заметил он, когда вёз американца обещать.

Жене хотелось разогреть гостя перед главным разговором. При упоминании больной темы тот взорвался, как новогодняя хлопушка.

— Это сложнее работы! — бурлил Рэйнуотер, когда они, выйдя из метро, снова сели в машину. — Необходимо уникальное подводно-техническое оборудование! Инструмент, буксировщики... Знаете, во что влетает насосная установка для гидравлической разработки грунта? А каждая маска со встроенным микрофоном для подводной связи? Я даже в правительство обращался как научный сотрудник Географического общества. Но у этих блохастых опоссумов из Белого дома вместо голов гарвардские колокола! Когда они отказали, я решил — найду сам, но от меня никто и цента не получит. Кроме налогов, разумеется. Я сам составил карту...

— А разве “Флер де ла мар” ещё не подняли? — подначил Женья.

— У вас неверные сведения! Это в тысяча девятьсот девяносто первом году индонезийцы подобрали какую-то мелочь с других кораблей. Старинные монеты, нож, балластовые камни. А раззвонили — “Флер де ла мар”! Томас захихикал: — Хотели сенсацию. Потом они признали ошибку. Было официальное заявление. А я точно знаю, где он лежит. И всё упирается в полтора миллиона долларов. В полтора миллиона, но этого никто не хочет понять!

— Я хочу, — возразил Табашников. Он решил не тянуть с американцем. — И я могу дать вам не полтора, а пять миллионов. И не долларов, а евро. — Сценарист припарковался у обочины, прибавил на одно деление регулятор печки. — Вашего идента Дмитрия Сергеевича не существует: вместо него на “Тьме” вам писал я.

Женья говорил долго. Развернувшись на сиденье к Рэйнуотеру, уверенно чеканил фразу за фразой. Лицо охотника за сокровищами из удивлённого стало очень внимательным, брови сползли к переносице. Он задумчиво произнёс:

— Какая слякотная весна в Москве. Юджин, повторите ещё раз — если я приму ваше предложение, что придётся делать именно мне?

— В том-то и дело, что ничего, — переполненный внутренним ликованием двоечника, вытянувшего на экзамене билет с лёгким первым вопросом, заверил Табашников. — Идёте в помещение охраны, надеваете форму, получаете оружие, потом вместе со всеми садитесь в машину.

— Но я не говорю по-русски.

— Деньги повезут утром, почти сразу после того как вы придёте в банк. До этого будете держаться подальше от всех. На крайний случай вас подстрахует наш парень.

— Это серьёзное преступление, — вздохнул американец. — Когда вы начали говорить, я решил, что слушаю шизофреника. Задумался, как бы похитрее сбежать. А потом увидел, это просто ноу-хау. Может получиться. Ну а что будет, если не получится?

— Ничего! Если вас раскроют, пока вы на территории банка, преступления ещё нет — деньги на месте. Что вам предъявят? Что вы хотели

огрывать банк? С таким же успехом вас могут обвинить в намерении взорвать Пентагон.

— Это как раз реально. Скажут — проданся террористам. Появится повод лишний раз где-нибудь выгодно позащитить интересы США. А если нас арестуют с деньгами?

— Не арестуют. Если машине дадут выехать, у вас в запасе сразу появится минимум сорок минут. За это время я вас встречу, мы перегрузим мешки, и дальше искать станут уже ваших идентков, настоящих инкассаторов. Не вас. Всё будет весело и беззаботно.

— *Merrily and carelessly?* — повторил Томас. Закатив глаза, он пошевелил губами. — Получается, я смогу оснастить яхту лучше, чем предполагал, и отплыть где-то в июне. Вы такой же авантюрист, как и я, Юджин. Давайте попытаемся.

— Поедем, я познакомлю вас с Бертой.

Читая пришедший в тот же день ответ китайца, Табашников быстро определил его ахиллесову пяту: Чен с женой мечтали иметь много детей, но этого им не позволяла проводимая в стране политика “Одна семья — один ребёнок”. “Но ведь у вас уже есть мальчик и девочка, — прошуപ്പывал почву Женя. — Кроме того, насколько я знаю, в Китае можно рожать и просто платить за это штраф”. “У нас в стране мальчик и девочка называется полтора ребёнка, — отвечал Ланьфан. — А официальная пресса всего не рассказывает. Вы даже не представляете себе, что тут творится! Слышали когда-нибудь лозунг наших властей: “Ещё один ребёнок — ещё одна могила”? Мою Чжэн уже один раз заставляли избавиться от плода. Врач говорил, должен был родиться мальчик. У нас всё контролируется. Я даже боюсь писать вам такие вещи”. Чен говорил, если бы у него были настоящие деньги, они с женой не задумываясь уехали бы из Китая в нормальную страну, где можно рожать без оглядки. Но на их зарплату сильно не разбежишься. Он так завидует своему русскому двойнику: жить в Москве — большое счастье. Мальчиком он видел этот волшебный город — отец, член коммунистической партии Китая, брал его с собой, когда в составе рабочей делегации ездил в столицу СССР.

Улыбаясь наивности китайца, Женя написал: “Приезжайте в гости. Вы можете быть пятого марта?”. Ответ пришёл быстро. Четвёртое марта — через два дня, Ланьфану на фабрике не позволят бросить производство. Табашников занервничал: угрозы грозили затянуться. “Возможно мне скоро придётся уехать, — хитрил он, — и тогда я долго не смогу пригласить вас”. Чен замешкался. Он — помощник менеджера и не хочет рисковать такой работой. “Если вы приедете пятого числа, вам больше вообще не придётся работать”, — рискнул Женя. Следующее письмо не приходило долго. Решив уже, что отпугнул Ланьфана своим напором, он вдруг получил сообщение: “Встречайте пятого марта”. И номер рейса.

Почему китаец поверил, что какой-то русский, которого он к тому же никогда не видел, может изменить его судьбу? — удивился Табашников. Очевидно, в каждом небогатом человеке живёт вера в то, что однажды у него найдётся родственник-миллионер, не знающий, куда приладить наследство. А тут ещё и одно лицо.

Отправляясь в аэропорт за Абдураззаком, Табашников и Рэйнуотер ожидали увидеть классического араба в дишдаше до пола и в куфии на голове. Но, светски оглядев встречающих и прочитав надпись на табличке в руках сценариста, к ним подошёл господин в лёгком габардиновом пальто, накинутом поверх модного светлого костюма. Томас перевёл Женины извинения за возникшие у иидента абу-Шакура непредвиденные обстоятельства.

Собор Василия Блаженного — храм Христа Спасителя — МГУ — Новый Арбат... Ресторан русской кухни.

Абдураззак абу Шакур Ибрахим ибн-Язид всё хвалил, вежливо расспрашивал Табашникова и Рэйнуотера об их семьях, участливо кивал, но за полдня, проведённого в обществе новых знакомых, так и не сократил со своей стороны учливой дистанции.

— Он что-то почувствовал, — сделал заключение Женя, когда, придя в ресторан, они с Томасом ждали, пока араб вымоет руки.

— Это Восток, — покачал головой Рэйнуотер, — мы принадлежим к разным системам, сейчас он присматривается. Нам объясняли, когда я ходил на курсы арабского.

— Как вы думаете, стоит с ним начинать разговор сегодня?

— Ни в коем случае! Мы всё испортим.

— Может, он стянёт мягче, когда выпьет?

— Исключено! В Саудовской Аравии спиртное под запретом, они же мусульмане.

— Да, я забыл. Мне тоже нельзя, я за рулём. Остаётся вы.

— Я не буду из солидарности.

Они заказали заливное из фазанов, расстегаи, уху и телятину с грибами.

— Как по-арабски “приятного аппетита”? — толкнул Рэйнуотера локтем Женя.

— Сахтиин, — шепнул Томас.

— Сахтиин, — пожелал гостю журналист.

Абдураззак расплылся в улыбке. Когда он, бережно держа салфетку в покрытых чёрными волосками пальцах, промокал губы после ухи, Табашников попросил американца:

— И всё-таки, Том, узнайте, не откажется ли наш гость выпить?

— Боюсь, он оскорбится.

— Под мою ответственность.

— О. К. Господин ибн-Язид, мой товарищ Юджин интересуется, не хотите ли вы выпить? — извиняющимся тоном перевёл американец. И от себя добавил: — По русскому обычаю он обязан предложить.

— С удовольствием, мой дорогой, — не смутился араб.

— Водка? — уточнил Женя.

— Виски.

Выпив с Рэйнуотером, абу Шакур стал более коммуникабельным. Добродушно болтая, рассказал длинный арабский анекдот и, посмеявшись, объяснил его смысл.

— Честно говоря, мы думали, вы откажетесь от спиртного, — попросил перевести Женя.

— Я учился в Англии, по делам бизнеса много бывал за пределами Аравии. — Араб кивнул Томасу: — По делам бизнеса часто ездил в вашу страну, пока вы не ограничили нам продажи оружия.

— Но это случилось после одиннадцатого сентября, — парировал американец. — Лётчики, которые таранили башни, были уроженцами вашей страны.

Ибн-Язид приложил руки к груди:

— Мне до сих пор стыдно за это, мой дорогой. Каждому порядочному арабу стыдно: тогда люди стали думать, что мы все террористы, а это не так. Проклятая политика! Она сломала мой бизнес, влезла в мою личную жизнь. Политика разъединяет людей. А посмотрите на меня, на себя — что нам делить?

— Я сказал просто так, — сконфузился Рэйнуотер. — Прошу извинить меня за за бестактность.

Абу Шакур успокоился:

— О чём я говорил? Да. Европейское образование и возможность ездить по миру сформировали у меня широкие взгляды. К сожалению, в первую очередь я неглупый человек, и только во вторую мусульманин. Чтобы оставаться верным своей религии, я должен быть добрым, честным, великодушным, верить в Аллаха. Но я не думаю, что если выпью с хорошими людьми виски, то стану меньшим магометанином, чем тот, что виски не пьёт.

— Я мало знаю о Саудовской Аравии, — посетовал Табашников, — но мне всё-таки кажется, такие арабы, как вы, нетипичны.

Абдураззак польщённо усмехнулся:

— Арабы разные. Вы думаете, мы там с колен не встаём — круглыми сутками намаз совершаем? А вы знаете, например, какое сегодня самое популярное развлечение у нашей молодёжи? Дрифтинг!

— Это автогонки в управляемом заносе, — воскликнул Женья. Он подзвал официанта. — Кто будет чай, кто кофе?

— Кофе, — пожелали оба.

В зале, где они сидели, становилось теснее. Подходили в основном иностранцы. Рядом под аркой расположилась компания шумных французов, заедавших вино блинами с икрой.

— Дрифтинг — опасный спорт, — Табашников положил ногу на ногу, — бывают жертвы.

Араб закивал:

— Поэтому правительство издало закон: если на гонках кто-то погибнет, виновному отрубает голову.

— Вы серьёзно?! — не поверил Томас.

— Вполне.

— И часто это у вас? — раскрыл рот Женья.

— Осуждённым на смертную казнь в Эр-Рияде на площади Справедливости рубят головы каждую пятницу. Публично. У нас суровые законы. И совсем нет демократии.

При упоминании о демократии Рэйнуотер приосанился:

— Если не секрет, Абду, в чём это выражается?

— Никакого секрета. Законодательная власть у меня в стране представлена Консультативной ассамблеей — это что-то наподобие парламента, но её членов назначает король. Политических партий нет. Судьи тоже назначаются королём. Вместо уголовного кодекса — шариат. Обсуждение политического строя запрещено законом. За воровство, наркотики, алкоголь отрубает руки. За прелюбодеяние секут плетьюми. За гомосексуализм — смертная казнь.

Раскачиваясь на стуле, в паузах между переводом Томас по-арабски приговаривал:

— Какой ужас...

Желая, видимо, окончательно поразить его воображение, ибн-Язид проинформировал:

— У нас живёт примерно миллион католиков, но нет ни одной церкви. Служение иной религии, строительство иных храмов кроме мечетей, запрещено. Муттава бдит. Это религиозная полиция. Их сотрудники следят, чтобы никто не нарушал канонов ислама.

— А нарушают? — Табашников смахнул крошки со скатерти.

В ответ араб неопределённо покрутил ладонью. Женя покосился на американца:

— Но с другой стороны, кто сказал, что везде должна быть демократия? В силу исторических и социальных предпосылок она может не всем подходить. Например, хорошо известно, что у народов Крайнего севера отсутствует ген, который позволяет им нормально усваивать спиртное. Их сколько водкой ни пои, будет только хуже. Так почему страна, лучше других знающая свой организм, не имеет права выбирать, как ей развиваться? Главное, чтобы это устраивало её граждан, а политика её властей не была по интересам других государств.

— Вот именно, Юджин! Чтобы устраивало её граждан! — вспыхнул Томас. — А если граждан не устраивает? Если их родные правительства диктуют им свою волю?

— Я согласен с вашим другом, — остановил его Абдураззак. — Не навязывать демократию — это и есть демократия. Но лично я, если бы не мой бизнес... — араб споткнулся, — который вряд ли уже поднимется... я бы предпочёл другую страну. Хотя, возможно, для моих детей с точки зрения нравственности расти на родине полезнее.

— Я тоже хочу жить в другой стране. — Поморщившись, Табашников положил ладонь на живот: не стоило ему есть всё подряд.

— А чем вам не угодил Россия, Юджин? — сочувственно посмотрел на него Рэйнуотер. — Здесь-то демократия, СССР давно кончился.

Сценарист нахохлился:

— То, чего мне не хватает, Томас, не зависит от демократии — это покой и гармония. Если бы двадцать лет назад мне кто-то сказал, что в Москве будут так грабить и убивать, я бы решил, что разговариваю с неудавшимся подражателем Кафки. По моему глубокому убеждению, все бывшие республики Советского Союза непригодны для жизни нормального человека. Демократия, реформы — внешнее, экспортный вариант. А в мозгах у людей — Азия. Посмотрите новости: грабежи, взяточничество, понятие о человеческой неприкосновенности отсутствует!

— Вы преувеличиваете, Юджин. В Америке тоже есть преступность. В Америке тоже убивают.

— Но не до такой степени, Томас, не до такой. А в Саудовской Аравии есть преступность, Абдураззак?

— Он говорит, очень низкая, — перевёл Рэйнуотер. — Но вы же слышали, чем они за это платят.

— Это другая крайность. Лучше посмотрите на Европу. Три года назад я был в Греции. Два поссорившихся грека могут поливать друг друга

последними словами, но руки при этом держат за спиной. Потому что если первый второго хоть пальцем тронет, второй упадёт на землю, скажет, что первый его ударил, и до конца жизни будет получать от него компенсацию. Законы работают, Томас! Если молоденькая гречанка ушла из дому вся в золоте, а к вечеру не вернулась, её родители не беспокоятся. Они знают — дочка загуляла с парнем или осталась ночевать у подружки, но ничего плохого в этой стране случиться с ней не могло.

Абдураззак понимающе закивал.

— И я ещё молчу про наши хамство и алкоголизм...

— Ну, это уж мелочи...

— Нет, Томас: дьявол — в мелочах. Вы, англосаксы, сами придумали такую поговорку.

Признавая поражение, Рэйнуотер демонстративно поднял руки. Ему помахала подвыпившая молодая француженка из-за соседнего столика.

— Кстати, Юджин, боюсь забыть. В квартире, куда вы меня поселили, почему-то нет горячей воды. Я принимал холодный душ. Можно что-нибудь сделать?

Женя засмеялся:

— Ага, Томас, это как раз и есть те самые мелочи! Скажите, почему в столице России раз в год на профилактику отключают воду? И ведь, заметьте, квартиру я для вас снял не на выселках, а в центре. У нашей власти коммунальная ментальность. Жили ведь наши деды с удобствами во дворе? Жили. А тут, видишь, у каждого нужник тёплый да ванная! Ничего, потерпят, погрееут водичку в кастрюлях. Подумаешь, господа! Тем более, Томас, душ большинство наших людей по утрам не принимают.

— Как хорошо, что я люблю Америку, — с чувством воскликнул Рэйнуотер.

Во время их беседы араб благосклонно озирает обстановку ресторана. Его лицо выглядело довольным и удовлетворённым.

— По-моему, он в хорошем настроении, — вопросительно посмотрел на Томаса сценарист. — Не стоит ли попробовать?

В ответ хранитель океанских тайн тяжело опустил веки.

— Тогда переводите.

Табашников долго говорил вполголоса по-английски, а Рэйнуотер также негромко перекладывал его речь на арабский. По увлечённости, с какой переводил Рэйнуотер, было заметно — ему тоже страсть хочется уговорить торговца оружием. При приближении официанта оба замолкали. Топорща усы, Абдураззак поворачивал голову то к одному, то к другому. Не успев прийти в себя после известия о несуществующем иденте, он был смущён предложением, ради которого, оказывается, и был сюда вытасчен. Но продолжая посвящать араба в тонкости плана, сценарист видел, что говорит впустую, что напрасно не дал двойнику дозреть, и что быстрее небо упадёт на землю, чем ибн-Язид согласится.

Когда Табашников умолк, араб смотрел на них взглядом человека, обманутого в самом святом.

— Сожалею, дорогие мои, — с достоинством огладил он усы, — но я не могу стать составной частью вашего альянса. Простите, что потратили на меня время.

Абдураззак вынул портмоне. Табашников растерянно воззрился на Томаса. Рэйнуотер тёр ладонью красное лицо.

— Дайте, я поговорю с ним, Юджин, — попросил он. — У вас всё равно не получилось, вдруг мне повезёт больше? — повернувшись к Абу-Шакуру, американец сказал по-арабски: — Вы напрасно отказываетесь, Абду...

— Я не хочу, чтобы в одну из пятниц мне отчекрыжили голову на площади Справедливости!

— В случае неудачи вас будут судить по российским законам, а здесь смертной казни нет.

Молитвенно сложив ладони, Абдураззак направил их в сторону собеседника:

— Я не понимаю, о чём мы с вами говорим. Вы подбиваете меня на вопиющее преступление, хуже которого только убийство.

Сняв с коленей салфетку, Рэйнуотер кинул её на скатерть:

— А как насчёт вашего бизнеса?

— Мы покупаем оружие только чтобы защищаться! — отшатнулся араб. — Именно для того, чтобы никого не убивали!

— Я выскажу не самую оригинальную на свете мысль, но оружие делают, чтобы оно стреляло. Вы знаете это лучше меня. Так что дело, которое предлагает нам Юджин, не такое грязное, как ваше.

— Вы уговариваете меня, дорогой Томас, потому, что чувствуете личную заинтересованность?

— Кто не заинтересован в пяти миллионах? Но ведь я тоже буду участвовать в этом... ммм... мероприятии. А разве я преступник? Я научный работник, уважаемый человек. Такой же, как и вы, благонадёжный член общества.

Абдураззак посмотрел на него с искренним любопытством:

— Что же вас подтолкнуло?

— То, что здесь Россия. Вы же читаете газеты. Вещи, из-за которых у вас или у нас пресса поднимает шум, тут происходят через день. Они всё измеряют другой мерой. Вот пример. За прелюбодение в Аравии мужчину закидают камнями, в Америке осудят, а в России — похвалят. Не верите? Юджин, что ждёт в России мужчину, если его уличили в измене?

Женя хмыкнул:

— Женщины вознегодуют, но втайне посмотрят на него с интересом, а мужчины скажут: "Наш человек! Но впредь будь осторожней".

Американец перевёл. Абу Шакур сдержанно посмеялся.

— В любой другой стране я послал бы этого Юджина подальше, — заверил араба кладоискатель, — но здесь рассматриваю его как помощь свыше. Он появился в тот момент, когда я отчаялся найти деньги на осуществление одного очень важного для меня дела. Где ещё добудешь пять миллионов евро за полдня? Мне и за всю жизнь их не заработать.

— И вы всерьёз думаете, что эта выходка может иметь успех?

— Здесь — может. Они пятнадцать лет назад жили при социализме. Что такое социализм? Бесхозяйственность, воровство, народ не верит власти. А что такое пятнадцать лет? За пятнадцать лет можно повернуть вспять экономику и изменить политику. Но нельзя дать людям другую голову. Особенно если не очень этого хотеть. Допустим, Аравия объявит, что с завтрашнего дня становится христианской страной. Станут ли от этого ваши старики есть свинину?

Араб отрицательно покачал головой.

— Кстати, Абду, вы едите свинину?

Абу Шакур тонко улыбнулся. Увидев, что араб засомневался, Томас торопился ковать железо:

— Сейчас тут мутная вода. Кроме того, вы же слышали, как он всё продумал. — Юджин рассказывал мне о вашей проблеме. Семья не благодарит вас, если вы лишите её привычной жизни.

Ибн-Язид погрустнел.

— Попросите его, — указал он на Женю, — если не трудно, пусть расскажет про банк ещё раз.

Табашников с удвоенным энтузиазмом повторил всё заново. Американец переводил, дополняя несовершенство знания языка такой жестикуляцией, как будто обучал собеседника азам языка глухонемых.

Дослушав до конца, Абдураззак устало облокотился на стол:

— Сколько идентков уже согласились?

Томас перевёл вопрос и сам ответил:

— Двое из пяти. Остались итальянец и китаец. Вы — посредине.

— Если их ответы будут положительными, я пойду с вами.

Боясь спугнуть абу Шакура эмоциями, Табашников и Рэйнуотер коротко кивнули. В машине ехали молча. Женя курил, немного опустив стекло. Сквозь образовавшуюся щель внутрь просачивался прохладный букет не по-московски тёплого марта.

— Он не передумает? — высказал сомнение сценарист, когда они оставили араба в предназначавшейся ему квартире у Красных Ворот.

— Вряд ли. Вы же видели, как он сразу одумался, когда я напомнил ему о семье. Семья среди жизненных ценностей у них на первом месте, нам рассказывали, когда я учил язык.

— Хорошо, если так...

Компенсацией за несговорчивого араба Табашникову послужил синьор Теналья. Он оказался таким, какими представляют жителей Апеннин по всему свету. Вечно улыбающийся, экспрессивный, Джованни словно выпорхнул из кинокартин времён итальянского неореализма.

Табашникову потом казалось, бухгалтера можно было начинать обрабатывать прямо в аэропорту. Громко разговаривая, Теналья кивал прохожим и смешно изображал своих, оставшихся в Милане родственников. Он обаял даже милиционеров, патрулирующих квартал, а на Берту Женя и вовсе стал поглядывать с ревностью.

Посерьёзней Джованни лишь когда немка стала переводить ему табашниковский план. Зная, как часто недосказанность, рождая обиды и конфликты среди единомышленников, губила блестящие криминальные начинания, Женя не таил ни одной мелочи. Ему хотелось, чтобы всё было честно. Или, как принято сегодня говорить, прозрачно.

Дождавшись окончания рассказа, Теналья почти тотчас возвестил:

— Мне всё равно где сидеть. Но здесь хотя бы есть шанс выкрутиться. — Помедлив, он указал рукой в пространство, имея в виду Италию: — Там — нет.

Это был тот случай, про который говорят: глаза боятся — руки делают. Получив согласие Берты, Женя совсем не испугался. Уговорив Рэйнуотера, ощутил внутри лёгкий холодок. Когда дело застряло на Абдураззаке,

появилась надежда, что ничего не выйдет. Но сегодня они поладили с Джованни. Если завтра согласится Ланьфан, задуманное — дело пары дней. Сценариста обуял мандраж.

Вечером, дождавшись, пока заснёт Алёна и перестанет постанывать мама Инна, он загрузил в компьютер фотографии всех идентгов. Стараясь потише шелестеть страницами, раскрыл пособие по физиогномике. Интересно, чего можно ждать от людей, с которыми собираешься совершить такой поступок.

С экрана на него смотрел Абдураззак. В тёмной комнате изображение резало глаза.

Продолговатое лицо. Переведя взгляд с монитора на разворот брошюры, Жёня прочёл: “Ширина лба примерно такая же, как и ширина подбородка — так называемый аристократический тип. Большинство правителей на Востоке имели именно такую форму лица. Люди с овальным лицом обладают высоким интеллектом, утончённостью, уравновешенностью, хорошими организаторскими способностями и ярко выраженной целеустремлённостью”.

Табашников вспомнил разговор с арабом: похоже на то. Снова посмотрел на изображение.

“Короткий нос — душа нараспашку, неистощимый оптимизм”. А это вряд ли. Хотя, он ведь мало знает Абдураззака. Что там дальше?

“Короткие густые брови выдают натуру хитрую”. Тоже сомнительно. “Если глазные яблоки одинаковых размеров — это признак любви к другим людям, справедливости и чистосердечия. В противном случае таких качеств не бывает. Влажные глаза говорят о красноречии, благоразумии и осмотрительности”. Жёня тихонько засмеялся: чего-чего, а осмотрительности с благоразумием арабу не занимать.

“Страсть к приобретению материальных ценностей — одна из тех страстей, которые оказывают огромное влияние на человечество. Признаком, указывающим на эту черту, является расширение той части носа, где линия крыльев соединяется с хрящами”. Подняв глаза от брошюры, Жёня ещё раз обозрел нос Абдураззака. “Страсть к наживе мы можем узнать по дугообразному и глубокому изгибу крыльев. Эта же форма носа характерна для людей, которые в стремлении к своему материальному благополучию используют незаконные средства. Но и у тех, кто действует в соответствии с законом, жизнь сводится к приумножению богатств и стремлению к наживе, что выдают крупные и вскрытые ноздри”.

Табашников усмехнулся: так вот ты какой, Абдураззак. Он же абу Шакур, он же Ибрахим, он же ибн-Язид.

Поменял фото на экране. Томас Рэйнуотер. “Люди с большими глазами отличаются богатой эмоциональной жизнью, гибким и острым умом. Глубоко посаженные глаза свидетельствуют о человеке высоко духовном. Если при этом они зеленоватого оттенка, то это говорит о хорошем уровне знаний, но также и о склонности к тщеславию”. Пока всё так.

“Кончик носа в виде капли — признак жизнерадостности и оптимизма. Красный нос — непорядочность”. Последнего я пока не замечал, подумал Табашников.

“Удлинение подбородка связано со стойкостью и упорством характера. Яркое проявление этой черты лица информирует о желании доводить начатое дело до конца. Отличает многих астрономов и математиков”.

Женя удовлетворённо заменил изображение Томаса на фотографию Берты. Он знал её лицо так хорошо, что мог не смотреть на экран. “Лёгкое раздвоение слабо очерченного подбородка — страстность природы. Большие глаза — признак гармонии с окружающим миром. Это и признак чувствительности души и мужества”. Мужества... Табашников очень надеялся, что когда всё останется позади, со здоровьем Берты что-то можно будет придумать. Он помусолил уголки страниц, не желающих разделяться: “Маленький рот — признак слабого характера. Маленькие ноздри — уступчивость”. Не такая уж она и уступчивая, сказал он сам себе.

“Светлые волосы свидетельствуют о потребности в тепле”. А у него сегодня совсем не было времени побыть с ней вдвоём.

Джованни Теналья. Таких называют писаными красавцами. Впервые увидев фотографию инкассатора Михаила Никишина, Женя подумал — неужели с такой внешностью, парень, ты не нашёл занятия получше? Ну-ка, что про таких пишут? “Квадратная форма лица обычно принадлежит к мужественному, нередко бессердечному типу. Такие люди часто грубы, настойчивы. Самая яркая черта их характера — решительность”. Что ж, ничего плохого. Для их акции даже подходяще. “Люди с квадратной формой лица обладают неутолимой жаждой успеха. Они хорошие исполнители, хотя тянутся к лидерству”. И это тоже приветствуется. “Тяжёлая челюсть — неконтролируемость страстей, признак чрезмерного самомнения”. С виду не скажешь. Но ему, Табашникову, от этого ни холодно, ни жарко. Пусть Теналья сделает всё как надо, а потом забирает деньги да мотает удовлетворять свои страсти и тешить самомнение.

Смотрим дальше... Нос. “Идеальный нос имеет округлый кончик и оформленные крылья. Человек с таким носом обладает натурой льва, то есть отличается мужеством, страстностью, напористостью. Это сильная личность”. Женя уставился в тёмную стену над монитором. Хоть убей, не видит он этого у итальянца. Обаятельный болтун — какая сильная личность? Надо спросить у Пашки, обладает ли этим мужественным набором инкассатор Никишин?

Начав зевать, Табашников кликнул мышкой на последнюю фотографию. Ланьфан Чен. Сейчас всё упирается в китайца. Если согласится он, согласится и Абдураззак. Почитаем. “Круглая форма лица — это добродушие, мягкость и миролюбие. Часто люди с круглым лицом являются гурманами. Они любят комфорт, хорошую компанию и не стремятся к славе”. Неплохое начало.

“Слабо очерченный подбородок — признак мягкости. Припухлые, вздутые веки — усталость от жизни. Верхняя губа явно выступает над нижней — признак нерешительности”. Поди пойми, хорошо это или плохо. С одной стороны, если всё правда, Чена будет легче уговорить. С другой (опять же, если всё это правда), такой человек побоится рисковать.

Дальше — брови. “Жёсткие щетинистые брови — разбалансированность эмоций, ума и характера”. Возможно, брови помогут склонить китайца. “Широкая передняя часть подбородка в районе нижних клыков делает лицо широким и характерна для мужчин болезненно чувствительных, ревнивых, недоверчивых, выдает скрывающееся в них коварство”. Хорошие дела!

Но в целом полученная картина Табашникова успокоила. К такой цели можно идти только с порядочными людьми, без тараканов в голове, без

склонности к выкидыванию номеров. Кажется, подобрались именно такие. Если бы они оказались похожими на тех полудурков, с которыми он рос во дворе, не стоило бы и начинать.

Табашников надавил пальцами на слезящиеся глаза. Представил Пашкино лицо. Снова углубился в пособие. “Покрасневшие глаза со скошенными вверх яблоками говорят о преобладании энергии. Такие люди склонны к взрывам гнева”.

Табашников вспомнил, как однажды в детстве Бузлаев до крови отду-басил Налбухрестика за то, что Юрка выбросил в кусты недоеденный бутерброд с томатной пастой. Стонал, колотя: “Ты этот хлеб сеял, да? Ты выращивал его, да?”. Но Табашников знал, ему Бузлаев простил бы любой, самый страшный проступок.

Перелистнув страницу, стал читать дальше: “Кончик носа в виде клюва орла — признак пронизательности и хитрости, нередко такой человек злопамятен”. А вот это уж полная чепуха! Сразу вываливая всё, что было на сердце, Пашка не умел таить и вынашивать.

С улицы донёсся лязг железа, сопровождаемый глухими ударами: мусороуборочная махина вытряхивала в себя содержимое контейнеров расположенной за углом свалки. Значит, уже пять утра. Табашников стёр фотографии идентов с домашнего компьютера и, сунув в шкаф физиогномическую книжку, стал через голову стягивать с себя кофту.

По опросам международных рейтинговых агентств “Лицевой счёт” и его лицензионные “родственники” в других странах по-прежнему не уступали первенство другим телепродуктам. DVD со сборником лучших выпусков шоу считался хорошим подарком на день рождения.

Ставший почётным академиком Мамкин и получивший награду из рук президента Кербис потихоньку перестали враждовать. Костя даже как-то позвал Борю на запись очередного выпуска. Великий программист пришёл, но весь эфир просидел молча, от волнения всё время поправляя указательным пальцем очки на переносице.

Кстати, это была программа с выросшими братьями-близнецами Торсуевыми, игравшими в “Приключениях Электроника”. Из США пригласили Бромберга, с великими предосторожностями доставили в студию неважно себя чувствующего Караченцова. Поглазеть за стеклом аппаратной собралась вся группа “Лицевого счёта”.

Привычно вертясь перед камерами, Игорь Тихонов объявил тему реалити. Изрядно повзрослевшие близнецы с интересом смотрели сюжеты. Когда в студию по зову ведущего вбежали тринадцатилетние мальчишки, — иденты Сыроежкина и Электроника, — у Электроника повлажнели глаза. Оператор показал это крупным планом.

— А ведь вы, Константин Леонидович, сначала собирались снимать одного актёра в двух ролях, — проявил почерпнутую в Интернете эрудицию Тихонов.

— Так планировалось на стадии утверждения сценария, — согласился Бромберг, — но я ещё до начала съёмки решил пойти по пути наибольшего сопротивления и начал поиск близнецов. Верите ли, по всей стране искали. Володя и Юра были у нас триста восемьдесят шестой парой...

— А правду ли говорят, что близнецы обладают сверхъестественной чувствительностью? — наседали на режиссёра ведущий. — Каждый из нас слышал истории о том, что, к примеру, один близнец погиб, а второго на другом конце планеты в эту секунду пронзила боль.

— Затрудняюсь ответить. Это вам лучше у Юры с Володей спросить.

— Юрий Юрич, Владимир Юрич, — радостно затараторил Игорь, — имеют ли под собой почву такие рассказы?

Братья Торсуевы задумались.

— Не скажу за других близнецов, — нарушил короткое молчание “Сыроежкин”, — но я чего-то такого не припомню. Да, Володь?

— Я тоже нет, — подтвердил “Электроник”.

Хорошо знавшие Тихонова сотрудники шоу заметили — ведущий нервничал: беседа не клеилась.

— А как вы считаете, — напялил он самую концентрированную из своих улыбок, — в чём вообще загадка появления близнецов?

— Это точно вопрос не к нам, — за себя и за брата открестился Владимир Торсуев.

— И снова не ко мне, — уклонился Бромберг.

— Но сегодня у нас на программе присутствует известный вултолог Максим Артоболевский, — нашёл выход ведущий. — Максим Ксенофонтович, если вы не знаете, то уж точно никто не знает.

Привстав, Артоболевский сделал полупоклон:

— Вас, вероятно, интересуют близнецы монозиготные, — уточнил он. Заметив на лице Тихонова работу мысли, пояснил: — Существуют ещё близнецы дизиготные: это просто два разнояйцевых ребёнка, которые родились у мамы одновременно, но не с одинаковыми лицами. А монозиготные получаются из одной яйцеклетки и имеют одинаковый набор генов. Тут, красавцы мои, всегда было много интересного. Например, чаще всего близнецы рождаются у представителей негроидной расы и очень редко у азиатов. Или вот есть данные о том, что в индустриальных странах частота рождения близнецов ниже, чем в отсталых. А то, о чём вы говорите, Игорь, то есть их сверхчувствительность, это чаще всего сильно преувеличено.

Получив возможность собраться с мыслями, Тихонов облегчённо вздохнул.

— В тысяча восемьсот пятидесятом году, — сел на любимого конька Артоболевский, — петербургский поэт и драматург Лев Мей на Невском случайно увидел своего двойника. Это был доктор Боннского университета, химик Адольф Петц. В отличие от писателя-гуманиста Мея, он всю жизнь посвятил изобретению ядов и взрывчатых веществ, изучал и выводил вирусы. Этот человек вообще находил, что полезней для человечества будет, если оно сгинет. Вот вам пример того, как похожие внешне люди могут быть внутренне полными противоположностями. Хотя, — возразил сам себе профессор, — они не были родственниками. А вот, допустим, в двадцать втором году был описан случай с американскими монозиготными близнецами Джесси и Бесси. Двух недель от роду девочек отдали на воспитание в разные семьи, и первый раз они встретились, когда им было уже по восемнадцать. Они жили в семьях разного достатка, получили разное образование, но уровень интеллекта у них оказался одинаковым. Обе много читали, любили похожие книги и обе перенесли туберкулёз. Так что

жизнь очень многообразна, не стоит пытаться загнать кого-то в рамки. А от чего рождение близнецов зависит, тут наука пока к определённом мнению не пришла. Возможно, виновато повышение гормона гонадотропина у женщин.

Над головами зрительской части студии поднялась рука.

— Вот товарищ, кажется, хочет что-то спросить, — обратил внимание Тихонова Артоболевский.

— Моя фамилия Серцов, — представился пухленький толстячок, одеждой и поведением напоминающий гомосексуалиста из Союза композиторов. — Как я понимаю своим скудным умом, иденты — это те же близнецы, ведь лица у них одинаковые. Тогда как же получается, что совершенно не похожи их матери? И отцы не похожи?

Вултолог пригладил волосы:

— Некоторые учёные убеждены, что число возможных вариантов человеческих судеб ограничено, а значит, вполне возможно, генетические коды человека повторяются куда чаще, чем мы можем себе вообразить. Такая точка зрения появилась очень давно, а с рождением вултологии, похоже, найдёт весомое подтверждение. В своих исследованиях в этом направлении мы опираемся на то, что даже у близнецов, рождённых одной женщиной, отцы могут быть разные. Приведу такой факт, касающийся, правда, разнородных близнецов. В нацистской Германии, как известно, быть полуевреем было опасно. И вот, чтобы спасти от позора своих детей-близняшек, официальным отцом которых был еврей, мать покаялась, что на момент зачатия имела внебрачные отношения с мужчиной другой национальности. Нацисты обследовали всю семью и того предполагаемого полового партнёра. И что бы вы думали? Сын был от официального отца, а девочка — от любовника! В научном мире того времени это произвело фурор, хотя потом описывались и другие похожие случаи. Даже такой, когда у близнецов было не просто два отца, но один белый, а второй негр. Каково?

— А как вы объясните, — не отставал толстяк, — что на “Тьме” подбирается много разнополых идентов?

Артоболевский удивился:

— А вы разве никогда не задумывались о том, что наше лицо бесполо? И самый простой способ придать ему пол — лицо уничтожить. То есть, если мужчина считает, что выглядит недостаточно мужественно, он отпускает усы и бороду. А если женщина видит себя мужеподобной — выщипывает брови и закрашивает лицо косметикой.

— Вултология как-то объясняет это по-научному? — напомнил о себе Тихонов, опасаясь, не слишком ли он потерялся на фоне профессора.

— Думаю, это как раз очень человеческий аспект, и вултология здесь не нужна. Признаться, я всегда диву давался, почему все помешались на поиске идентов. Двойники — пища для науки, а человек должен посвящать себя самопознанию: это же так сложно, жизни может не хватить. Ведь даже в зеркале мы видим не себя, а лишь своё отражение. Нужно искать не то общее, что есть у нас с другими, а то, что делает каждого из нас самими собой, личностями. Я внятно выражаю мысль?

Окончание в следующем номере.

Галина ШИМАНОВИЧ

“Благодарю тебя, земля...”

О. Е.

Жизнь сурова, судит строго и наказывает жёстко
 За ошибки на дорогах, на житейских перекрёстках.
 Наказанье — испытанье силы духа. Не ропщи.
 Нам отмерено страданье очищению души.
 Гневным словом, мрачным чувством справедливость не лови,
 Жизнь — тончайшее искусство проявления любви.
 И терпенье, и надежда, вера и любовь спасут.
 Станешь сильным, как и прежде, приняв сердцем Божий суд.
 Жизнь — прекрасна, дарит ясность, красотой просветлит.
 Не тоскуй в тени напрасно: жизнь накажет — защитит.
 Просветлённый и хранимый благодатною тропой,
 Ты войдёшь в свой дом родимый, созданный самим тобой.

Хорошо! Метель завьюжит —
 И в неё нырнуть с разбега!
 И умыться чистым снегом,
 Вихри радостно утешат.
 Снег за шиворот летит,
 Ловим жарким ртом, руками,
 Мы осыпаны снегами.
 Всё вокруг поёт, блестит.
 И нестись со снегом вольно
 Вместе с нежною оправой,
 Кружим влево, кружим вправо,
 Падаем, кричим: “Не больно!”
 И бороться с вьюгой сладко,
 Главное — сопротивленью,
 Победить на удивленью
 В горло схватывающей хватке,
 Если дом наш недалече
 Или близко, где-то рядом.

Степь в пургу нехватишь взглядом,
 Взволновалась буйным вече.
 В этом снежном океане
 (Он и грозен, и прекрасен!)
 Для целинников опасен
 Хлебный, тяжкий труд в буране.
 Не игра зовёт в дорогу,
 А ответственное дело.
 Ты — в пути, но потемнело
 Небо разом и до срока.

Все метели налетели, замутили белый свет,
И зовут с собою, манят,
Кружат в вихревом тумане,
Путь сметают, ты — ослеп.
И на сотню километров
Ни огня, ни поселенья...
Хватит мужества, уменья,
Чтоб сразиться с диким ветром?
Снег сугробы насыпает,
Укрывает, проверяет: “Ты — воитель или нет?”
А неопытный водитель, обессилев, засыпает...
Мудрый не теряет след,
Не даётся снежной хватке,
Зову пения метели,
Терпеливо тянет к цели,
Груз доставлен, всё — в порядке.
Так давалось “Хлебу — быть!”
Для огромнейшей страны.
Люди памяти верны,
Целину нельзя забыть,
Тех целинников отважных,
Кто в любое время года,
Не надеясь на погоду,
Хлеб земной творил бесстрашно.

Благодарю тебя, земля, за хлеб и соль,
За боль потерь от игр твоих и волю
Стихий (не для тебя, для нас) безумных.
Безумных нет, всё на земле разумно.
Бесшумный снегопад, которому ребёнок рад,
Радушный лес, гостеприимный сад.
От стадных недр до странницы-частицы
Живет всё, движется и нет границы
Огранке форм меняющихся тел.
И тот, кто ползал, бабочкой взлетел,
Вобрав в себя все радужные краски,
Летун окутан солнечною лаской.
Благодарю тебя за ключевую воду,
За чистый и хрустальный горный воздух,
За травы тихие в светящейся росе,
За лес дремучий, степь, где пережиты все
Восходы алые, как паруса, — начала,
Которыми я жизнь свою встречала,
Трагично-яркие багровые закаты...
За пыль, за быль и за твои захваты,
За перехваты горла ледяной водой,
Снегами, ветром, каплей дождевой.
За море, горы, где вулкан дымится.

За птиц, зверей, кто ото всех таится
 И скромно прячет тайну в уголках укромных
 От хищников, врагов, двуногих вероломных.
 За веру и любовь, за праведные души
 Родных людей, кто жизнь твою не рушит.
 За радость, что даришь художнику, поэту,
 Он отвечает творческим приветом.
 Благодарю!

Бессмертны поэта глубокие строки.
 Их чтит, ими дышит потомок далёкий,
 Вселенною духа свободно возвращённый,
 Родной и любимой душой окрылённый.
 И если исчезнут бесценные книги,
 Их смысл донесёт нам живой и великий
 Язык в лике мифа, легенды, рассказа,
 Крылатого слова. — Как сердце подскажет.

Игры свободный взлёт и переливы духа —
 Кристально и свежо слова коснулись слуха.
 Стремителен обвал привычных нам значений,
 Мир новый засиял — его открыл нам гений.

Сестре Тамаре

Великодушная! Полна любви без края.
 Как к солнцу, льнёт к тебе душа родная:
 Растения, животные и люди,
 Вокруг тебя всегда желанной жизнь пребудет.
 В цветах, деревьях, виноградниках ваш дом уютен,
 А в дни торжеств семейных многолюден.
 Здесь каждому привет и слово нужное найдётся:
 Родным, друзьям, ученикам и всем, кому придётся
 В ваш дом войти. Он так гостеприимен и любим,
 Тобою, верным мужем и детьми храним.
 Пусть будет здесь всегда рассветная заря!
 Великосердная, твой свет горит не зря.
 И если опечаленный к тебе зайдёт,
 Светильник свой зажжёт, в ладонях унесёт
 Других беречь любовью и добром,
 Всех близких и родных согреть твоим теплом.
 Да, тихий подвиг не бросается в глаза —
 Скромна, естественна в заботах и тревогах,
 Как все мы. Иногда блеснёт слеза
 О тех, кто ошибается в дорогах.
 Но дар любви покроет все печали
 И растворит их солнечной печатью.

*Памяти матери —
художника Шиманович Александры Петровны*

В твоих полотнах музыка живёт.
Рисунок тонкий, как мелодия, ведёт
В гармонию аккордов цвета, света, тени —
Звучит палитра праздничных растений.
А музыка и цвет влекли тебя всегда:
И в юности, и в страшные года
Суровых дней, убогой нищеты,
Детей спасая кистью, сберегала ты
Родной природы блеск и красоту,
Доверив свой талант и краскам, и холсту.
Глаз ищет, кисть находит тон — блаженный труд,
(Так чисто птицы на заре поют!)
Ты славы живописца не ждала,
Себя семье и детям отдала,
Но каждую свободную минуту
Писала радостные, тёплые этюды,
Созвучные тебе, тональности природы.
И всякий день, в любое время года
Притягивала взгляд извечная игра
Листвы, воды и воздуха. Ты берегла
Её в себе, чтоб жизненное пламя,
Плеск прелести земной сыграть пред нами:
Снег мартовский пронизан стрелами лучей,
Звенит в ложбинке тоненький ручей.
Цветущий сад жужжаньем пчёл наполнен.
Салют грозы — сверканьем острых молний
И гулом низких и тяжёлых туч.
А воздух ясной осени летуч,
Шуршит листвою огненной, легко
Бросает под ноги, в оконное стекло.
Казался юным древний снежный лес,
Он полон тишиною сказочных чудес,
Весь в инее и хрусткий, как зима,
Морозом рисовавшая дома.
И ты сама звучишь в своих твореньях,
Любовь и радость, чуткое движенье
Души, раскрывшейся добру и красоте
В жизнелюбивой светлой полноте.
Энергия картин живёт, сильна,
Как “грамота охранная” дана
Всем, принявшим высокий труд,
Они хранят его и сердцем берегут —
Подарок щедрый твой.

Июль. И выжжена трава
 Безжалостным, косматым солнцем.
 И нет прохлады до утра,
 А утром новая игра
 Протуберанцев бьёт в оконца.

И у деревьев сникли кроны,
 Свернулись листья у берёзы,
 Сады, и парки, и газоны
 Теряют цвет ярко-зелёный
 И задыхаются бесслёзно.

Жары неистовая сила
 Всей мощью жгучего разбега
 Поля и землю опалила,
 Всё распластала, истомила,
 Но не сломила человека.

И жизнь в движеньи, как всегда —
 Труд тяжкий до седьмого пота
 В полях, селеньях, городах.
 Нас ставит на ноги беда,
 И вечный движитель — забота.

Дон Жуан? Дон Кихот! Мефистофель —
 Маскиман, но апостольский профиль!
 Сумасшедший? Юродивый? — нет,
 Ком надорванных нервов — поэт?
 Слова лавою, слова — стеклярусом?
 Или россыпью драгоценною?
 Грезит славою в высшем ярусе,
 Бредит сценою.
 Словами сыт, словами ухожен,
 Словами обёрнут, в слова вложен, как в ножны.
 Змей — острый и гибкий, внушает трепет.
 Смешалось. Гибну? Ответ — лепет.
 Страшно, сейчас поглотит...
 Страшно! Но я не против?
 Из длинного горла, как из колодца,
 Где каждое слово из сумрака рвётся,
 Буду глядеть измученными очами
 На мир, изувеченный твоими речами.
 Итак, готов эпилог?
 Смейся, смейся, хохочи до колик.
 Прости и прощай, ты не смог
 Удержать меня: слог оплавлен и горек.

**станция Калининская
 Краснодарского края.**

Вера ВАСИЛЕНКО

Шесть новелл

“Всё тот же дождь...”

Л. С. Кузнецовой

Поезд шёл не спеша, казалось, вечность. Время всегда тянется медленно, когда нервы напряжены, и волнение не даёт покоя перед предстоящей важной встречей. Утренний туман рассеялся, и первые блики солнца заглянули в купе вагона. Лейла прильнула к окну. Мимо проплывали бескрайние просторы, усыпанные полевыми цветами — жёлтая полевая кашка, синие васильки, белые ромашки — чего здесь только не было. Вдали замаячили берёзовые колки, и вот уже через несколько минут разноцветное полевое покрывало сменили берёзово-осиновые леса, меж которыми на дальнем плане мелькали маленькие, Богом забытые деревушки. Россия!

От переизбытка чувств Лейла не знала, что предпринять. Нашарив в сумке коробочку с таблетками “биодобавки”, она начала судорожно жевать, не запивая. В один миг вспомнилось всё детство в самых ярких картинках. Огороды-кормильцы и этот плетень бесконечный, какой бывает только в России, по плетню навешены крынки из-под молока, с утра до ночи мычание коров, бляение овец, крик петухов да бабкино ворчание: “язви вас, окаянные”... Как всё это далеко и как близко, всегда внутри, никуда и никогда не исчезает.

— Чавой-то ты, дочка, одне таблетки жуёшь? — закопошилась бабуля в углу напротив, — который уж час за тобой наблюдаю, разве ж так можна, али как? Ничаво не ешь, жуёшь одне таблетки.

— Это не таблетки, это биодобавки, бабуля. Болею я сильно. Онкологическое заболевание кишечника, операцию недавно перенесла.

— Куды ж ты едешь, така больна?

— На родину. Брат у меня родной есть, Саша, в Крыму живёт. И вот, представьте, через год после смерти нашей мамы заболели мы оба одинаковой болезнью. Перенесли операцию почти в одно время и, немного оклемавшись,

**Вера
Владимировна
ВАСИЛЕНКО**

родилась в Курганской области 22 декабря 1957 года. После окончания в 1976 году Кустанайского медицинского училища приехала по распределению в город Рудный. По 1980 год служила в органах милиции санитарным инспектором, затем работала в различных медицинских учреждениях города. С 1995 г. трудится в управлении горного железнодорожного транс-

порта Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината.

Лауреат премии московской ассоциации “Искусство народов мира”, областного литературного конкурса (2006) и городского (2007), печаталась в коллективных сборниках “Просветление души” (1994), “Пьеса экспромтов” (1996), “Объяс-

нение в любви” (1998), “Новый день” (2006), в журнале “Простор”. Давний автор “Нивы”.

решили съездить на родину. Встретимся там, распрощаемся с детством, с дорогими сердцу местами, может быть, не свидимся больше никогда...

— Ой-ё-ёй... Энто чаво ж ты мне таку грустну историю сказывашь? Видать, не одна земелька ж родная тебя зовёт? Поди, остался там кто?

— Это правда...

— Ты сказывай, сказывай, всё полегчает тебе, дочка. А как звать тебя, мне не надобно.

— Брат у нас там остался, родной. Мы с ним незнакомы, не роднились никогда, жизнь прошла, считай, и чувствуем мы с Сашей вину перед ним. Родители наши учителями были в нашей сельской школе, молодые, задорные. Не знаю, как там у них получилось, они нам никогда об этом не рассказывали. О том, что у нас есть родной брат, узнали мы от чужих людей, в деревне ведь ничего не скроешь. Мама наша приехала в эту школу, когда папа уже работал там. Жил он тогда с женщиной намного лет старше его и уже имевшей двоих детей. Наш брат, Миша, родился в этой семье третьим ребёнком. Папа его не воспитывал. Мы с Сашей узнали о нём, когда были уже совсем взрослыми. Вернее, знала я одна, Саше сообщила об этом уже после смерти мамы.

— Нехорошо твои родители поступили, что утаили от вас. Грех какой!

— Мы их не осуждаем. Время такое было, советское. Учителя школьные, понимаете... Никакой аморалки, никакой религии и так далее...

— Да уж... Таперича не те времена-то...

На перроне маленькой сибирской станции Лейлу встречал Саша, приехавший накануне. Постаревший, ссутулившийся, но с огоньком в глазах и с каким-то молодецким задором. Всю дорогу на пути к тёткиному дому он то и дело подбадривал сестру:

— Ты, Лейка, не кисни, всё хорошо. Вот видишь, я — не болею. Я не болею! У меня ничего не болит! Я радуюсь жизни, и плевать я хотел на всякие там болячки!

Тётка Глафира, восьмидесятилетняя старушка, порхала по избе, не зная своего возраста:

— Самогон от, по рюмашечке-то с дороги, а то как же... Самогон, он в каждой избе, почитай, а то и не хозяева, значит. Первое дело! Да щи с пирогами какими. А пироги-то завсегда, без них никак, да простоквашки, али кваску холодного?

Хлопотала старая Глафира допоздна, всё стараясь угодить дорогим гостям. Такие они — русские женщины. Мужей уж с полвека на свете нет, а русская женщина всё вытянет. Огороды, скотина, заготовки на долгую сибирскую зиму, баня — это святое. После бани — холодный квас с калачом и долгие разговоры до полуночи. Как завтра к Мише-то идти? Пойдут ли ноги-то?

— В другурядь те сказываю, с петухов-то по гостям не шастают. Вот зачнётся день малость, после завтрака и отправимся, — выговаривала Глафира своей племяннице, — погодь маяться-то, куды так-ту...

Дом Михаила стоял на краю деревни. Старый деревянный дом, утнувшийся в зелени, за домом огород, обнесённый плетнём, во дворе злая собака — как у всех в деревне. Маленькая полная женщина, вышедшая встречать непрошенных гостей, во всему видно — не слишком была рада. Большая печь и деревянные лавки — неперемный атрибут каждой русской избы. Михаил сидел на лавке, опершись на трость, и с умилением смотрел на своих родных. Ему не нужно было ничего объяснять. Он всё знал. С самого детства с горькой завистью и обидой в душе тайком наблюдал он

за сестрой и братом, как росли они в полной достатка семье, как уехали потом из деревни в город и оба получили высшее образование. А он, сирота-безотцовщина, так и остался кузнецом в местной кузнице, где оставил всё своё здоровье, и сейчас, в пятьдесят с небольшим, выглядел на все семьдесят. Но всё прошло. Давние детские обиды забыты и только в глазах — тоска и почти потухший свет. Надо ли было объясняться? За самоваром все молчали, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Наконец Лейла решила задать бестактный вопрос:

— Что же ты, Миша, как будто болеешь сильно? И не рад нам, поговори хоть...

— Где уж мне до радости-то, вишь ли... После операции я, онкология кишечника, вишь как...

Сахар ли, соль ли положила в чай Лейла, попрощались ли, нет ли — всё кругом пошло. Помнит только, как за Сашей бежала по деревне и как Саша на всю деревню кричал, что не простит своим покойным родителям никогда этой подлости.

Вечером, когда всё затихло, слушали у тётки Глафиры старые пластинки. Шум дождя за окном сливался с голосом Майи Кристалинской, и долго ещё звучало в голове Лейлы:

*“А за окном, то дождь, то снег
И спать пора, но никак не уснуть...
Всё тот же дождь, всё тот же снег,
И лишь тебя не хватает чуть-чуть...”*

“Мы будем рисовать...”

Природа не наделила Ингу яркой, броской внешностью. Пожалуй, напротив, она была даже некрасива, и с детства ей то и дело приходилось слышать от своих сверстников: “Уродина, цыганка, малявка”. Но это нисколько не мешало ей быть талантливой. Она не стала большим художником, но рисовать — главное дело её жизни. Инга любила графику. Этот маленький шахтёрский городок, где она родилась и выросла, был ей очень дорог. Казалось бы — скудная растительность, небогатый ландшафт, но любимые с детства улочки, аллеи и парки прижились в Ингиной графике, её картины имели успех и пользовались спросом. Телефон в её маленькой квартирке трещал с утра до вечера, напоминая ей о том, что её творчество востребовано, а на очередной вопрос какой-нибудь раскудахтавшейся знакомой: “Как дела в личной жизни?” — ей всегда приходилось отвечать коротко, одним словом: “Никак”. Нет, не сказать, чтоб мужчин в её жизни совсем не было, иногда они появлялись, спонтанно, и так же куда-то исчезали, в небытие как будто, но Инга их всех помнила. Так, отчаявшись однажды, когда ей было уже за тридцать, родила Инга дочку, чудную девочку Светлану — Свет в окошке. Девочка, едва научившись держать в руках карандаш, тоже стала рисовать, сначала на стенах, на мебели, где придётся, и Инге стоило немалых усилий и упорства научить дочку проявлять свои творческие способности на бумаге. И теперь, когда дочка подросла, долгими вечерами, в полном молчании, едва обмениваясь незначительными фразами, они обе рисовали. Когда была возможность, выбирались на пленэр. “Осиное гнездо” — неофициальное название небольшого уютного микрорайончика из коттеджей у берега Тобола — было их излюбленным

местечком. Здесь царил какой-то неповторимый дворянский дух, атмосфера Серебряного века, поселившаяся тут вместе с первостроителями, приехавшими сюда в далёких пятидесятых.

— А сегодня у нас будет гость, и ты, пожалуйста, ложись пораньше спать, потому что тебе он будет неинтересен.

— А тебе интересен, да, мамочка? Хитрая ты.

— Мне, может быть, тоже неинтересен, но он так напрашивался, что я не смогла ему отказать. Такой напористый, навороченный, крутой, одним словом. У него машина, но это неважно...

Инга видела, что этот "шут" совсем не для неё, но поддалась неотражимому обаянию, отдав на волю случая своё коронованное одиночество. Он оказался тактичным, появился точно вовремя, осветив ровным рядом золотых зубов соблазнительную улыбку:

— Привет!

— Сидел.

— Кто сидел?

— Ты сидел, не я же. В тюрьме сидел, говорю. Ну да Бог с тобой...

Проходи.

Опешил.

— Ну сидел. Так это было давно, пятнадцать лет уж, по глупости. Пацаном был, машину угнал...

— Чай, кофе?

— Всё равно.

Инга медленно расставляла чашки. Вазочка с конфетами, варенье. Что ещё? Пришёл с пустыми руками. Не знает правил хорошего тона.

Он обхватил её за талию сильными руками и прижал к себе.

— Ты что, сумасшедший? Садись, будем чай пить.

— В принципе... — он жевал конфеты, прихлёбывая горячий чай, — удивляюсь я вам, одиночкам. Можно подумать, что вы — ангелы небесные, и вам никогда ничего не хочется.

— С такими, как ты — не хочется.

— А с какими? В принципе...

— С благородными.

— Ха-ха-ха, — откинулся на спинку стула, широко расставив ноги, — с благородными... В принципе... А где они, благородные-то? А? Что-то я не вижу здесь благородных...

— Послушайте, Саша, а неплохо было бы нам с вами открыть сейчас бутылочку шампанского, а? Как вы на это смотрите?

— Давай!

— Но у меня нет, а вы могли бы быстренько смотаться в какой-нибудь ночной киоск. Вам ведь нетрудно. Вы на машине.

— Ладно, я мигом. Только ты смотри, не обмани. Откроешь мне потом?

— Открою.

Он развернул последнюю конфету, закинул её в рот и побежал, бросая на ходу:

— Смотри, я быстро.

Инга закрылась на все замки, выключила свет и легла спать.

— Мама, ну как твой новый знакомый? — задала дочка утром с вечера заготовленный вопрос.

— Никак. Я крепко заснула. Кажется, кто-то звонил и стучал, но мне не хотелось вставать. К тому же, знаешь, благородных людей так мало, кругом одни хамы...

— А дядя Вова не хам. Помнишь, который приходил к тебе на день рожденья с тётёй Люсей и тётёй Ольгой. Мне кажется, он из благородных. Пригласи его как-нибудь.

— Хорошо. Я подумаю.

Дядя Вова. Да, он холост, закоренелый холостяк, из благородных... Может быть... Месяца через два после случившегося разговора дядя Вова сам опустился на сидение в пыльном городском автобусе рядом с Ингой, уставшей после жаркого рабочего дня.

— Ой, ты меня напугал. Привет.

— Привет. А я смотрю — спишь, и не замечаешь никого.

— Устала.

— Я тоже. Жаркий был день. Ты всё одна?

— Да. И ты всё один?

— Да.

— Моя дочь приглашает тебя в гости. И я тоже. Приходи.

— Хорошо. Спасибо. Вечером, если не возражаешь?

— Хорошо. Вечером. Завтра.

— Но завтра я тоже работаю.

— Ничего. Приходи после работы.

По пути домой Инга размышляла: “Ничего, успеет после работы себя в порядок привести, ещё и в магазин успеет. Этот не пойдёт в грязной рубашке и с пустыми руками. Мне давно нужно было его пригласить”.

Он робко постучал и, войдя, долго стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Я прямо с работы, ничего не успел.

— Да ладно тебе, проходи.

Инга мельком взглянула на него. В грязной рабочей одежде, небритый, он походил сейчас на общипанного гуся.

— Ужинать будешь?

— Вообще-то я ничего не ел...

Инга выложила на стол остатки еды, предназначавшейся на утро. Он с жадностью проглотил сардельки (“дочкины” — подумала Инга) и попросил чаю. Оставшиеся в вазочке конфеты дядя Вова неторопливо съел в течение вечера с несколькими чашками чая.

— Ну что же, спасибо. Всё было очень вкусно, — поблагодарил дядя Вова, откашлявшись. — Уже поздно. Мне пора...

— А чтоб вам всем пусто было! — выругалась Инга, захлопнув дверь за дядей Вовой. — Доча, завтра едем рисовать в карьер!

— Мама, ты что?

— А что? Ты там не была никогда. Карьер — великолепное зрелище! Я, когда впервые туда попала, думала — Космос! Так дух захватывает. Наши художники, кстати, любят рисовать панорамы карьера. Чем мы с тобой хуже их?

После вечерней молитвы Инга долго не могла заснуть, вспоминая своего “единственного”, придуманного ею раз и навсегда, нафантазированного, хотя существовал он на самом деле. Он появлялся у Инги два-три раза в году, галантный сверх всякой меры, не мужчина, а мечта каждой женщины, а уж Инге с её внешностью, и этой “мечты” было слишком много. А совсем недавно местная телекомпания “ТВС” стала крутить ролик о жизни фабричного

комплекса. Маленький клип в сопровождении старой доброй песни: "... и здесь на этом перекрёстке с любовью встретились своей..." сводил Ингу с ума. Ведь именно на этом "фабричном" перекрёстке встретились они много лет назад с Петром Николаевичем. Пётр был трудолюбив, работал практически без выходных, Инга в трудолюбии ему не уступала. Они заметили друг друга. Она знала, что он никогда не женится на ней, и часто, в минуты отчаяния и полного одиночества, ей хотелось покончить с этим непременно и начать другую жизнь. Но какую другую? И с кем? Вопросы эти всякий раз заводили её в неразрешимый тупик, и не видя никакого выхода, она брала произвольно бумагу и карандаш и начинала рисовать.

В один из летних воскресных дней в маленькой уютной квартирке зазвонил телефон и вкрадчивый мужской голос, впрочем, довольно приятный, произнёс в трубку:

— Это Инга?

— Да. Простите, я вас не узнаю.

— Отгадайте с трёх раз!

— М...м...м...

— Ну!

— Сергей...

— Угадали! Быстренько говорите мне свой адрес, я иду к вам в гости!

— Не суетиться! — скомандовала себе Инга, — только чай! Дочка, ставим чайник, сейчас придут конфеты.

— Это ещё кто?

— Это Сергей, фанат, поклонник моего творчества. Не забуду, как он приходил к нам в салон художников. Завалил весь стол дорогими конфетами и фруктами. Фанат!

— Мама, — скривила дочка хитрую улыбку, — ну, конечно, ты же там была не одна...

— Сплюнь! Говорю тебе — фанат. Добрейшей души человек. Сама увидишь. Хотя, конечно, он из обывателей. А я наперёд знаю, что думает и что говорит обыватель. Все обыватели думают и говорят одинаково. Они наверняка думают, что вернисажи моих картин, что устраивают мне крупные издания и столичные салоны — дело рук Петра Николаевича, ведь он занимает высокий пост, а уж деньгами непременно обеспечил на всю оставшуюся жизнь. А за гонорары, получаемые мною от этих вернисажей, я давно приобрела себе виллу где-нибудь на Канарских островах. Так думает обыватель, и он, разумеется, прав, потому что истинной правды он не знает и не узнает никогда.

Раздался звонок в дверь, и высокий, стройный, атлетического сложения красивый молодой человек появился на пороге.

— Я пришёл!

В руках его болталась джинсовая куртка, он бросил её с размаху на вешалку в прихожей, ловко скинул белые туфли и, ослепляя комнату безупречно белыми носками, франтом прошёлся по мягкому ковру.

— А ты неплохо живёшь! — придирчиво осмотрелся.

— Да ну, что ты, Серёжа, всё старое. Я нищая. Денег едва хватает только на продукты.

— Ладно, рассказывай! Я знаю, у тебя есть богатенький спонсор. Можно подумать, он тебе денег не даёт...

подавив в себе зародыш злобы, Инга опустила глаза и прошла на кухню. Сергей последовал за ней.

— Садись, — как можно мягче предложила ему Инга, — будем лепить пельмени.

- Я не умею!
- Научись. Сначала вымой руки.
- Он делал всё лихо. Кружочки теста только отлетали из-под его рук. Так же лихо он задавал вопросы.
- Так на что ты копишь деньги? — спросил скороговоркой и как бы между прочим.
- Они не копятя.
- Ну сколько у тебя сейчас есть денег?
- Очень мало.
- И куда они пойдут?
- На продукты.
- Да... А ты дурочка, что не берёшь денег с Петра... как его?
- Перестань. У нас не такие отношения. Там, где начинаются деньги, заканчивается дружба.
- Но у тебя дочь, и ты должна думать о ней.
- Нам хватает, а бытовухи мне не нужно.
- Ну как тебе хватает? Говорю, ты просто дурочка! Бери с него деньги, и все дела!
- Не могу. Я люблю его. Я тогда просто перестану себя уважать.
- А для меня главное — деньги! И чего мне больше всего на свете надо сейчас, так это денег.
- Инга уставилась на него в упор.
- Так ты за деньгами ко мне пришёл?
- Нет-нет! Ты что? Чтоб я к тебе за деньгами? Я просто в гости зашёл. Дай, думаю, зайду в гости. Кстати, скоро юбилей города, твой Пётр, как там его... мог бы замолвить за тебя словечко, и у тебя была бы неплохая распродажа...
- Знаешь, шёл бы ты...
- Инга не могла больше сдерживаться. Повернувшись спиной к Сергею, она наклонилась над мойкой и, смахивая слезинки, стала мыть посуду. Говорить ей больше не хотелось.
- Да я пойду, пойду. Тем более что мне сегодня ехать на турбазу и надо ещё собраться.
- Он расшаркался, вежливо попрощался, понимая, что хватил лишнего, и всё так же лихо бросился вниз по лестнице.
- Инга без сил опустилась на тумбочку в прихожей, ссутулившись, свесив руки на колени, маленькая, беспомощная, в полном оцепенении сидела она так, пока из комнаты не появилась дочка.
- Мама, я всё время слушала этого дядю Серёжу, он какой-то слишком шустрый. Не обращай на него внимания.
- Я про тебя совсем забыла. Чем ты занималась?
- Я рисовала.
- Это хорошо. Хорошо, что ты рисуешь, что мы рисуем. И если даже за окном будет конец света или весь мир сойдёт с ума, нам будет всё равно. Мы будем рисовать.

Женщины

Анна Ивановна Легкодухова, женщина преклонного возраста, но не уставшая от жизни, много лет работает психологом. Трудная это работа — с людскими душами говорить, но Анна Ивановна свою работу любит, хоть и жалуется иногда подругам на надоедливых клиентов, не желающих

ничего понимать. К этой категории Анна Ивановна отнесла всех женщин, независимо от возраста.

— Послушай, Мария, — попросила она свою лучшую подругу, — вот ты со мной всё споришь относительно женского превосходства, эмансипации, матриархата, свободомыслия, раскрепощённости, независимости и прочей ерунды, а приходи-ка ко мне сегодня на приём, посиди со мной и ты увидишь, как весь этот набор неосуществлённых иллюзий лопнет у тебя на глазах, как мыльный пузырь.

Мария как раз была женщиной свободной во всех отношениях. Прекрасная спортсменка, несмотря на свои сорок с хвостиком, с успехом одолевала длинные марафоны; маленькая, хрупкая, миловидная, но, как ни странно — одинокая, она проявляла интерес ко всему сверхъестественному и с Анной Ивановной у них давно завязалась крепкая дружба. Мария не раздумывая согласилась и через несколько минут уже сидела в кабинете подруги.

— Не волнуйся, будут одни бабы, это я тебе точно обещаю. Мужики сюда практически не ходят.

В кабинет психолога вошла крупная женщина. Формы её тела на первый взгляд трудно было определить. Огромное безо всяких изысков платье не первой свежести, потное от долгой ходьбы, безо всякой косметики лицо, просто зачёсанные назад волосы, стоптанная безразмерная обувь вызывали недоумение относительно наличия мужчины в жизни такой женщины. А он был безупречен на фотографиях, выложенных ею на стол.

— Вот! Это мой муж! — хлопнула женщина огромной неухоженной рукой по фотографиям.

— Чего же вы хотите? — спросила недоуменно Анна Ивановна.

— А я его первая жена! — кричала женщина, — первая жена — есть первая жена! Пусть он спит со мной! Сделайте так, чтоб он спал со мной!

— Извините, — Анна Ивановна слотнула слюну от неожиданности, понимая, что разговор будет очень трудным, — извините, но я не ведьма, не колдунья, я всего лишь психолог. Как вы себе можете представить, что бы я это сделала?

— А мне всё равно! Я вам плачу деньги и пусть он спит со мной! Он на мне целоваться научился! Я не виновата, что нарожала ему детей и стала такой безобразной. Я знаю, он нашёл какую-то, хоть и спит на холостяцкой кровати с одним матрасом в общежитии, даже не взял ничего, а я ему ничего и не дам! Машина в гараже пусть лучше заржавеет, мы её вместе зарабатывали, вещи его я все попрятала, пусть дома живёт, пусть со мной спит, а иначе ничего не получит!

— Да вы успокойтесь, — Анна Ивановна смотрела в выцветшие, но горящие гневом глаза клиентки, — отдайте ему всё, зачем вам?

— Нет, пусть он со мной спит, а я ему просто так ничего не отдам!

— Да ведь он, наверное, уже не любит вас, как же он будет с вами спать без любви? Есть, к счастью, такие люди, их немного, но они есть, что не могут без любви делить с кем-то свою постель, вы меня понимаете?

— О чём вы говорите? Какая любовь? У нас дети! Любил ведь, куда всё девалось-то? Я ему жить спокойно не дам, он у меня не получит ничего, если не вернётся!

— Ничего не вернуть, не цепляйтесь за прошлое. Отдайте ему всё, проявите благородство, наконец. Знаете, есть такая хорошая поговорка: “Хочешь удержать — отпусти”.

— Я вас не понимаю, — грузная женщина поднялась, чтобы уходить, — я плачу вам деньги, а вы говорите мне какую-то чушь! Если он не вернётся по-хорошему, я не дам ему жить спокойно на этом свете!

Женщина громко хлопнула дверью и что-то ворчала ещё, шаркая башмаками по коридору. Мария сидела в уголке тихо, как мышка, и иронично улыбалась:

— Это зрелище стоит того, чтобы здесь посидеть.

— Посиди, посиди, это полезно.

Вошли две женщины пенсионного возраста.

— Извините, мы подруги, можно нам вместе?

— Да, пожалуйста.

— А мы хотим замуж...

Кривые, смущённые улыбки на старческих лицах... Та, что пошустрее, подседа поближе к спасительнице женских душ и стала быстро тараторить:

— У меня вот есть сожитель, на тридцать лет, правда, моложе меня, из тюрьмы только освободелся... А у меня машина, квартира, всё, понимаете, есть, мне от него ничего не надо, только чтоб любил меня и женился, как положено. Так вот я и пришла к вам посоветоваться, выходить ли мне за него замуж, всё-таки возраст уже, да как бы не обманул, а он говорит, что любит меня... И доверенность на вождение машины я ему уже написала, и всё у нас как бы хорошо, — женщинахватила воздуха, — а вот у Степаниды никого нет, может, ей изменить чего-то надо в себе, неохота ведь одной на старости лет оставаться...

— А сколько лет вашей Степаниде?

— Шестьдесят пять... Но это неважно... Замуж-то всё равно хочется. А вы бы только посоветовали, как поступить-то?

Анна Ивановна тяжело вздохнула и посмотрела на Марию:

— А вот моей подруге Марии всего сорок, она прекрасно выглядит, занимается спортом, живёт в своё удовольствие и ей совсем не хочется ни в какой замуж...

— А как же, если любовь-то?

Пожилая женщина смотрела на психолога не понимая, как можно не хотеть замуж.

— Да ведь он же обберёт вас до нитки, сожитель ваш, неужели вы не понимаете, что и ваша жизнь может быть под угрозой? Как вы, женщина с жизненным опытом, не понимаете, что разница в тридцать лет не сулит лично для вас ничего хорошего?

— Так, говорит же, что любит... — женщина потупилась, уставясь в пол, как маленький ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку, — а как же Степанида?

— А Степанида пусть на дачу ездит, может, там и встретит какого дачника...

— Ездила! Ездила!

Женщина по имени Степанида оживилась и заёрзала на стуле.

— Ездила! Вот ведь как в воду смотрите! И встретила там Его! Дак он что же удумал! Сразу в постель тащит! А мне на что? Мы ровесники, не молодые уж, кака постель! Я ему говорю — вот, мол, твоя пенсия и моя пенсия, сложить кабы вместе, дак эдак хорошо бы зажили...А он меня в постель, ой, что же, куды же, как же ш...

— Так чего же вы хотите, замуж или совместное предприятие какое наладить?

Лицо Анны Ивановны посуровело и в воздухе нависло предгрозовое затишье. Старушки как-то быстро ретировались, окончательно подавленные иронической улыбкой молчащей в углу Марии.

— А тебе разве не хочется замуж? — пронзила Мария своим энергичным взглядом Анну Ивановну.

— Хочется, — не раздумывая, ответила ей подруга, — только нет, видно, Его. Мужики сутяжные какие-то, мелочные, мелкие, каждый в своём мирке ограниченном живёт. Дача, огурцы, картошка, машина, жена-невидимка, в темноте всё равно уже не разобрать, а если ещё и карьера, то это — святое. Мужики-карьеристы деньги любят, власть, и всё это чтоб было, когда хоронить будут. В скорлупе живут. О душе никто не хочет думать. О вечном и с кем за черту перешагнуть мало кто думает, нет таких, я не встречала.

— Да. Я, похоже, тоже, — погрустнела Мария.

— Да ты не грусти, мы с тобой самодостаточные. Помни, что сказал Омар Хайям: “Ты лучше голодай, чем что попало есть...”.

— Можно к вам?

В кабинет заглянула молодая, красивая женщина. Уверенной походкой она раздвинула пространство, благоухая изысканным ароматом дорогих духов и сверкая нескромным количеством драгоценностей.

— Не понимаю, — кокетливо выложила она на стол фотографию мужчины, — почему он не хочет на мне жениться? Чего ему не хватает? Что мне остаётся делать? Пошла на днях к его жене. Кинула ей в морду целую пачку фотографий, где всё заснято, как мы с ним отдыхали, как любили друг друга. Посмотри, говорю, что у нас было с ним. Он — мой. Зачем он тебе? Отдай его мне, у нас любовь. Короче, мы с ней подрались.

Дама достала сигареты и, испросив разрешения, закурила.

— Выходит, он женат? Что же вы решили семью разбить? Там, наверное, и дети?

— Ну и что дети! А я что не человек? Все дети наши! Пусть он женится на мне! Или я жить никому не дам, помяните моё слово!

— Извините, — Анна Ивановна вся напряглась, — говорю вам: я не колдунья! Вы поступаете некрасиво. Запомните, никогда мужчина не уйдёт из семьи, если жена его не выгонит. За редким, конечно, исключением, — вспомнила Анна Ивановна сегодняшнюю первую клиентку, — за редким, говорю вам, исключением. Чтобы мужик ушёл, его надо выгнать. Но ни одна жена на это добровольно не пойдёт. Никогда! Вы посмотрите, какие у нас женщины — девяносто девять процентов — держатся за своих мужей мёртвой прямо-таки хваткой. Она его, пьяного в стельку, затащит на себе на пятый и, если надо, на девятый этаж; она встанет в пять часов утра и приготовит ему горячий завтрак; она промолчит в сотый раз, если он явится домой под утро от очередной любовницы и в сотый раз она сделает вид, что ничего не происходит, и ляжет с ним спать. Что же ему остаётся? Он куражится. Ему и так хорошо. У него всегда всё хорошо. А кто виноват? Виноваты мы с вами — женщины.

Дама докурила сигарету, демонстративно рассекла пространство в обратном направлении и, обернувшись на прощание, обронила:

— Говорите, что хотите, а я им жить не дам!

— Вот так, — тяжело вздохнула Анна Ивановна, — вот тебе, Мария, матриархат, эмансипация, женская красота и уродство, всё спуталось в один большой клубок. Я понимаю — это у меня работа такая, и что не всё так плохо,

и что есть ещё надежда... Но, посмотри, факты. На приём не ходят мужчины. Они не страдают так, они не хотят “замуж”, у них всё хорошо.

— Нет, ты неправа. Помнишь, ты мне рассказывала, был у тебя один мужик, целый портфель портретов своей жены притащил. Он на эти портреты сутками смотрел, а она его бросила.

— Был. Один на сто женщин.

— Значит, бывают исключения. И не всё так безнадежно.

— Но ведь это рабство! Человек приходит в этот мир свободным и свободным должен уйти отсюда. Почему человек на таком коротком отрезке пути от рождения до смерти пытается к кому-то привязаться или к себе кого-то привязать, стать чьим-то рабом или кого-то непременно поработить? Почему человек не хочет свободы? Человек не ценит свободу, он не хочет её принимать.

Мария выбралась из своего уголка:

— Послушай, давай закончим этот разговор дома за чашечкой кофе, ты ведь не будешь против, если мы зайдём ко мне и посидим ещё часок-другой.

— Согласна. Только отыщем ли мы истину?

— “Ищите и обряцете...”.

Вечер спустился на город. Подруги шли не спеша, им было хорошо вместе, они понимали друг друга и можно было не говорить. Возможно, истина — в молчаньи.

Фотография

Виктору Веснину

“Сегодня я с утра молчу, а сердце — пополам...”. Ахматовская строка с утра точит мой размягченный от безделья мозг. Такая тоска во всём, на что ни глянешь, что хочется кричать. Бездельничать я не люблю, безделье меня угнетает. Определённо нужно хоть чем-то себя занять. Принесли почту. Все местные газеты испещрены фотографиями кандидатов в депутаты. Желающих “быть во власти” так много, в основном это мужчины солидного возраста и положения, вот промелькнуло два-три женских лица, и всё — неинтересно. Все лица какие-то кислые, ничем особенным не отмеченные, не на ком даже взгляд остановить. “О! — вдруг вылетело из меня, — кто это?”. Взгляд мой задержался на фотографии мужчины с какой-то особой неуловимой отметиной. Он некрасив, но в мимике лица, в слегка отведённых назад плечах и подавшейся вперёд груди, во всём облике его сквозит неприкрытая галантность великосветского повесы, человека, избалованного удачами судьбы, вкусившего и знающего толк в женщинах, вине и вкусной пище. Сексуальная энергия, плохо спрятанная в едва намеченной улыбке, распространялась не только на рассыпанные по лицу веснушки, но и на безупречный костюм. Веснушки, впрочем, только добавляли шарма необычным, благородным чертам его лица. Из краткой биографии под снимком узнаю, что он руководитель одной крупной организации. Его имя Клим — такое же русское, как и его веснушки. Ну что же, на этом всё. Что я могу? Позвонить ему и сказать, что он меня удивил, что мне скучно, я умираю от тоски и вообще, было бы неплохо нам познакомиться-ся? Чуть! Откладываю в сторону газету.

Приближался праздник города. Меня, в числе других “людей от искусства”, пригласили в главное “питейное заведение”, где среди приглашённых будут первые руководители. Признаться, я никак не ожидала увидеть там Клима. Но это случилось. Я не была к этому готова. Столик, что мы занимали с “людьми от искусства” (нас было человек десять), оказался как раз напротив его столика так, что мне было очень удобно его разглядывать. Он оказался большим и грузным, но, несмотря на это, был великолепен, а его манеры не оставляли желать лучшего. Меня он не замечал. Я пела романсы, развлекая публику, голос мой срывался от волнения, и чтобы хоть как-то успокоиться, я заставила себя выпить немного шампанского. Публика упивалась водкой, и “наши” ей нисколько не уступали.

— Возьми города и антенны, реку не забирай, — выкрикивал изрядно опьяневший поэт строчки из своих стихов.

— Спиридон, успокойся, на нас смотрят, — пыталась я безуспешно успокоить поэта, — Спиридон!

— Эх ты, Лизка! — кулаком по столу. — Дура ты, хоть и талантливая! Эти, — поворачивается лицом к столику напротив и тыча пальцем в их сторону, — кровь из нас пьют и в кожаных куртках ходят, а ты им — романсы!

Спиридон отличался неординарным мышлением, с явными проблесками гениальности, что порождало в нём многочисленные пороки. Публика, зная это, прощала ему все его выходки. И когда Спиридон снял со спинки стула кожаный пиджак Клима и перевесил его на свой стул, никто особенно не возмущился. Спиридона увели отрезвляться на скамеечку в парк под окнами. Клима не танцевал. Он пил, но не пьянел. Одна немолодая “дама от искусства” пригласила одного из руководителей, пожилого, лысого и бесформенного, на “белый танец”, и ей было учтиво отказано. Все это видели, и больше уж никто не решался. Мы танцевали “своим” кругом. Молодёжная танцовщица, воспользовавшись паузой и свободным микрофоном, вежливо попросила у “них” машину для писателя-инвалида. Наступила гнетущая минута тишины, чётко разделившая публику на две половины. Надо было уходить. За весь вечер наши с Климом глаза даже ни разу не встретились, и оставаться не было уже никакого смысла. Я поднялась и стала прощаться со всеми, извиняясь и оправдываясь. И вдруг Клима, сидевший, казалось, безучастно, решительно поднялся со своего стула и направился ко мне. Я замешкалась, не ожидая такого выпада от него. Мы оказались в центре внимания изрядно охмелевшей публики. Он обнял меня, слегка наклонился и прошептал над ухом: “Придёшь?”.

Я почувствовала себя проституткой. На это потребовалось лишь одно мгновение и одно слово... Передо мною в один миг пронёсся в картинках весь этот вечер: одета — более чем скромно, все интригующие места прикрыты, к спиртному была равнодушна, в танцах не изощрялась, микрофон, как грушу, не трясла, ни к кому не приставала и вообще держалась в тени, стараясь ничем не выделяться, избрав свой стул пунктом наблюдения. Моё внутреннее “эго” возмущалось, и вместо “да”, о котором я промечтала несколько месяцев, я ответила, прикинувшись “дурочкой”, полунасмешливо: “Не приду...”.

Он был обескуражен. Как и угадывалось мною по фотографии — привык только побеждать. Сухо распростились. В сумке я носила с собою это фото, вырезанное из газеты. На улице, оказавшись одна, я с яростью порвала и пустила его по ветру. Освободилась...

Дождливым осенним днём мне захотелось увидеть его лицо, но фотографии не было... Зачем я это сделала? Причём тут фотография? Я знала, где её можно было взять без труда.

— Тань, привет! Дай мне местные газеты за этот год, пожалуйста.

Через минуту Таня положила передо мной кипу газет:

— На. Только они здесь не все.

В тишине библиотеки, с невыразимым трепетом, я шелестела газетами. «Неужели не найду? Вот!».

— Танюша, я возьму несколько, мне нужно кое-что почитать.

— Возьми.

Итак, фотография снова со мной, и в часы неутолимой тоски я смотрю на неё, как будто именно в ней есть ответы на все вопросы. Мне нужна работа, любая — неважно, это лучшее лекарство от меланхолии. Попрошу у него работу, ведь в городе работы всё равно не найти, а он что-нибудь придумает для меня, если я ему не безразлична. Позвоню ему завтра, пусть это будет всего лишь предлог для того, чтобы увидеть его, но об этом знаю только я. Это хороший предлог, и вполне уместный, ведь мне уже мало — просто смотреть на фотографию. Но прошло столько месяцев, уже зима, помнит ли он меня?

— Клим Викентьевич?

— Да.

— Это Лиза. Вы меня помните?

— Да, конечно. Разве это можно забыть?

— И я не забыла вашего приглашения. Назначьте мне время, я приду.

— Завтра утром, в десять! — выпалил, не раздумывая.

В холодный зимний день я принесла ему свою любовь, и он с жаром принял её, безо всяких сомнений и оглядок. Он был единственным мужчиной в моей жизни, кого я действительно любила.

Белый сон

Национальности он был неопределённой. Маленького роста, щупленький мужичок, с бегающими, глубоко посаженными чёрного цвета глазками, с широкими скулами и большим ртом, из которого выглядывали гнилые зубы. Волосы, если они и были, спрятаны под смятую, выдавшую виды шапчонку, подобранную, как видно, где-то на мусорной свалке, как, впрочем, и вся его одежда, если её вообще можно было назвать одеждой. Переминая маленькими ножками в сшитых леской башмаках из различных рваных, потёртых, потрёпанных кусков кожи, взятых неведь откуда, он пострелял ещё несколько секунд своими юркими, бегающими глазками по всем углам сторожевой будки и, сделав виноватое лицо, промямлил, коверкая слова:

— Драсьти, а мозьна у вас вадицьки папить?

— Попейте, — только и смогла вымолвить Евдокия Захаровна, смутившись неловким положением, вызванным появлением необычного гостя.

Евдокия Захаровна, женщина преклонных лет, последний год перед пенсией дорабатывала сторожем на небольшом предприятии, где до того много лет была мастером. Но, как это часто бывает с мастерами, после очередного «ЧП», которых, надо сказать, в жизни её было немало, предлюжили ей место сторожа, дабы смогла она спокойно дотянуть до пенсии. Погоревав немного и рассудив, что это совсем даже неплохо — отсидеться на старости лет в тёплой будке — взялась она за вязание.

Совладав, наконец, со своею врождённой брезгливостью, вспыхнувшей не вдруг при виде появившегося на пороге бомжа, Евдокия Захаровна отложила своё вязание и решила задать мужичку несколько вопросов:

— Послушайте, но ведь вы же, наверное, где-то живёте?

— Я? Хи-хи-хи... Где я живу? А под теплотрассой...

— Как же можно под теплотрассой? Где же вы питаетесь и как?

— А вот сумка, видишь? Полная. Тут у меня и сухари, и мёд дазе есть...

И вот вадицьки я у вас наберу...

Он изъял из мазутной сумки не лучшего вида мазутную бутылку и грязными, невымытыми никогда руками...

— А где же вы моетесь? — выпалила Евдокия Захаровна, не выдержав.

— Вот ты всё вопросы задаёшь и думаешь себе на уме, понимаешь, что ты лучше меня живёшь. Ан, нет! Мне-та лучше... Я свободный человек. И чистый я, в душевых казну неделю моюсь на фабрике, знакомыя у меня там. А ещё в гости хожу, в ванной моюсь, тожа знакомыя. У меня много знакомых-та... Да... Мне и талоны на питание дают, тожа знакомыя, я вот тут в столовой обедаю казньный день. Да и так в столовой девчатам помогаю чего-нибудь, они меня и кормят. Вот и мыла у меня хозяйственная есть в сумке, целый кусок, новый. Ты не думай, я чистый, и не вшивый я. Это когда я молодой был, на станции вшей продавал по 25 руб. за штуку...

— О, Господи! Что вы такое говорите! Ну вас, набирайте воды и уходите!

— Я правду говорю. От желтухи вши помогают. Когда я молодой-то был, желтуха ходила страшная. Вшей этих в хлеб закатывали шариками и ели.

— Фу! Уходите!

— Ладна, ладна, я, если мозьна, буду к вам иногда за вадицькой-та заходить... А как тебя зовут?

— Евдокия Захаровна я.

— А я Роман. Фамилию не знаю, детдомовский я, а паспорта у меня никогда не было. Как из детдома-та вышел, пацаном ещё, так вот всё и иду куда-та...

— И сколько же тебе лет?

— А не знаю... Может, сорок, а может, пятьдесят уже...

С тем он и ушёл, сгорбившийся, похожий на старичка, но не старый ещё, неопределённого возраста человек. Евдокию Захаровну надолго одолели неприятные чувства, и впоследствии, как только видела она за окном бомжа Рому, быстренько закрывалась на ключ, создавая атмосферу полного покоя, как будто никого и не было в будке. Рома, постучавшись и не получив ответа, бежал дальше, торопился очень, всегда опаздывая куда-то. Но однажды проглядела она его. Вбежал он в будку, как к себе домой, блохой проскочил в передний угол и плюхнулся на лавку.

— Ай-яй-яй! Замёрз я прямо, Евдокия Захаровна. Ты уж не ругайся. Погреюсь маленька и уйду, вадицьки вот ещё наберу.

— Ты, Рома, хоть бы руки мыл. После тебя мне кружку кипятить приходится.

— Моюсь я, чесная слова. Вот у цыган в воскресенье в гостях был. Борща наелся. Они богатые, цыгане-та. А Николай, цыган этот, давнишний мой знакомый. Всегда меня накормит, а ночью, говорит, хочешь — спи с моей женой. Но я никогда. Зачем мне эта... семью разбивать-та...

— Так ты и женат, наверное, никогда не был?

— Не был. А зачем мне? Мне и самому хорошо.

— Это так. Я вот тоже одна, и никого мне не надо.

— О! Видал как! Ты — один, и я — один. Вот и давай вместе жить!

— Ты, Рома, во-первых, — сумасшедший, во-вторых, — бомж, а в-третьих, — я женщина грамотная, и на своём веку всяких повидала. Вот сидишь ты передо мной — никто, и говорю я как бы в пустоту, потому только лишь, что выговориться надо. С мужем мы по молодости ещё разошлись, не заладилось что-то, может, оттого, что детей не было у нас, так и осталась я одна. После техникума мастером в училище работала, потом на производстве много лет. Красотой и здоровьем Бог не обидел, потому на отсутствие мужчин в моей жизни никогда не жаловалась. Всегда у меня кто-то был. Но я не перебирала их. Я влюблялась в одного — до беспамятства, на долгие годы, потому как не способна была на полчувства. Любить — так любить. Для меня это было как “объять необъятное”. Я придумывала себе образ, воплощала его в попавшегося на моём пути мужчину, который, как правило, образу этому не соответствовал, отчего я всегда страдала, зарабатывала себе стрессы, разочаровывалась, и, в конечном итоге, мы всегда расставались. Были они все, как один, женаты. Ну где уже было в моём возрасте холостого найти? С теми, кто попроще был, ничем не увлекающимися, словом, ничем в этой жизни не отмеченными, расставалась я быстро. Неинтересно было с ними. С теми же, кто из начальства, интеллектом повыше, романы длились особенно подолгу, до истязания друг друга. Притязательна я, наверное, слишком. Не люблю оборотней. А начальство, они все — оборотни. Живут двойной жизнью. С жёнами своими, как правило, знакомы ещё со школьной скамьи или со студенческой. Всё у них правильно — семья, двое детей, обычно — мальчик и девочка. “Обоюдное” уважение и даже “любовь”, вместе через всю жизнь и т. д., а на стороне, у каждого — любимая женщина — весь смысл его жизни, после карьеры, конечно. И ради карьеры-то, это уж я по жизни знаю, они переступают через самое святое, “вытирают ноги”, “умывают руки”, “завязывают” и т. д., до следующего романа. И в шестьдесят, и в семьдесят у них блестит на безымянном пальце правой руки золотое обручальное кольцо — символ верности своей школьной подруге, и ничем не запачканной, безупречной “добропорядочности”. Поэтому я одна, и так уйду из этой жизни, не найдя вторую половину своей души. И вся моя жизнь чудится мне белым сном — лишь закрою глаза — как будто и не жила...

А ты бы шёл, Рома, в посёлок за городом, там столько старух одиноких, глядишь — какая-нибудь и приняла бы.

— Не берут они меня. Говорят, грязный я, и нет у меня ничего.

Часто потом, уйдя уже на пенсию, встречала Евдокия Захаровна бомжа Рому, бегущего, спешащего куда-то навстречу ветру, и вспоминала тот ненужный никому разговор двух одиноких людей в такой же одинокой сторожевой будке, и, возвращаясь в своё одиночество, старательно вязала себе модные вещи, в надежде кому-то ещё понравиться...

Сто долларов

Жара стояла такая, что никакие сквозняки не спасали. На кухне работал кондиционер, в комнате тихонько жужжал вентилятор, два балкона и пять окон большой квартиры были нараспашку. Антон Палыч нагишом возлежал на огромной супружеской кровати, распластавшись, как рыба

на берегу, и пытаюсь заснуть ещё хоть какой-нибудь часик. Стояло уже позднее утро, шум с улицы не давал сомкнуть глаз, как ни ворочайся. Бабка Рая, сварливая по характеру старушка, жившая по соседству, с утра выгуливала своего очередного внука, пятого за последние десять лет. Воспитание в основном сводилось к бесконечным окрикам и шлепкам. Бабка кричала, внуки визжали, повторялось это каждое утро в течение десяти лет, так что покоя не было не только несчастному Антону Палычу, но и всему микрорайону.

— Иды сюда, ны ходи туда! Ны ходи туда, иды сюда! — энергично гремела бабка Рая, сотрясая своим зычным голосом и без того душный, наэлектризованный воздух маленького городка.

За десять лет бабкины внуки подросли, Антон Палыч состарился и заработал невроз от систематических недосыпаний, но сегодня утром он, неожиданно для себя, решил положить конец этому сумасшествию. Выйдя на балкон и приняв соответствующую воинственную позу, Антон Палыч прокричал, как можно громче:

— Бабуля, если ты замолчишь, наконец, я дам тебе сто долларов. Клянусь.

Бабка Рая, чувствуя себя хозяйкой микрорайона, сверкнув наверх неповторимым, диктаторским взглядом, тоже приняла воинственную позу:

— Видали мы вас, деловых! Только обещаете! И с чего это я должна замолчать? Не дождётесь!

Антон Палыч, посчитав ситуацию смешной, махнул на бабушку рукой и вернулся в квартиру. Минут через десять расчётливая бабка, поняв, что потеряла по глупости верных сто долларов, кинулась мыть подъезд, зная, что Антон Палыч вскоре отправится по своим служебным делам. За двадцать минут вымыв весь подъезд, бабка напялила на себя старое рваное платье, стоптанные, выдавшие виды тапки и села у подъезда несчастной, побитой нищенкой, ожидая появления Антона Палыча. Он вышел как всегда безупречен — белоснежная рубашка, начищенные туфли — с достоинством “крутого бизнесмена” кинул на бабушку ничего не значащий взгляд и уже хотел было пройти мимо, как та остановила его громкими причитаниями:

— Антон Палыч, Антон Палыч, вот ить я замолчала, как вы просили, да ещё подъезд весь вымыла, чтобы вам чистенько ходить было. А вы уж слово своё сдержите, про сто долларов-то, мы же вас уважаем как-никак, — хитрила бабка, неуклюже пританцовывая перед бизнесменом в дырявых тапках и тряся лохмотьями старого платья, — так вы уж пожалейте несчастных пенсионеров-то, Антон Палыч, нищих-то, а то как же...

Антон Палыч одарил старушку снисходительным взглядом, достал из барсетки сто долларов, отдал и ушёл, не оглядываясь.

Бабка Рая, не веря своему счастью, закатила дома такой пир, что дед Иван, подрабатывающий ещё на производстве, глазам своим не поверил, вернувшись в конце дня с работы и увидев ломящийся от яств стол. Красную икру и “Ржаную” водку дед бы ещё стерпел, но при виде экзотических фруктов, копчёной сёмги и перепелиных яиц дед чуть было не помутился разумом:

— Ты что, старая, сдурела совсем? Да где это я золотую рыбку-то ловил? Да ты... Да я... — задыхался от возмущения дед.

Он вылил бабке на голову “Ржаную” водку, размазал красной икрой все её старческие морщины, прежде чем расслышал её агонирующее признание, что деньги эти даровые. Но было уже поздно. Старший внук в суматохе вместо “03” набрал “01” и, жалобно возопив: “Приезжайте!” — назвал адрес. Через две минуты под окнами бабки Раи выли сиренами две пожарные машины. Бабка, забыв про агонию, быстро всё сообразила и, кинувшись к заветному чулку, достала сто долларов.

В это время Антон Палыч возвращался домой.

— Что это у нас пожарные машины воют тут? — бросил он с порога жене Галине, — пожар, что ли, у кого? С утра эта бабка Рая все нервы вымотала, пришлось ей сто долларов заплатить, чтоб она замолчала.

— Да ты что, Антон, как ребенок, ей-Богу! Нищие они, что ли? Да у них с дедом пенсия — вместе сложить — больше, чем твой бизнес тебе за месяц приносит!

— Не может быть! — Антон Палыч от удивления даже присел, где стоял. — Это как, бабка меня обвела, получается, как мальчишку чумазого?

— А то! Газет не читаешь, о пенсиях понятия не имеешь.

Антон Палыч, отказавшись от ужина, перерыл кипу газет, под руку ему попались экземпляры с фотоснимками известных личностей. Он, недолго думая, прикрепил их к стене кусочками скотча, и, набрав полную чашку спелых вишен, стал смачно жевать и плевать косточками: сначала в министра труда и социальной защиты, затем в местного депутата Ложенкова, два года обещающего ему запустить лифт в подъезде.

— В младенчество впал, — забеспокоилась Галина, — из-за ста долларов...

— Убью! — нерешительно произнёс Антон Палыч, достал из шкафа топор и направился к двери.

— Раскольников, тоже мне! Стой! Куда?

— Убью бабку эту, достала она меня!

Галина бежала за мужем, а навстречу им поднимались бабка Рая с дедом Иваном.

— Никак Антон Палыч дерево хотят срубить у себя под окном? А то ить оно им в окно бьёт и спать мешает, — скривилась в ехидной улыбке бабка Рая, — а мы от с дедом к вам на чашку чая идём напроситься, неужто не пустите стариков-то?

За чашкой чая бабка Рая вернула Антону Палычу сто долларов, пошутила, мол. Антон Палыч долго отказывался, потом на радостях достал из бара “Ржаную” водку и стал угощать стариков, потом ещё одну и ещё. После третьей бабка уговорила бизнесмена оплатить неустойку пожарной части за ложный вызов, на что Антон Палыч, раздобрев, пообещал всё уладить.

Утром, потягиваясь в сладкой истоме, в надежде поспать часок-другой, Антон Палыч услышал с улицы знакомый громкий голос, будивший всю округу:

— Ны ходи туда, иды сюда! Иды сюда, ны ходи туда!

На кухне работал кондиционер, в комнате жужжал вентилятор, и никакие сквозняки не спасали...

**г. Рудный
Костанайской области.**

Раиса РЯБЦОВСКАЯ

Юность

Поэма о любви

I

Воспоминания,
Настолько сокровенные,
Что даже, не начав ещё,
Писать о них,
Испытываешь трепет
Священный, может —
Слишком громко.

Ну, пусть тогда — душевный.
Не важно это.
Важно состояние,
Ведь это — Юность,
Дыхание её эмоций —
О, сколько неподдельных!
Они так озарят воспоминания
И те события,
Давнишние и хрупкие,
Какими были сами.
Но их воспринимаешь
С новой, мощной,
Зрелой силой,
И как они, по-прежнему,
Тревожат!
И внешне, может быть,
Спокойный, тихий,
И ненавязчивый, но всё ж —
Экстаз тебя охватит,
Который порождается лишь тем,
Что столько явным,
Как нам казалось, было.
Но не свершилось!
По тем или иным причинам.
Имеет ли теперь значение!?
Должно было произойти,
Но не произошло.
Однако всегда мучительно,
Когда мы жизнь вдыхаем в то,
Что столько сокровенным было!
Мы в лагере работали,
На Иссък-Куле, и было нам —
Семнадцать,
Кому — шестнадцать лет.
Но в летние каникулы,
Трудились все охотно.
А этот юный бог,
Был нашим физруком.

Действительно был молодым,
Столь привлекательным и стройным,
А бог... Не знаю,
Тогда, конечно же,
Я только так и думала.
Сейчас!? Ну пусть уже
Останется определение,
Романтикам такое свойственно:
Те многое обожествляют...
К тому же, кому это мешает?
Зато так поэтичней вроде.
И нежней, вот это — точно.
Я только что вступала в жизнь,
Как говорится.
На всё смотрела широко
Раскрытыми глазами,
С каким-то бесконечным
Обожанием
Своим бездонным взглядом...
А почему я говорю об этом, —
Однажды у подруги
Я увидела своё лицо
На фотографии тех лет,
Которой у меня не сохранилось.
Сама я поразилась
Своим же собственным глазам,
В особенности — взгляду
В то удивительное лето...
Полное волнений,
Таких загадочных, глубинных,
Долгосрочных...
И моя радость оттого,
Что именно такими —
Восторженными, ясными!
Я на него смотрела...
Он, точно, отражался в них,
Теперь я это вижу!
Не стану я в подробности
Вдаваться, поскольку в юности
У всех — большие чувства
И возможности.
Лишь самое существенное
Вспомню.
Однажды мы по берегу гуляли,
Единственная вместе с ним
Была у нас прогулка.
Поздней, я много думала,
Ведь всё-таки, он обратил же
На меня внимание!
Хотя столичные девчонки
Прелестней, может быть:
Они резвились ярче.

Мы шли по берегу,
И озеро вечернее плескалось
Тихо и таинственно,
Едва шурша наплывами...
Он был немного старше:
Года двадцать три или четыре.
Портрет словесный:
Рано повзрослевший взгляд
Серьёзных светлых ироничных глаз
И тонкие черты лица,
А в целом — волевая внешность,
Хотя и молодого, но уже —
Мужчины!
Конечно, для меня
Красивей парня не было!
И имя нам в диковинку —
Арнольд Семёнович...
Мы звали его — Арик.
Я на него смотрела глазами
Первой страстной нежности.
А как тогда мы расцветить
Стараемся,
Чем можно, приукрасить
Источник наших грёз,
Предмет наших мечтаний!
Хотя и без того
Он был высоким, стройным,
И замечательно спортивным
Парнем. Упругая походка
Вкрадчивой и молодой пантеры.
И брюки — идеально глажены.
В нём это — отличительно,
Он был всех аккуратней.
Всего один лишь раз
Мне довелось
Войти в его палатку,
И то по делу, по поручению.
Но с чувствами и с трепетом,
С которыми поздней,
В поездках, входила я
В священные места
И златоглавые соборы...
Всё у него было повешено
На плечики,
Пусть самодельные,
Но все рубашки, брюки —
В порядке идеальном,
Несмотря на лето,
Когда расслабиться немного —
Допустимо.
Деталь такая
Мне сразу бросилась в глаза,

Поскольку аккуратность
Для меня самой
Была мерилom с детства.
В таком настрое
Меня воспитывали дома.
Он был постарше,
Уже учился в институте,
А я же, только — в школе.
Увы! Я целый год теряла,
Как многие, в те два иль три
Нелепых выпуска
Одиннадцатилетки.
Мы шли по берегу
Чудесного из чудных —
Иссык-Куля!
О чём-то говорили оживлённо,
Спорили, смеялись, просто шли...
Я — чуть впереди,
А он — поодаль.
Я приостановилась,
Он незаметно подошёл
И голову мне на плечо
Склонил.
Едва коснувшись рук моих
Тёплыми ладонями...
Как я тогда вскипела!
— Вы как себя ведёте?!
Я разве повод подавала вам
Так себя вести?
Какие вольности
Себе вы позволяете?..
Он неожиданно спросил:
— Какие?
— Ну, знаете ли...
И всё в таком же духе...
Строгость воспитания, точней —
Суровая муштра родителей,
И правила: “Что неприлично девушке”
Меня сопровождали постоянно.
Ведь я была “ужасно правильной”
Без отклонений, тем более — лирических!
— Эх, ты, — сказал он удивлённо, —
Да ты ещё совсем ребёнок!?
Вот подрастёшь немного, на всё
Совсем иначе станешь ты смотреть...
— Нет, никогда! Я никогда
Не позволяла, и впредь не собираюсь,
Обнять себя и уже — в первый вечер!
И мы поссорились.
Поскольку он
Не стал меня удерживать,
Я убежала.

А он? Он перестал
Вниманье обращать
На юную горячку.
И начались мои мучения,
Такие страшные, жестокие
Мученья сердца...
Хоть, впрочем, как у всех
Романтиков-максималистов.
И я, намеренно, обычные слова
Здесь применяю.
О, мне лишь оставалось
Следить за ним издалека
Глазами юного,
Но подающего надежды щенка
Овчарки пограничной,
Медалистки...
Мы редко теперь виделись,
Как мне казалось, он даже
Не реагировал на моё присутствие:
Девчонок сладкий рой
С повышенной готовностью
Охотно вился рядом...
Однако в день Нептуна,
Когда нас всех хватала
И бросала в воду,
Я вырвалась и побежала,
Как Юность быстро бегать может!
Да если спесь — в придачу,
Себя что выдаёт обычно
За гордость и достоинство.
Я бежала быстро,
Как только сил хватало.
Арнольд — намного выше,
Поэтому почти что настигал...
К несчастью, я не видела
Заборчик, его осока скрыла,
И шваркнулась с размаху
О песок.
Через одну секунду
Он грохнулся вослед,
И прямо — на меня,
Но он — спортивней,
Он руки, видимо, успел
В паденье — выбросить.
Мы еле отдышались,
Затем я “выползла” из-под него
И мы, в большом смущеньи,
Сели рядом.
А моё колено прямо на глазах,
Превращаясь в синюю подушку
От удара, распухло и болело.
— Ах, бедняжка, — сказал он сокрушённо, —

Как у тебя коленка вспухла!
Давай, я отнесу тебя!
Опомниться я не успела,
Как он внезапно подхватил
Меня на руки!
На несколько секунд
Я инстинктивно
Обняла его за шею,
Мгновенно позабыла
Обо всём на свете!
И не было той травмы слаще!
Но лишь мгновенья
Сладкими бывают, не часы!
Я резко соскользнула
Вдоль него на землю
И сказала, снова отстранённо:
— Спасибо, я дойду сама.
И поковыляла к корпусу.
Не обернулась.
Хотя я точно знала,
Что он — стоял
И вслед смотрел — строптивой!
Я не могла ему простить
Обиды: безразличия его
Все эти дни.
Затем, примерно за неделю
До банкета
По поводу закрытия сезона
Мы увиделись опять,
Как я тогда жалела,
Что была с ним — резкой,
И в десять раз сильнее страдала,
Когда он лишь кивнул,
И, проходя, спросил:
— Ну как твоя коленка?
Ответа не дождавшись,
Прошёл упруго мимо.
Я так ждала вниманья,
Но тщетно, бесполезно!
О, милая моя, пусть и
Неразделённая Любовь!
Такое испытанье,
Такая боль и сладость!

II

Какие на банкет надежды
Возлагала! Я думала,
Надеялась, что мы помиримся.
Поклонником абсурда сказано:
“На миру и смерть — красна”.
А здесь решили,
Кому всё это в голову пришло?

Хоть часто это в юности бывает,
Что абсурдность — интересной кажется.
Додумались, чтоб веселее было,
И пития поскольку было мало,
Сразу “ёрш” решили заготовить,
И разлить по кружкам.
Всем — одинаково, по целой кружке!
Смешали водку мы с бурдой какой-то,
Красной и поганой...
Я думала о содержимом кружки,
Когда его подали:
“Вот выпью и смелее стану”.
Я помню, первую из всех девчонок
Он пригласил меня на танец,
На зависть остальным!
Но я уже как ватная была
От этого “ерша”, от этой жуткой дряни,
Я даже рук его не ощущала,
Все чувства притупились,
И радость, и волнение угасли.
Зато была, как все — не белая ворона!
Я только помню, как себе сказала,
Сразу после танца, пока ещё
Держалась на ногах:
“Послушай, встань и постарайся
Дойти до двери прямо, не шатаясь!”.
Я так и сделала, хотя была слаба,
Поскольку никогда к спиртному
Не имела страсти.
Я плелась к палаткам,
Лаская стену
Вновь покрашенной столовой
То правою, то левою рукой.
Попеременно...
О смелости не шло уже и речи.
Мне было плохо.
Не помню, как умылась
Рукою непослушной из колонки.
Проклятый алкоголь с тех пор
Я ненавижу. О, он горазд в одном:
К состоянью тупости приводит,
Безразличию и ватной дури.
Так все мои надежды
На последний вечер,
Как брызги водопада,
Сверкая и искрясь,
Слетели вниз
И превратились в воду.
Утром я увидела,
Что укрыта одеялом,
И сильно удивилась,
Кто это сделать мог?

Поскольку вечером
Была я “в стельку”
И не была способна
На столько сложную манипуляцию:
Взять одеяло на чужой кровати
И укрыться им.
Мне было страшно плохо,
Я — отравилась,
И долго пребывала за палаткой,
Где так меня истошно “полоскало”...
Спросила у девчонок, но они сказали:
— Катались в лодках мы до самого утра!
По озеру, что лунная дорожка украшала.
Меня спросив при этом:
— Ты что ушла так рано?
Как весело всем было!
Мы пели песни, классно отдохнули,
Нам всем запомнится последний вечер!
И я подумала: “А все по кружке
Выпили. Лишь я одна — слабачка!”
— Отгадай, с кем Арик наш гулял?
И сами же ответили:
— С Оксаной!
Тут на пол я взглянула:
Песчаные следы от туфель
До кровати и обратно
И, видно, остроносых,
И все, конечно, знали,
Что только у него — такие.
И все тогда решили,
Что это он меня укрыл,
Когда спала, вот этим одеялом.
И я пошла на берег,
Мне так хотелось
Скорей одной остаться
И вспомнить сон,
Чудесный сон, что снился.
Чудесный потому,
Что никогда доселе
Я не знала
Подобных ощущений,
Такое сладостное,
И в то же время
Странное влечение тела,
Впервые в жизни...
Поэтому оно — запомнилось.
Всё же воплотилась, хоть и во сне,
Мечта моя, что любит...
Он, видимо, когда спала,
Поцеловал меня...
Мужчина! И я, во сне,
Поскольку без контроля разума
Откликнулась на зов...

Впервые в жизни!
Не постыдно,
Сладко, щедро, явно...
Хотя и не проснулась,
А он — не разбудил,
Чтобы “иголки” вновь мои
Не видеть...
Не забывает женщина такое!
Ведь первое желание в жизни
Ему принадлежит!
Хотя без воплощенья.
И это тоже — помним.
Я так и не решилась
Спросить его об этом,
Я побоялась выглядеть
Смешной: песчаный след
От остроносых туфель
Улика разве это?!
Через день мы уезжали все.
И в день отъезда он всем желал
Счастливого пути, и мне —
Несчастной — тоже!
И сам того не зная,
Чего мне стоило
Прощаться с ним, быть может —
Навсегда.
Лишь сон остался,
Который может сниться
В полнолуние, в шестнадцать-
Восемнадцать лет.
Смятение и нежность,
Что-то непонятное,
Влекущее, пьянящее...
Но как облечь желание
В слова?!
Доселе неизвестный, столь новый,
Неизведанный, но столь понятный
Зов Природы.
На гул похожий, трепет тела...
Ни на кого я целый год
Из наших не смотрела,
Ни разу не взглянула.
Затем — конец учёбы, выпускной,
И — университет.
Он жил во Фрунзе,
Учился вечером, а днём
Работал на заводе.
Я целый год надеялась,
Что где-нибудь его
Случайно встречу.
Потом мне одноклассница,
Которая была тем летом в лагере,

Сказала, где именно работал он.
Она не поступила в этот год
И трудилась на этом же заводе.
Но я её просила, почему-то,
При нём не вспоминать меня.
Он спрашивал, но тоже —
Очень редко.
Неудивительно, откуда
Было знать ему,
Что тот смешной щенок,
С которым познакомился случайно
В лагере, уже был в силе
Чувства подавлять в себе безбожно
И даже виду — не показывать!
О! Первая Любовь моя!
Когда я это говорю себе,
Не знаю, почему,
В носу немного шиплет
И слёзы подступают невзначай...
Ещё бы! Года два
Целую неделю
Исправно я училась,
Но каждую субботу
Ходила на “централку”,
Что “бродом” называлась нами,
С единственной надеждой,
Чтобы его там встретить.
В субботу, воскресенье
Вся молодёжь, и “денди” в том числе,
На “брод” все выходили,
На улицу “Партсъезда”.
Туда все устремлялись
В выходной.
И мы с подружкой
Каждую субботу
В одно и то же время
От магазина шли до “Ала-Тоо”,
Чтобы его там встретить — “невзначай”!
И, даже не взглянув, не поздоровавшись,
Пройти скорее мимо.
А позже усмирять на лавке
Биенье сердце. Утишать его,
Что выскочить при встрече с ним
Готово!
Он шёл всегда стремительно,
Когда один.
А если шёл с друзьями —
Беспечно, беззаботно хохоча;
То громко говоря,
Жестикулируя...
Я так его любила,
И взглядом, полным обожания,

Смотрела ему вслед,
Когда он исчезал в толпе,
И плакала в душе
От недопонимания...
Как здорово нам было бы
Таковыми упоительными вечерами
Идти, как прежде, рядом!
Гораздо лучше, чем на Иссык-Куле,
Ведь я — взрослее, интересней стала.
К тому же, мы сравнялись:
Я уже училась на престижном факультете
Университета.
Я после каждой встречи думала:
“Ну что мне стоило остановиться
И заговорить? Вспомнить лагерь
И что-нибудь из летней жизни...
Ведь знаем же друг друга,
Почти друзьями были,
Знакомыми — во всяком случае”.
Но — никогда! И ни одной попытки
Я не сделала. Пойти ему навстречу!
Уж очень гордость основательно
“Вдолбили” в меня дома.
Как можно подойти?! И первой!?
К тому же — я так его любила,
Что слова вымолвить бы
Не решилась наяву.
Меня поймёт лишь тот,
Кто в юности, почти что ежедневно,
Бегал посмотреть калитку,
Ручку на двери,
К которой прикасалась
Любимая рука поутру...

III

На новогодний вечер,
Что проходил у них,
Меня Татьяна пригласила.
И я, красивая и тонкая,
В нарядном платье,
Как страстный шелест листьев,
Дрожала от волнения
При встрече с ним,
Хоть он едва кивнул,
Он был с подругой.
Красивый, эlegantный
И... любимый!
Но всё ж опять
Он пригласил меня на танец.
Что чувствовала я при этом?
Слова, ей-ей, бессильны!
Опять же, только опыт

Даёт вам представленье.
Во время танца
Он тряс меня за плечи:
— Ты почему зажата, молчалива?
Что же происходит? Или ты не рада
Нашей встрече? Ты не рада мне?!

Он задавал вопросы, тряс меня,
Я — всё равно молчала.
Я ж не могла ему сказать:
— Люблю Вас потому что,
И в этом — вся причина!
— Скажи мне, что с тобой?
Ты никогда меня не понимала!!!
Так бессердечно брошены слова!
И, словно приговор, так бесконечно
Ранят!

Но я только так
Тогда любить умела.
Я не могла в любовь тогда играть,
Кокетничая, улыбаться,
Тем более — лукавить,
Что свойственно, конечно,
Зрелой женщине.
Хотя в любые времена
Безмолвие в любви не менее понятно,
Чем слова, для тонкой интуиции —
Второго. И к тому же —
Понять другого — проще, чем — любить!
Мне надо было
Либо всё ему сказать,
Чтобы расслабиться,
Или же — ничего!
А всё сказать — открыться!
Что значит такой шаг,
Понятно каждому,
Возможно ли такое
В девятнадцать лет?!

Ведь он же меня тоже видел,
И не раз. Но тоже — проходил...
Уж лучше — умереть, как говорится,
Но, упаси Господь, хоть чем-то
Себя выдать.
Французы говорят:
“У меня — большое сердце”,
Что в переводе означает
Столь полное печали,
Чувства, страха...
Вот именно таким оно и было
У меня в тот вечер...
Он снова тряс меня за плечи,
Чего-то добивался,
Говорил и спрашивал...

А я... опять молчала...
Наверно, потому,
Что слишком долго
Я жила нами обоими.
Чтобы вот так, внезапно,
Поделиться с ним.
Я слишком вознесла его,
Перестав при этом воспринимать
Его земное воплощенье,
Могла ли я довериться ему?!
Но с вечера он проводил
Нас с Таней.
Ну, почему мне, дуре,
Не сказать, не предложить:
— Давайте к нам зайдём,
Я рядом здесь живу,
Отменный, милый дом
У тётушки моей...
И Новый год к тому же!
Иль что-то в этом духе.
Нет, снова словно
В рот воды набрала.
Найти б какой-то повод,
Нет, снова — промолчала!
И встреча эта
Была последней каплей
В моих мечтах,
И так заполненных до края
Только им.
А он нас проводил,
Спокойной ночи пожелал,
И на такси уехал...
Ну, разве не обидно?!
Ну, разве не печально?!
Он так и не узнал
И никогда, быть может,
Не узнает,
В чём была причина
Столь стойкого молчания моего.
С другими же парнями
Из университета, сокурсниками,
Да и в самой “общаге”
Обычно я была активной и весёлой,
Заводилой и душой
Любой компании,
И многие из них
Меня любили тайно,
Хотя я это знала...
Но я — ждала его! Ему предназначалось
Чувство первое, стойкое и неизбывное...
А он считал, что я всего лишь
Не способна — понять его.

Какое заблужденье!
О! Как бы я хотела,
Чтоб хоть когда-нибудь
Ему попались на глаза
Вот эти строки,
И он бы всё узнал!
Ведь Иссык-Куль, и лагерь,
И летние события все — подлинны.
И имя его — подлинно!
И, может быть, такая же
Пресветлая печаль,
Щемлящая, волнующая грусть
Наполнила б его
Воспоминанья, как мои...
Но что теперь об этом?
Зато сама я, всякий раз,
Как только это вспомню,
О! словно бы вчера всё это было!
И что-то сокровенное,
Бесценно-дорогое,
Коснётся сердца вновь
И душу согревает,
Подобно огоньку
В дождливый, неуютный вечер...
Потом, ещё с полгода,
Опять я, словно маятник
Часов старинных, тех,
Что влюблённым отмеряют срок,
К исходной точке,
На “Партсъезд” стремилась,
Чтоб по тому ж сценарию
Всё повторить сначала...
И, как аккорд последний,
Моя с ним встреча
В “Чернышевке”,
Я часто занималась там
В читальном зале.
Зимой уже то было,
Спустилась вниз,
Чтобы идти домой.
Надела шубу и — перед зеркалом
Я поправляла шарф и шапку,
Вдруг, в зеркале, увидела его!
Он тоже в зеркало смотрел!
И — только на меня!
Заметно было, как он удивился!
Смотрел — не отрываясь.
Возможно, что-то чувствовал
Во мне такое, что он желал бы
Прочитать и до конца понять...
И я, в ответ, те несколько мгновений
Не отводила глаз, и потому лишь,
Что не прямо на него глядела.

Я голову не опустила
И взгляд не отвела,
Я просто — не успела,
И, значит, ничего
Я не сумела скрыть:
Смотрела на него
Огромными и светлыми глазами!
Он, видимо, впервые — истинность
В глазах моих увидел,
И всё, что было в них,
Быть может, прочитал.
И разгадал тогда моё молчанье!
Но это длилось миг, хотя
Бывает иногда, что в миг один
Нас настигает пониманье,
Как искра, как толчок, как — озаренье...
Я развернулась, взяла портфель
И снова, молча, вышла
Из библиотеки.
И из его Судьбы!
Я более его не видела.
Здесь снова притча властвует,
Впервые она, ещё в студенчестве,
Мне душу потрясла.
Я не ручаюсь за точность изложения,
Но смысл её такой: разгневался
Господь
Однажды за что-то на людей
И грозно им изрёк: “Я разделю вас
И по свету разбросаю.
И, может быть,
Какие-то из вас всю жизнь
Будут искать вторую половинку.
При встречах будет вам казаться,
Что именно вот этот человек, он —
И никто другой, и есть —
Вторая половина, лишь он
В состоянии дополнить вас...
Но что-то обязательно случится,
И снова вы расстанетесь.
Возобновите поиски...
Да, будут встречи, но — короткие.
Да будет вечно так!”
Исполнил Он
Жестокую свою угрозу.
Как исполняет всё, что обещал!
Так, видимо, угодно было Богу,
Чтобы поэма эта родилась,
Не дал мне счастья с ним.
Скорбим только о том,
Что свято было...

г. Актау.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-12 за 2009 г. и в № № 1, 2 за 2010 г.)

1 апреля**1994 года**

День смеха... А жизнь даёт как никогда много поводов для веселья наоборот. Предлагают бумагу — по 19 тысяч тенге за тонну. Вагон будет стоить 800 тысяч, его нам хватит на пять-шесть недель. А дальше — живи как хочешь. Запаса бумаги нет, денег на счету всего 400 тысяч, т. е. только на полвагона, а надо ещё рассчитывать с типографией, платить людям зарплату, налоги государству и т. д. и т. п.

Ходил в обладминистрацию, кланчил денег, хотя бы в долг... Обещали помочь, но эта чиновничья машина так медленно вертится...

Стали обмениваться номерами с южноказахстанской областной газетой. На днях получил оттуда очередную пачку. Выходят они два раза в неделю форматом и объёмом районки. Это один полноценный номер в неделю в отличие от двух с половиной-трёх номеров наших. Я не обольщаюсь насчёт сегодняшнего содержания “ЗП”, но чимкентцы, похоже, утратили всякое чувство меры, живописуя неустанную деятельность главы местной обладминистрации. В номере за 16 марта вся первая страница — пять материалов — заполнена сообщениями о совещаниях, встречах, поездках главы (это слово во всех случаях пишется с большой буквы), включая его пребывание в городском зоопарке.

Звучат голоса о необходимости усиления исполнительной власти. Да она у нас в Казахстане и так беспредельна и давно никем не контролируема. Разве что президент иногда разгневается... При этом президентское окружение всё чаще намекает на возможность перехода к авторитарному правлению. Недавно вице-премьер А. А. Жабалин публично заявил, что диктатура — это обычное дело при переходе от тоталитаризма к демократии. Так, мол, было и в Чили, и в других странах. Звучало нечто подобное и из уст нашего президента — когда в качестве примера фигурировал Пиночет... Не думаю, что президенту не хватает сегодня полномочий при полном отсутствии мало-мальски организованной оппозиции и ярких личностей в его собственном окружении. Стоило ему не так давно лишь пальцем пошевелить — и не стало не только Советов, но и прежнего Верховного Совета, добровольно-принудительно самораспустившихся до истечения срока их полномочий. Где гарантия, что подобная участь не ожидает и вновь избранный парламент?

Диалог в “АБВ” двух бывших депутатов Верховного Совета из числа “независимых” — В. Воронова и Е. Ертысбаева. Первый — молодой политик, юрист-правовед, второй — лидер социалистической партии. Обоих “отстреляли”, как они говорят, на недавних выборах, не без участия “верхов”. Оба скептически

оценивают дееспособность избранного парламента, пророчат ему недолгое будущее и бесславную кончину.

В. Воронов (между прочим, нештатный советник Н. А. Назарбаева) и вовсе заявил: Н. А. никогда не станет ни демократом, ни рыночником, он был и остаётся первым секретарём ЦК Компартии...

Наверное, ещё в большей степени таковыми были и остаются его коллеги-президенты С. Ниязов, И. Каримов, Г. Алиев...

Плохо сплю... Сны всё чаще — туманные, тревожные. Вчера приснилось — ходил в “Правду”. Какой-то большой тёмный склад, а при нём несколько комнат, где и работает весьма немногочисленный отряд “правдивистов”, включая редактора. Всюду царит обстановка некоей мрачной решимости...

Я намереваюсь дать им статью о судьбе местной прессы, которой, впрочем, ещё нет.. Они не выгоняют меня, но и не особенно привечают. Им просто не до меня...

Неподалёку от входа в склад стоит ротационная машина. Вдруг она заработала — сразу тремя линиями, причём из крайних идёт “Правда”, а из центральной — “Труд”.

Вообще же говоря, “Правда” уже довольно долгое время не выходит: там какая-то затянувшаяся тяжба с греческим партнёром — владельцем газеты. Не доходит к нам теперь и “Комсомолка”.

2 апреля

Угольщики Экибастуза провели вчера суточную предупредительную забастовку. Проходила она своеобразно: все были на своих местах, работали, добывали уголь. Но не отгружали его. В адрес президента и премьер-министра отправлены телеграммы с требованием индексации зарплаты, уменьшения налогов, контроля за ценами.

Требование бастующих поддержал коллектив “Экибастузшахтостроя”. Шахтёры Караганды заявили о моральной поддержке экибастузцев и готовности помочь им материально.

Тем временем правительство отпустило цены на энергоресурсы (это называется теперь либерализацией), что повлечёт за собой новое взвинчивание цен абсолютно на всё. Правда, объявлено и о том, что тарифы на отдельные виды услуг (электроэнергию, газ для бытовых нужд и т. д.) будут регулироваться.

А в мире цены на сырую нефть продолжают падать. Стоимость барреля составляет теперь 13 долларов 25 центов, на 91 цент ниже, чем была на предыдущих биржевых торгах. Кстати, я до сих пор не знаю: баррель — это сколько?

Недавно в Павлодаре прошли очередные торги по продаже госсобственности. Магазин на улице Короленко площадью 172 квадратных метра (примерно две мои четырёхкомнатные квартиры) был продан за 350 тысяч тенге — в двадцать с лишним раз дороже начальной цены. А райбыткомбинат в селе Павлодарском (306 квадратных метров) за миллион тенге при первоначальной стоимости в 16 тысяч. За этот объект боролись четыре (!) претендента. Победил владелец некоей фирмы “Кайрат”. Когда журналисты стали спрашивать его — зачем он вбухал в этот объект с весьма сомнительными перспективами его дальнейшего использования такие деньги — услышали в ответ: “Я сам с этого края. Здесь жили мой дед и отец. Они здесь только жили, а я вот.. Понимаете?”. Так что у богатых и вправду свои причуды...

Два любопытных материала в сегодняшнем номере...

В области впервые побывал посол Франции в Казахстане. На одном из предприятый, которые он посещал, ему подарили... унты, которым он обрадовался,

как ребёнок. Говорит, никогда ничего подобного в жизни не видел... В качестве ответного подарка пообещал показ двух хороших французских фильмов — “Стреляйте в пианиста” и “Мужчина, который любил женщин”. Надо будет сходить.

Второй материал о том, что в Павлодарском аэропорту впервые совершил посадку грузовой самолёт “Ан-124” “Руслан”. Это был спецрейс с грузом для Ермаковского завода ферросплавов.

Боялись — не выдержит взлётно-посадочная полоса (даже после её недавнего усиления), что этому супергиганту не хватит её длины...

Ольга Воронько, встречавшая самолёт и даже забравшаяся внутрь его, пишет: взлётный вес “Руслана” — 392 тонны (у “Як-40” — 12 тонн), только сам самолёт весит 183 тонны, да почти 120 — груз... Вообще, моему уму непостижимо: как это возможно, чтобы взлетела, летела тысячи километров и садилась такая махина.

Ещё узнал из своей газеты: оказывается, иртышская вода, которую мы пьём, — ультрапресная, в ней недостаёт до нормы ряда необходимых человеческому организму компонентов. И все они (эти компоненты) есть в минеральной воде (хлоридно-сульфатно-натриевого состава — типа феодосийской), разведанной нашими гидрогеологами в посёлке Жетекши под Павлодаром. Они, кстати, уже и скважину пробурили, а рядом — железнодорожный тупик, линия электропередачи, водопровод — то есть качай эту самую живую воду (400 кубометров в сутки!) и отдавай за копейки в торговлю... Увы, не находится желающих. А другие уже разведанные запасы минеральных вод (той же “Павлодарской”, популярной в Казахстане) сплошь и рядом используются для технических целей. Бред? Нет, реальность! Или вот ещё: более 30 лет изливаются (то есть просто льются на землю, без всякой пользы) уникальные бромные воды из скважины, пробуренной близ совхоза “Кызылкураминский” Майского района. А тысячи людей тем временем едут на эти самые воды из области за тридевять земель...

Воистину не потому ли бедны сегодня, что безмерно богаты, но не можем дать ума своему богатству.

3 апреля

Шли утром с Ольгой на работу, и нас подвёз В. И. Бойко на “рафике”. Когда-то он работал в редакции водителем, и я с ним в командировках немало покочесил по области.

— Поздравьте, скоро уезжаю, — похвалился Василий Иванович.

— Куда?

— В Германию, уже документы подали.

— Какие документы, — удивился я, — ты же хохол?

— Зато жена у меня немка...

... Такое ощущение, что уехали, уезжают или собираются уехать все, у кого есть для этого хоть какая-то возможность...

Кстати, о Германии. Мой нынешний шофёр Саша Лоренц угостил на днях нашего Пашку конфетами и шоколадом из полученной их семейством посылки из Германии. Надо было видеть Пашкины глаза, когда он всё это сладкое “роскошество” рассматривал и делил на всех... Прячет свою долю в бабушкином шифоньере — самом надёжном месте...

Вот во что нас и наших детей превращают вчерашние и сегодняшние реформаторы...

Думал недавно: уже третье поколение нашей (да и не только нашей) семьи попадает в разлом истории. Бабушкино — революция, гражданская война, коллективизация — со всеми их трагическими последствиями; отцовское

и материню — война, изломавшая первому психику, а вторую лишившая юности, не давшая выучиться, выстроить более благополучную жизнь... Казалось, нам с братьями и сестрой повезло куда больше: мы росли в иных условиях и сумели уже как-то определиться в жизни... Но и мы попали в очередной разлом — на этот раз между социализмом и капитализмом... И я в эту новую жизнь пока что никак не вписываюсь, испытываю постоянное ощущение дискомфорта, потери жизненных ориентиров, устойчивой системы координат... Всего того, без чего жить очень трудно.

И дело даже не в нашей сегодняшней бедности (мы зарабатываем лишь на пропитание да на самое необходимое из вещей), а в том, что утрачивается чувство некоей жизненной перспективы, желание что-то предпринимать (что ни делай — изменить ничего не удаётся)... Вижу, как некоторые из знакомых устраивают жизнь: приворочивают, приторговывают, строят дома, покупают машины... Происходят глобальный раздел собственности, имущественное расслоение, при котором десятки и сотни чудовищно обогащаются, а миллионы нищают. Я не могу себя считать нищим, но кроме квартиры да 200 дойчмарок в заначке ничего больше не имею. Что детям оставлю? Честное имя? Но кому оно сегодня нужно, это честное имя?

Юбилейный вечер М. Жванецкого по российскому ТВ. Всё было обставлено с невероятной пышностью: столики с выпивкой и закусками, весь политический, артистический и телевизионный бомонд... Приветственные речи — министра иностранных дел (!?), мэра Москвы, личного представителя мэра Санкт-Петербурга и прочая, прочая, прочая... Подарок юбиляру от спонсоров — американский джип...

Жванецкий, конечно, талантливый человек... Но глядя на эту ярмарку тщеславия, никак не мог избавиться от ощущения избыточности всего происходящего, утраты элементарного чувства меры... Юбиляр — национальный герой и гений, никак не меньше...

Потратили бы деньги, что ушли на эту великосветскую тусовку, на поддержку талантливых учёных, артистов, писателей, которые сегодня не в состоянии сводить концы с концами... Ведь и общество многое теряет, лишаясь их открытий, голосов, произведений... Но — говорит моя мать: у денег глаз нет, имея в виду то, что те, у кого их без меры, никогда не задумываются о столь высоких материях...

5 апреля

Очередной рекорд в Экибастузе. Здесь чествовали бригаду Анатолия Шишлова с разреза “Богатырь”. Коллектив его роторного экскаватора-гиганта величиной с многоэтажный дом (РШРД-5000, способен добывать пять тысяч тонн угля в час) добыл за 18 лет и 22 дня (с 1976 года) 100 миллионов тонн угля. Это больше, чем максимально добывалось во всём Экибастузе (и Майкубене) в год (в 1990 году — примерно 90 миллионов тонн). Два с лишним десятка тепловых электростанций способны работать на этих ста миллионах тонн свыше года.

Всё же наш угольный Экибастуз — это нечто совершенно фантастическое!

Вышел первый номер “славянской народной газеты для всех” — “Лад”. Учредило её акмолинское областное славянское общество “Лад”.

На грани останковки Павлодарский алюминиевый завод, ещё недавно громко именуемый флагманом цветной металлургии не только Казахстана, но и СССР... Оборудование предприятия — в полном порядке, и люди работают... Беда

в другом — экономическом хаосе, в воронку которого засасывает и этот, всегда работавший как часы, завод... Ему не хватает сырья — кальцинированной соды и известняка. Первую ему поставляет Ачинский глинозёмный завод, который сократил её выпуск на 70 процентов. В последнее время проблемой стала и добыча известняка на Керегетасском руднике, что под Майкаином. Месяцами не получая денег, люди здесь отказываются работать. Алюминщики стали посылать сюда своих рабочих, однако они с добычей не справляются, потому что не специалисты... Есть возможность брать известняк в Карагандинской области, но там за него просят вдвое дороже, и впятеро выше будут транспортные расходы.

Сырья осталось на неделю работы завода — и то по сокращённой программе. Проблема же ещё и в том, что, всегда работавший с прибылью, завод сегодня на финансовой мели. Столкнувшись с проблемой реализации глинозёма, заводчане связались с некоей посреднической фирмой, которая, взяв продукции на 14 миллионов долларов, уже два месяца за неё не рассчитывается. Получается заколдованный круг...

Вдобавок ко всему возникает проблема с основным сырьём — бокситами. Казахские месторождения и раньше покрывали потребности завода лишь на 80 процентов, остальную часть закупали в Бразилии (!) и в Австралии (!). Эти бокситы ценой в 12 долларов за тонну попадали в Павлодар через один из украинских морских портов, после чего их стоимость выростала до 75 долларов за тонну. Теперь, когда Украина стала суверенным государством, она, естественно, резко увеличивает стоимость перевалки, значительно подорожали и железнодорожные перевозки...

Руководство завода шлёт письма и телеграммы во все инстанции, но много ли от них сегодня проку?

Съезд ЛДПР предоставил “неограниченные полномочия” председателю партии В.В. Жириновскому, единогласно продлив его полномочия (без переизбрания) до апреля 2004 года.

А в Краснодарском крае местная администрация ввела визовый режим для всех прибывающих из республик бывшего СССР. Они могут приехать сюда только по приглашениям, а нарушителей визового режима могут теперь задержать на срок до 30 суток.

Вот и думай теперь, кто более экстравагантен в своих поступках — незаменимый лидер ЛДПР или глава администрации Краснодарского края? Или, как говорят в подобных случаях, оба хуже?

Ольга Воронько отыскала в Качирах интересных людей: Николай Иванович Косяков — церковный староста и его жена Александра Андреевна Свинухова — первая помощница — собираются построить здесь православный храм. Кое-что им уже удалось сделать.

Косяков много лет болел, подолгу лежал в больнице и убеждён, что на ноги его поставили молитвы некоей старушки из Экибастуза. Исцелившись, решил посвятить всю свою жизнь Богу. В Ермаке под его началом был куплен дом и перестроен под церковь, расписаны купола, установлены звонницы, открыты гостиница и столярная мастерская при церкви...

На все эти дела, в том числе и на переезд в Качиры, Косяков получил благословение владыки Алматинского Алексия, и за эти последние годы ни разу не болел. В Качирах уже регулярно проходят службы, на которые собирается до ста прихожан, идёт сбор средств на новый храм Трёх святителей — взамен одноимённого, разрушенного 80 лет назад. Никакой зарплаты Косяков и его жена за свои труды не получают, живут на пенсии.

А переехать в Качиры Николая Ивановича убедила группа руководителей из этого посёлка, побывавшая по своим делам в Аксу и заглянувшая в созданный его стараниями храм. После разговора с ними в раздумьях — как поступить — Косяков раскрыл Евангелие, и первыми словами, которые он прочитал, были: “Гряди за мной”. И сразу решил: это Господь его туда направляет.

Такие вот люди... Публикуем расчётный счёт, на который можно перечислять пожертвования на строительство качирского храма.

7 апреля

Публикуем изложение указа президента о ежегодном налоге на сельскохозяйственных, содержащихся в частной собственности граждан. Налог по сути копеечный: за единицу крупного рогатого скота, лошадь или верблюда — 3,5 тенге, за свинью — 1,5, за овцу или козу — 0,5 тенге в год. Но такова психология людей, что теперь они будут всеми способами укрывать свой личный скот от учёта. Не потому, что налог неподъёмный, а, скорее, ещё из боязни, что его обязательно повысят.

Российский министр по делам национальностей и региональной политике обнаружил на пресс-конференции проект соглашения евроазиатских государств, при этом подчеркнул: документ означает практическую поддержку идеи образования Союза Евразийских государств, автор которой — Н. А. Назарбаев. Наверняка у проекта найдутся и противники, и первым из них станет Украина.

Народ со страшной силой травится всякой гадостью, употребляемой вместо водки. В Самарской области погибло сразу 19 человек, ещё 45 госпитализированы. Все они воровали и пили древесный спирт из оставленной без присмотра железнодорожной цистерны. Приняли его за питьевой.

Просматривал вчера свежую почту. Письмо из Киева. Родители десятилетней девочки просят помочь... После Чернобыльской аварии у неё развился рак щитовидной железы. Девочка — гражданка суверенной Украины. Счёт, куда можно перевести деньги, рублёвый, открыт в России. А письмо-обращение просит опубликовать в Казахстане. Вот уж воистину — беда не имеет границ и не признаёт никаких суверенитетов. Взять бы тысячную долю расходов, потраченных главами народившихся как грибы после дождя суверенных государств СНГ на ритуальные мероприятия, и эту несчастную девочку (и не только её) можно было бы спасти. Но — нет: лучше Леонид Макарович Кравчук отправится в шутовском камуфляже на шутовские же войсковые учения, затеянные в “незалежной Украине”, проводимые как раз в эти дни...

В Казахстане уже несколько недель не выходит “Комсомолка” — нет бумаги в целиноградском издательстве, где она печатается. “Маяк” сообщил, что на грани остановки газета и в Москве из-за большой задолженности перед издательством. Любопытно, что в таком же положении и “Советская Россия”. Псевдориночная судьба уравнила их в правах: либерально-демократическую “КП” и консервативно-патриотическую “СР”.

Сегодня — день рождения нашей газеты. Пока ещё выживаем. Всё же купили вагон бумаги (42 тонны) за 800 тысяч тенге. Из них 300 тысяч должны вернуть

бюджету — они взяты в долг. Предлагают ещё 20 тонн бумаги, по 20 тысяч тенге за тонну. Но денег пока нет. На счету у нас всего сто тысяч. И новых поступлений ждать неоткуда: доходы от рекламы не покрывают расходов даже на бумагу, которая подорожала за год с небольшим почти в 400 раз.

Переподписку проводить нельзя: то, что нам читатели простили один раз, они больше не простят. Думаем отныне проводить подписку не на полгода, а на три месяца. Это позволит нам делать поправку на инфляцию. Хотя в таком случае подписка будет идти чуть ли не постоянно: не успели одну закончить, как уже другую начинать надо. Да и читателям это вряд ли понравится — без конца бегать на почту, и почтовики могут встать в позу — не могут же они одной нашей подпиской заниматься.

Ещё есть идея — перейти на двухразовый в неделю выпуск газеты. Какие-то деньги на почтовых расходах при этом сэконоим, но вряд ли такая “инициатива” будет поддержана в обладминистрации...

Ольга пришла вечером домой с литровой банкой сметаны: “Вот, — говорит, — зарабатывать, где только могу...”.

Оказалось: поэтесса-нештатница, у которой свой дом, небольшое хозяйство, “рассчиталась” с О. за её труды: “Вы столько времени возитесь с моими стихами, что просто неудобно... Я вчера приходила — приносила трёхлитровую банку молока, да не застала вас... Потом, думаю, — сметана лучше...”.

Семья поэтессы бурно порадовалась такой форме “цеховой” благодарности, а я посетовал:

— Как жаль, что у тебя нет таких штатников на мясокомбинате и винно-водочном заводе...

8 апреля

Был вчера на барахолке — сторговал восьмитомник М. Шолохова (1956 года издания, 90 копеек том). Хозяин просил за всё 80 тенге, сошлись на 60. Для сравнения: килограмм селедки стоит 45-50 тенге, бутылка заморского “Распутина” в коммерческом киоске — 50-55 тенге... Вот они, реалии сегодняшней жизни.

Ещё из той же серии. Недавно опубликовали объявление: “Экибастузуголь” приглашает на работу машинистов экскаватора, слесарей, путевых обходчиков. Зарплата от 1000 до 1400 тенге”. Примерно столько же зарабатывает водитель автобуса на городском маршруте. А журналист “ЗП” в лучшем случае 600-700 тенге, редактор — около тысячи...

Я как-то прикидывал: уровень моей зарплаты по её реальной покупательной стоимости едва ли соответствует моему корреспондентскому окладу с гонораром, когда я после университета начинал работать в “ЗП”.

Опять повысились цены на самолёт и на поезд. Теперь моей редакторской зарплаты только-только хватит на то, чтобы слетать в Алма-Ату и обратно, а раньше я на корреспондентскую мог слетать в Москву и обратно и ещё раз в Москву.

Объявлены подписные цены на второе полугодие: “Труд” — 108 тенге (издательская цена) плюс 210 тенге почтовые услуги; “Комсомолка”, соответственно, 96 и 210 тенге; “АиФ” (еженедельник) — 90 и 52. Наши “Казправда” и “Экспресс К” заявили издательскую цену в 36 тенге, “Советы Казахстана” — 12 тенге. Эти цены не имеют ничего общего с реальными — значит, газеты будут дотироваться. Помимо прочего, такая политика выбивает почву из-под ног у областных и районных газет — ведь бюджеты областей и районов куда скромнее.

Решили пока потянуть с объявлением подписной цены на “ЗП”...

В “АБВ” убийственная стенограмма прямого эфира — диалога мэра Алматы З. Нуркадилова с горожанами. Поразительные косноязычие, скудость мысли, чванство... Невероятное саморазоблачение... И дело тут не только в том, что мэр не слишком хорошо владеет русским языком. Это — натура такая, убежденность в собственной исключительности и непогрешимости...

9 апреля

Открываем новую рубрику — “Монологи о жизни”. Это моя идея — чтобы со страниц газеты зазвучали живые человеческие голоса... Первый материал сделала Людмила Гришина — со слов учительницы. Вот несколько фраз из него:

“Я проходила мимо коммерческого ларька. В окошке разглядела руки продавца (лица не было видно) — на фоне жвачек и шоколадок — мужские тяжёлые ручки с золотой печаткой и с тюремной замысловатой татуировкой на каждом пальце. Мне стало жутко. Эти руки показались мне символом нашего времени...”.

По данным российского министерства труда, за последние два года россияне стали почти в два раза беднее; к концу прошлого года до 40 процентов населения жили на грани или за чертой бедности. Примерно то же — и у нас в Казахстане. И в этом году ситуация не только не улучшилась, а стала ещё хуже — и у них, и у нас.

Пока продолжает разваливаться экономика — стремительно растёт свобода самовыражения, в том числе и на коммерческой основе. В ресторане “Север”, где я, кстати, ни разу не был, начала работать группа стриптиз-шоу “Жанлен” (Жанна и Лена). Три дня в неделю девицы демонстрируют часовую программу, которая начинается с танцев и заканчивается полным раздеванием. Посетители — в восторге.

Правда, за удовольствие надо платить — “погляд” обходится в сто тенге, а за ужин — плата отдельно. Сразу нашлись желающие обходиться без ужина, что не понравилось администрации ресторана, пустившей девиц под свою крышу. Теперь билеты на стриптиз-шоу продаются только тем посетителям, которые заказали ужин или поужинали раньше.

12 апреля

“Последний год совхозов” — назвал свою заметку наш экибастузский собкор П. Оноприенко. В этом году все здешние совхозы прекратят своё существование в их нынешнем виде. Все они убыточны, государство тянуть их дальше отказывается; не помогли и многочисленные вливания промышленных предприятий города, которые пытались взять тонущие совхозы под свою крышу. К тому же и сами здешние “киты” промышленности бедствуют..

Что дальше? Сейчас специальные комиссии подсчитывают стоимость основных фондов хозяйств и определяют размер имущественных паёв, полагающихся каждому работнику. Повсеместно прошли бурные сходы сельчан, которые ни за что не хотели “самораспускаться”. Стоило больших усилий убедить их в том, что никто больше не будет содержать убыточные совхозы. Каждый отныне должен спасать себя сам...

Профсоюзный актив Павлодара встречался с вновь избранными депутатами Верховного Совета. Со стороны первых это был один сплошной вопль: рост цен намного опережает рост зарплат большинства работающих. Парламентариям передан документ, содержащий традиционный перечень требований...

Тем временем отпущены цены на энергоносители — со всеми вытекающими последствиями. Энергоносители для коммунально-бытовых нужд подорожают в восемь раз, газ — в пять-шесть раз. Подорожает абсолютно всё...

Более 96 процентов казахстанцев получили приватизационные купоны. Выданы лицензии 144 инвестиционным приватизационным фондам, которые по идее должны сделать нас совладельцами (акционерами) предприятий... Остаётся дожидаться дивидендов.

Опубликовали указ президента о налогообложении доходов физических лиц. Каждый теперь обязан показывать весь свой заработок (со всеми совмещениями, побочными доходами и т.д.). Чем больше твой доход — тем выше процент отчислений от него родному государству. Вилка отчислений налога — от 10 до 49 процентов. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: все, у кого будет хоть какая-то возможность скрыть реальные размеры своего заработка, обязательно сделают это. Не много найдётся идиотов (среди хорошо зарабатывающих людей) отдавать государству половину заработанного. Мне это ясно как дважды два, интересно знать — чем думали разработчики указа?

Перечитываю “Тихий Дон” и тихо радуюсь: как хорошо, что купил восьмитомник Шолохова. “Тихий Дон” и вправду великая книга... Хорошо, что это понял даже Нобелевский комитет и при всей его нелюбви к СССР, спустя двадцать лет после выхода романа, всё же присудил автору высшую мировую литературную премию.

Удивительно образный язык, поразительное знание казачьей жизни, невероятное проникновение в человеческую душу... Может быть, впервые в русской литературе (да и не только в русской) главным действующим лицом гигантского исторического полотна стал народ — мужики и бабы со всеми их маленькими радостями и нечеловеческими горестями... Этот страшный исторический разлом, разделивший людей и абсолютно обесценивший их жизнь... Ощущение (почти физическое) вселенского хаоса, чудовищной смуты, кровавой мясорубки, пропустивших сквозь себя казачество...

Невероятно, как смог этот совсем молодой человек (первая книга “Тихого Дона” была готова, когда автору исполнилось всего 22 года) решиться на подобное и осилить эту немислимую вещь. Как вообще могла появиться в ту пору книга, в которой далеко не всегда ясно — на чьей стороне автор, описывающий зверства тех и других, чья явная симпатия проявляется лишь к судьбе простого казака, загнанного жизнью в угол и, в конечном счёте, не желающего воевать ни за красную, ни за белую идею, мечтающего как о несбыточном счастье — о простом, тяжком, но таком милом крестьянском труде.

Мне не кажется большим преувеличением версия одного из исследователей о том, что Шолохов и Сталин договорились: Сталин позволяет опубликовать “Тихий Дон” (а публикация третьего и четвёртого томов романа была приостановлена на неопределённое время) взамен на обязательство писателя взяться за роман о коллективизации. Наверное, Шолохов уже тогда понимал, какую вещь он создал, и, может быть, самым главным для него было увидеть её обнародованной...

Он на многие годы замолчал... И после “Поднятой целины”, “Судьбы человека” и нескольких глав романа о войне ничего больше не написал. Не хватило сил дописать роман о войне? Или, наоборот, хватило ума и характера не дописывать? Или молчал, таким образом протестуя против всего, что происходило вокруг.

Теперь иные говорят: хитрован был казачок, пожил в своё удовольствие... Но какими же пигмеями выглядят все те, кто пытается обвинить его в служении “красной идее”, в том, что “Тихий Дон” чуть ли не украден им, и в прочих реальных (у кого их нет) и мнимых грехах!

Велик и недосыгаем Шолохов даже сегодня. А хотел бы я посмотреть на его сегодняшних критиков в ту пору, когда он писал главную книгу своей жизни и добивался её публикации...

14 апреля

Был на заседании коллегии обл администрации. Дела — хреновей некуда. В первом квартале объём производства к первому кварталу прошлого года составил 73 процента (в Казахстане — ещё хуже: 69 процентов).

Падает всё, что только может падать. Долг совхозов и колхозов по ссудам превышает 500 миллионов тенге, объём невыплаченной сельчанам зарплаты — 39 миллионов. Нет ни денег, ни солярки, ни бензина на весенние полевые работы.

Может быть, самое тяжёлое положение — на тракторном заводе, который уже давно на грани банкротства. Разработана очередная программа спасения завода. Выпуск тракторов решено уменьшить до 20 тысяч в год (таковы потребности Казахстана), хотя ещё несколько лет назад эта цифра составляла 55 тысяч.

Впрочем, глава обл администрации Д. К. Ахметов считает, что оснований для паники нет. Он был в составе правительственной делегации во время визитов Н. А. Назарбаева в Японию и в Москву. Оба визита охарактеризовал как чрезвычайно плодотворные. В Москве Д. К. Ахметов встречался с В. С. Черномырдиным, обговаривали возможность создания транснациональных компаний. И перспективы, как будто, есть...

16 апреля

На работе опять подписка. Объявляем её на три месяца — только на третий квартал. Потому что подписные деньги обесцениваются быстрее, чем мы успеваем ими воспользоваться. Очень дорого обходятся услуги почты, да ещё гадят республиканские газеты, которые дотируются правительством. У “Казправды”, к примеру, издательская цена — 12 тенге, у “Егемен Казахстан” — 10. Мы же хотим жить за свой счёт, а денег у людей, чтобы платить за газету столько, сколько она стоит, нет. С первого апреля в республике увеличен размер минимальной зарплаты — до 100 тенге в месяц. А минимальная потребительская корзина обходится втрое дороже. Вот и живи — как хочешь, до подписки ли тут?

А почтовики в самый последний момент подняли стоимость своих услуг ещё на 50 процентов, и теперь издательская цена газеты практически сравнялась со стоимостью доставки: 47 тенге первая и 41 — вторая. Итого — 88 тенге на квартал.

В эти дни исполнилось бы 100 лет Н. С. Хрущёву. Посмотрел по ТВ двухсерийный документальный фильм о нём, снятый за рубежом (у своих, видать, то ли денег, то ли ума не хватило). Фильм интересный, хотя и субъективный. Главное — видна эта могучая самобытная фигура. Сам — выкормыш Сталина — он решил и на его ниспровержение (правда, посмертно, потому что при жизни Сталина это было невозможно), и на первую перестройку, которая закончилась его принудительной отставкой.

Больше всего меня поразила его реакция на шпионский полёт Пауэрса. Это случилось после триумфальной поездки Хрущёва по Соединённым Штатам,

может, ещё и потому он воспринял случившееся как личное оскорбление. Требовал от президента Эйзенхауэра публичных извинений, а когда тот отказался, то не стал принимать его в Москве, хотя официальный визит Э. был уже согласован. Заявил буквально следующее: “После всего случившегося советский народ не сможет оказать вам должного гостеприимства”.

Можно сказать: упрямый мужик, а не глава государства; эка невидаль — шпиона запустили, сколько их уже было и ещё будет... Но можно посмотреть и иначе: нормальная реакция лидера великой державы, поверившего в искренность американских политиков, заверениям в дружбе и т.д. и обманутого в своих самых лучших чувствах. Во всяком случае, такая позиция мне импонирует куда больше, чем угодническое уступничество Западу Горбачёва и Шеварднадзе, Ельцина и Козырева. Последние двое сначала сами позволили американцам сесть себе на шею, а теперь обижаются на то, что американцы бомбят в Югославии каких-то там сербов, не спрося у России. Впрочем, опять я вмешиваюсь в дела суверенного государства (России), к гражданам коего, увы, не принадлежу...

В Москве прошла встреча глав государств СНГ. Снова принята куча документов, которые наверняка не будут работать. Весьма скептически воспринята идея Н.А. Назарбаева о Евразийском союзе. Л.М. Кравчук назвал её преждевременной, другие отмолчались, и только россияне демонстрируют, во всяком случае на словах, заинтересованность.

20 апреля

Ни дня без стрессов. С утра принесли заметку прокурора области — с разъяснениями по поводу решения главы обл администрации о проведении традиционного (хотя уже не ленинского) субботника. Мы, кстати, дали это решение в изложении, кое-что добавив от себя, на что нам прокурором и указано. Но дело даже не в этом. Прокурор разъясняет главе, что два пункта его постановления вступают в противоречие с законом. В частности, тот, что предлагает коммерсантам перечислять деньги на целевой счёт “Семья”, и тот, из которого вытекает рекомендация потрудиться в этот день и на своих рабочих местах. Прокурор, указывая на эти нестыковки с законом, предлагает опубликовать это пространное (трёхстраничное!) разъяснение в ближайшем номере, т. е. в четверг, а через день после этого — субботник. Вот тебе задачка!

С одной стороны, прокурор указывает властям на их юридическую безграмотность и административный произвол, и хорошо бы об этом оповестить широкую общественность. Но я-то должен учитывать и политические последствия тех или иных публикаций. Реакция же властей в случае обнародования прокурорского послания вполне предсказуема: вы что творите, и так энтузиазма по поводу субботника не наблюдается, а тут на него и вовсе махнут рукой. Прокурор ведь пишет в газете — незаконно... Это же саботаж — прямой срыв общественно значимой акции, на подготовку к которой затрачено столько сил!

Всё это я сказал прокурору по телефону, заметив напоследок: вы уж разбирайтесь с властями сами, а меня в это дело не вмешивайте, потому что крайним в случае публикации буду именно я. Прокурор отвечал мне, что ожидал подобной реакции... И я даже не понял, чего больше было в его голосе — сожаления по поводу того, что редактор побоялся поддержать принципиального законника, или облегчения: он свою миссию исполнил, а публичного скандала, к счастью, не будет..

Впрочем, из этой истории мне следует извлечь ещё один урок: не надо лезть со своими умствованиями в официальные сообщения; пусть идут в первоизданном виде — дабы, как говорил когда-то Пётр Первый, глупость каждого явлена была сразу.

Вчера был ещё один прокол... Напечатали некролог, где среди обычного перечисления дат, событий, заслуг усопшего, была фраза — “в 1943 году вступил в ряды КПСС...”. Мы посчитали её неуместной и выбросили — и без того было сказано, что человек состоял в партии без малого полвека... И родственники устроили нам скандал (признаю теперь — справедливый): “Какое вы имели право, и для него, и для нас это свято, что он коммунистом стал на фронте и умер коммунистом!”.

Косяком идёт реклама приватизационных инвестиционных фондов — их только в нашей области 13. Все сулят золотые горы, народ мечется в поисках “самого-самого”... Даже у нас в семье нет по этой части единства, и я сказал — сами решайте, куда отдать свои “ПИКи”.

А на днях группа ветеранов прислала письмо с вырезкой из нашей газеты, на которой перечёркнута реклама очередного приватизационного фонда и стоит гневная надпись: “Капитализм не пройдёт!”.

Думаю, под этим лозунгом подписались бы сегодня очень многие.

Между тем наш президент, на днях встречаясь с отечественными предпринимателями, объявил одной из насущных задач формирование слоя национальной буржуазии.

Вчера открылась сессия Верховного Совета Казахстана, на которой мог заседать и я... Интересно, что думал об этом как-то отвлечённо — будто не о себе самом.

Н. А. Назарбаев говорил о необходимости конституционной реформы, высказался за формирование в будущем двухпалатного парламента, о том, что “мы должны избегать попыток узурпации власти президентом, правительством, парламентом...”.

Н. А. Назарбаев вернул льготы ветеранам, сославшись на то, что до этого его подвели помощники.

Депутатский корпус обновлён более чем на три четверти... Не думаю, что президенту будет легко с ним управляться. Хотя нужного ему человека на пост председателя Верховного Совета он провёл сравнительно легко. Выдвинули кандидатуры: Абиша Кекилбаева, Куаныша Султанова, Олжаса Сулейменова. Олжас свою кандидатуру снял сразу. Самым неудобным претендентом для президента и всей правящей верхушки был Г. Алдамжаров, бывший председатель контрольной палаты, резкий политик, в силу прежней должности много знавший о неблагоприятных делах сильных мира сего и потому прямо говоривший о коррумпированности в высших эшелонах власти... Остальные в той или иной мере устраивали президента. Председателем (в ходу теперь модное слово спикер, которое мне не нравится) избран писатель, общественный деятель А. Кекилбаев. У нас дома есть его книга в серии “Библиотека журнала “Дружба народов” в переводе на русский язык, к сожалению, не прочитанная. Надо будет прочесть.

Вчера позвонили из “Правды”... Я так удивился — будто это был звонок с Луны или Марса; наверное, пиетет перед бывшей главной партийной газетой останется у меня навсегда... Звонил В. Хатунцев — известный журналист, которого я хорошо помню по прежним материалам. Теперь он подрабатывает ещё и в газете “Азия” у Г. Г. Дильдяева. Просил опубликовать в “ЗП” рекламу. Дожились — вот что теперь Москве (и “Правде”) от Павлодара (и “ЗП”) надо.

Нынешняя ситуация в “Правде” — сплошной театр абсурда. У них теперь два редактора: один — ставленник греческого хозяина газеты, другой — выдвигенец коллектива; идёт перманентная тяжба за остатки бывлой “Правды”, которая, похоже, давно дышит на ладан...

Письмо от Тани Конобейцевой из ФРГ. Письмо, скорее, деловое: без особого оптимизма, но и без уныния. Татьяна — человек с характером, знает, что надо выживать, вот и пытается приспособиться к новым обстоятельствам. В письме много интересных подробностей о жизни в ФРГ, и у меня родилась безумная мысль опубликовать его в газете и ещё — попросить Татьяну подробнее писать обо всём, что может заинтересовать бывших соотечественников.

Заметки Валерия Выжутовича в “Известиях” о президенте Калмыкии Кирсане Илюмжинове. Вырисовывается портрет авантюриста из авантюристов, притом нечистого на руку. Скорее всего, так оно и есть: подобных немало среди политиков новой волны; я бы даже сказал — подобные преобладают. Но ведь опять — избран народом, триумфально. Обещал превратить Калмыкию во второй Кувейт, а теперь, как выясняется, её бюджет на 80 процентов формируется за счёт федеральных вливаний. А Илюмжинову всё нипочём — живёт в своё удовольствие.

Наш Н. П. Попов демонстрирует характер: в “Советах Казахстана” его материал о том, как глава Аксуской городской администрации В. И. Шокарев построил и приватизировал особняк, а трёхкомнатную квартиру, в которой жил до этого, отдал тёще и тестю... Материал Н. П. хорош, хотя при этом он между делом лягнул и “ЗП” — не простил мне увольнение из газеты своей дочери...

21 апреля

В то время как многие готовы кричать “Караул!”, а кое-кто уже делает это, начальник Павлодарского отделения железной дороги А. С. Саркыншаков в очередной раз поднимает в “ЗП” проблему скорейшей электрификации участка Павлодар — Экибастуз. Железнодорожникам сегодня ничуть не легче, а в чём-то и труднее, чем другим. Но Саркыншаков пишет не об их бедах, а о том, что и сегодня нужно думать о завтрашнем дне.

Три письма на одну тему из сегодняшней подборки писем...

“Вот уже пять месяцев нам не платят зарплату... А мы всё время вкалываем — в жару и холод, в дождь и снег... Можно ли так жить — кто нам ответит?”

И подписи — строителей Качирской ПМК-2.

“Понимая сложную экономическую обстановку в стране, мы трудились на уборке урожая, всю зиму возили уголь, чтобы не замёрзли школы и больницы, жилые дома... Мы “вошли в положение”... Почему же власти района, руководители хозяйств и банка не войдут в наше положение, ведь зарплату мы не получаем с ноября, и наши семьи нищенствуют...”

Это пишут водители Майского автотранспортного предприятия.

“Я работаю в автотранспортном предприятии города Аксу объединения “Павлодартрансхолдинг” наладчиком, а зимой ещё и кочегаром. Но зарплату не получаю уже полгода. На те крохи, которое выдают нам в виде авансов, мне не прокормить троих своих детей... Торговать я не умею, да и должен же кто-то трудиться и на производстве... Неужели власти не понимают, что так с людьми поступать нельзя?”

Это пишет наш читатель А. Романов из Аксу. И такие письма мы получаем едва ли не каждый день.

23 апреля

В Павлодаре закончились газ и горючее. Причина — остановка нефтеперерабатывающего завода, у которого нет сырья. Особенно страдают жители домов с газовыми плитами... И никто не может сказать, когда будет газ, когда появятся бензин и солярка. Того, что удаётся добыть, не хватает даже на самые необходимые городские нужды.

Учителя нескольких городских школ в своём письме в редакцию грозят бессрочной забастовкой и срывом выпускных экзаменов. Им тоже платят зарплату не вовремя, частями. Двухчасовая предупредительная забастовка назначена на второе мая.

Оказывается, нашей конькобежке Людмиле Прокашевой не хватило долей секунды до бронзовой медали в Лиллехаммере на тысячеметровой дистанции, а на пятикилометровой она была в шестёрке лучших... Может быть, ей просто не хватило спортивного везения... Людмила — обладатель нескольких серебряных и бронзовых медалей кубков мира и чемпионатов мира. Спортивную карьеру пока заканчивать не собирается. Наконец дали о ней большой материал Бейбута Байдилова.

Пошли “Монологи о жизни” — большей частью по-настоящему искренние, интересные... З. А. Суворова подготовила исповедь женщины, которая, потеряв работу (была экономистом, составляла проектно-сметную документацию, стаж 27 лет), не опустила рук... Закончила курсы кройки и шитья, вязания макраме, массажистки, домашней сиделки (!), занимается дачей... Говорит: можно сколько угодно жаловаться на жизнь, ругать мужчин и начальство, но ничего не изменится, если сама не возьмёшь себя в руки...

Конечно, “есть женщины в наших селеньях”, но сколько же можно держать их за ломовых лошадей!

Редчайшее природное явление — северное сияние — наблюдали несколько дней назад многие жители Баянаульского района. Никто пока не объяснил, как оно добралось до наших южных широт.

Частное предприятие Экибастуза приобрело, неизвестно для каких нужд, бронетранспортёр... И едва тот выехал на улицу, как тут же столкнулся с грузовым “ЗИЛом”. Победил бронетранспортёр — водитель и пассажир грузовой машины получили тяжёлые травмы.

25 апреля

Никогда ещё в Иртышском районе не начинали весенне-полевых работ со столь мизерным запасом горючего. Его хватит совхозам на два дня работы. Никаких гарантий поставок дизтоплива никто не даёт, а только его надо минимум пять тысяч тонн. И если оно появится, потребуются не одна неделя, чтобы доставить его в совхозы — за 200, 300 и более километров от Павлодара.

Впятеро сокращаются посевы под кукурузу — нет семян.

Знаменитый А. И. Казанник после неудавшегося похода в генеральные прокуратуры России создаёт в Омске “партию народной совести”... Говорит, что его поддержат в других городах Сибири, Урала, Дальнего Востока... Блажен, кто верует...

Чего только в жизни не бывает! В то время как многие любимыми способами стремятся уехать — кто в Германию, кто в Израиль, — наша землячка из Павлодара недавно вернулась с двумя дочерьми из Израиля обратно. Муж пока ещё там — хочет немного подзаработать, но тоже обязательно вернётся.

У них осталась квартира в Павлодаре (повезло — не успели продать), дети пошли в свою школу, мать пока не работает, но счастлива: “Домой вернулись!”.

Кстати, об Израиле не сказала ни одного худого слова: всё там очень хорошо, но всё чужое...

26 апреля

Ольгин день рождения отметили на даче — шашлыком. А утром Данька в качестве подарка матери исполнил на гитаре песню на её стихи. Это по сути ещё и не песня, скорее, речитатив, но О. была растрогана...

Информация во всех газетах: в одной из семипалатинских колоний пятеро сокамерников съели шестого — убили, разрезали и варили в чайнике.

27 апреля

Привыкаю писать на листочках... Часто бывает так: желание записать что-то возникает в самый неподходящий момент, да и не будешь ведь свой “талмуд” (ежедневник, в котором я веду записи) всё время таскать с собой... А на листочке всегда черкнуть можно — даже в машине, в поезде, в самолёте, на планёрке в редакции.

Опять звонил прокурор области: говорит — решил быть принципиальным до конца, настаивает на официальном ответе с мотивами отказа в публикации его разъяснений... А там, мол, посмотрим... “Вы бы лучше посмотрели, что вокруг творится, чем демонстрировать свою принципиальность по такому поводу; скоро нас среди бела дня на улице резать будут”, — в сердцах отвечал я. А потом сидел и, чертыхаясь, сочинял ответ, помяная материно любимое выражение — Богу молись, а чёрта не гневи.

Между тем Слава Лесовский опубликовал в “Местном времени” прокурорское разъяснение под заголовком “Открытое письмо прокурора области главе администрации”. Хотя, похоже, последний его не читал...

Вчера депутаты Верховного Совета устанавливали себе оклады. Остановились — на уровне министерских, плюс всевозможные льготы и привилегии. Итого у нас теперь добавилось 176 министров с месячным довольствием примерно в четыре тысячи тенге каждому (прежние депутаты работали на общественных началах). Думаю, когда обсуждали этот вопрос, равнялись на дурной пример россиян, чьи депутаты по части материального и прочего обеспечения живут припеваючи, не неся никакой ответственности за собственные деяния.

28 апреля

Работники около 70 подразделений тракторного завода — почти две с половиной тысячи человек — изъявили желание получить участки для выращивания картошки. Завод обязуется доставлять заводчан в поле и обратно. В прошлом году две тысячи рабочих и служащих сажали картошку и оказались с урожаем. И вот теперь таких уже на полтысячи больше — чуть ли не все мы переходим на самообеспечение.

В выходные был на базаре и стал свидетелем странного разговора:

— Маша! — кричит одна торговка другой — в соседнем ряду, — почём у нас сегодня Россия?

— С утра была по сорок пять, — отвечает та.

Я никак не мог понять — о чём это они? Оказалось, это обменный курс нашего тенге к российскому рублю. На барахолке самый выгодный курс обмена, хотя и обмануть могут. Банки же откровенно “хамят”: российскую валюту не закупают, а меняют только ту, что сдают им. Поэтому рублей очень часто в обменных пунктах не бывает. А на барахолке есть и рубли, и доллары... Доллар стоит примерно 35 тенге.

30 апреля

Вчера Сергей Гончаров из Михайловки (можно сказать — земляк) удивлял народ в спорткомплексе “Автомобилист”. За три часа 44 минуты он поднял пудовую гиру 4500 раз, побив все существующие до сих пор рекорды. За это время он выпил всего пять стаканов воды. Теперь его достижение будет рекомендовано в Книгу рекордов Гиннеса.

Сергей работает в автоколонне инженером по технике безопасности. Все свои достижения фиксирует в специальном дневнике. Если верить последнему, за десять лет тренировок Сергей поднял десять тысяч тонн. Вчерашний рекорд Сергея “весит” 72 тонны и стоил он ему потери двух килограммов веса.

Дали материал об открытии очередной навигации в речном порту. Это юбилейная, 30-я навигация. Рекордной была навигация 1990 года, когда речники перевезли 6,5 миллиона тонн грузов. В прошлом — всего 2,5 миллиона, в этом году будет ещё меньше. Практически нет пассажирских перевозок — остались лишь прогулочные теплоходы...

Приятная неожиданность: бывший редактор Майской районной газеты Жумат Тулебаев перевёл на казахский язык несколько моих вещей из книжки “Помню и люблю” и уже опубликовал их в той же районке... Я пока газету не видел и даже не знаю, что именно он взял для перевода.

**2 мая
1994 года**

Все праздники позади... Тепло на улице... Проклонулась листва на деревьях. Привёз Ольге из Железинки первые подснежники...

На работе в очередной раз увеличили народу зарплату. Оклады выросли втрое. Кто бы знал — как это выматывает: считаем-пересчитываем эти гроши, спорим, ругаемся, обижаемся друг на друга. Средний месячный заработок по конторе должен составить во втором квартале 1350 тенге — это максимум, который позволяет указ президента об ограничении фонда потребления... Не бог

ведь какие деньги при нынешней дороговизне жизни и скачущей галопом инфляции... С момента введения национальной валюты тенге подешевел уже более чем в пять раз. Если так дело пойдёт и дальше, а никаких признаков “выздоровления” тенге не наблюдается, то скоро он может сравняться с рублём...

Давно знал, что государство наше по отношению к человеку — бездушно, цинично, бессовестно... И вот ещё раз лично убедился в этом: на днях мне вернули почтовым переводом денежный залог, внесённый мною в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета. Я внёс среднюю пятимесячную зарплату — 2750 тенге и наивно полагал, что их мне ещё и индексируют, ведь за минувшие три месяца деньги подешевели как минимум вдвое. А оказалось (Ольга как в воду глядела), вернули мне даже не всю сумму, а лишь 2499 тенге, содрав 250 тенге за пересылку. Ну не суки ли?

Поразительно, что подобным обстоятельством не возмутился ни один из прошедших в депутаты — наверное, под действием эйфории от установленных самим себе министерских окладов.

Сколько раз зарекался играть в азартные игры с государством и вот опять влип... Думаю теперь обратить эти 2500 тенге в американскую валюту — должно выйти что-то около 70 долларов.

3 мая

Дал задание П. И. Оноприенко приватизировать его дачу в Экибастузе и написать о том, как это происходило. И вот читаю его материал: “Задание редакции я выполнил, о чём и рапортую... Мне даже захотелось поблагодарить своё начальство, потому что, не будь задания, неизвестно когда я стал бы полноправным хозяином дачного участка и клочка земли под моим гаражом...”.

Сама процедура, пишет далее собкор, весьма проста, очередей никаких (народ, выражаясь языком моей матери, “ещё не расчухался”. — Ю. П.) — и вот он, государственный акт на владение участком на руках... “Я стал законным его собственником, — продолжает П. И., — теперь я могу подарить его или завещать своим детям, и они также будут владеть им пожизненно. Никто, в том числе любая государственная организация, не имеет права без моего согласия прокладывать через мой участок дорогу, линию электропередачи или иные коммуникации. За это я потребую с них деньги или вовсе откажусь от сделки. Могу и в суд подать на госорганы, если по их вине моему участку будет нанесён ущерб...”.

В отношении последних своих утверждений П. И., скорее всего, заблуждается: права-то теперь у него есть, но вот тягаться с государством — занятие малоперспективное... Тем не менее материал ставим срочно в номер. Подумал ещё — может, и мне приватизировать мои четыре с половиной дачные сотки?

Опубликовал с небольшими правками письмо Татьяны Конобейцевой из Германии. Обосновались они в 90 километрах от Ганновера, в городке Дипхольд (что-то вроде райцентра), сняли большой дом — с оградой и садом. Собственного имущества — кот наплакал (из Киргизии мебель и т.д. не повезёшь), всем этим делятся соседи, отдавая эмигрантам не новые, но вполне приличные вещи, либо это забирается из выставленного местными жителями из домов для отправки на свалку — стиральную машину собрали из двух таких и велосипедами обзавелись подобным же образом.

Муж уже подрабатывает — помогает в одном доме — вскопать огород, дорожки почистить, деревья обрезать. Платят ему по 12 дойчмарок в час, итого за

месяц (работает раз в неделю) набегает 100 дойчмарок. Побольше, чем наши журналисты получают, но, конечно, там и цены другие...

“Очень сложно оказаться в нашем возрасте в совершенно по-другому устроенном мире, — пишет Татьяна. — Первое время мы с мужем почти каждый день спрашивали себя — зачем мы здесь? Сейчас всё немножко утряслось. Таких, как мы, только в этом городке на 16 тысяч жителей две тысячи. Не думаю, что здешние немцы в восторге от такого “нашествия”, но отношение к нам, переселенцам, скорее доброжелательное...”

Доведётся ли нам увидеться с Татьяной — не знаю, но её “письмо из эмиграции”, уверен, прочитают.

5 мая

Нет больше объединения “Экибастузголь” — есть акционерное общество с одноимённым названием... Но никто не становится в очередь за покупкой акций, пишет наш собкор П.И. Оноприенко. Не спешат за ними и зарубежные партнёры, хотя им также готовы продать акции на миллиарды тенге.

В Алма-Ате объявлено чрезвычайное положение — в связи с острой нехваткой топлива и горючего. Последнее отныне отпускается только службам, обеспечивающим жизнеобеспечение столицы. Введены жёсткие ограничения на пользование электроэнергией.

Нормальному человеку всё это трудно понять: в Казахстане два крупнейших нефтеперерабатывающих завода, своя нефть, а один Экибастуз даёт электроэнергии столько, что её покупает у нас и Россия. Но тот же Павлодарский НПЗ больше стоит, чем работает, в том числе из-за бездарной экономической политики госструктур; мощнейшие экибастузские ГРЭС работают на местном угле... Так что не в нашей бедности дело, а в том, что мы не можем дать ума нашим богатствам.

Активисты славянского культурного центра Чимкента добились согласия руководства Санкт-Петербургского университета путей сообщения на то, что абитуриентам из Южно-Казахстанской области будет предоставлено 50 мест для бесплатного обучения в этом вузе.

Надо будет навести справки у нас — кажется, что-то подобное “пробивают” и лидеры наших славян...

Гороскопом на эту неделю мне обещано: стать “хозяином положения и диктовать условия игры; обречены на успех усилия, связанные с торговлей и маркетингом; после 4 мая уготовано блаженное погружение в любовный омут”. Жаль только не указано, когда именно состоится погружение — уже 5 мая или ближе к новому году? Хотя, надо думать, что скоро — гороскоп-то на неделю...

Отличный материал Ольги Воронько о нашем Павлодарском аэропорте. О нынешнем затишье в нём (было сорок рейсов в сутки, осталось — шесть; летали самолёты практически всех типов, остались в основном “Як-40”); срываются и переносятся рейсы — нет топлива...

Хорош рассказ о том, как наш диспетчер мастерски посадил в метель “ослепший” самолёт, у которого вышла из строя навигационная система...

Павлодарский аэропорт способен принимать (и уже принимал) самолёты всех типов, в том числе тяжеловес “Руслан” (“Ан-124”), но для “Мрии” (“Ан-225”)

длина взлётно-посадочной полосы в два с половиной километра коротковата — недостаёт около 500 метров.

Ещё Ольга приводит цифры, в которые трудно поверить. Зимой, во время гололёда, в дело включаются специальные тепловые машины, которые плавят лёд. При среднем оледенении (толщина льда от 1,5 до 3 миллиметров) четыре машины работают без остановки целые сутки и сжигают за это время 105 тонн бензина. А при сильном гололёде — до 5 миллиметров — тратится вдвое больше горючего и времени — от двух до трёх суток. При сильных перепадах температур полосу чистят безостановочно — днём и ночью...

Я иногда ругаю Ольгу за сумасбродство, но ей многое можно простить за такие материалы. Она вообще умеет находить темы...

7 мая

Хорошая новость. Плавный водник области Ж.Р. Рамазанов обещает в нашей газете полноценный разлив Иртыша. Вода должна залить пойму более чем на 90 процентов. Жанайдар Рамазанович рассказывает о перипетиях борьбы с усть-каменогорскими энергетиками и властями, которые командуют объёмами сбросов воды с верховий Иртыша, зарегулированного плотинами ГЭС. И такая “война” идёт каждую весну. Хотя специалистам давно известно, что объём энергии, вырабатываемой той же Усть-Каменогорской ГЭС, ничтожен по сравнению с объёмами двух экибастузских и даже Ермаковской станций. А Иртыш, его уникальная пойма, рыбные запасы реки губятся из-за безумства гидроэнергетиков, попустительства властей — местных и высших. Раньше всё Москву ругали за ведомственный (в пользу энергетиков) подход к Иртышу. Теперь вроде сами хозяева, а по сути ничего не меняется.

Впрочем, вода уже выходит на луга в окрестностях Павлодара, и поэт Василий Луков (в миру — Б. В. Исаев) отозвался на это событие лирическими стихами, где есть и такие строки, достойные внимания пародиста:

*Не может русло воды удержать,
В сухом томленьи нива изнывает,
Речное лоно тужится рожать,
Луга водой живую заливают...*

— Борис Васильевич, что за физиологизмы? — возмутился я, — при чём тут роды, нива?

— Это — образ и, по-моему, удачный, — невозмутимо парировал он...

Это давний наш спор: я — сторонник классических форм, он же никаких канонов в поэзии не признаёт...

В столице прошёл первый аукцион, на котором за приватизационные купоны продавались акции госпредприятий. Несколько наших павлодарских фондов объединились и, если верить управляющему “Умит-инвеста” А. К. Киму (в этом фонде и мои “ПИКи”), выгодно приобрели акции объединения “Павлодар-нефтепродукты”, семипалатинской фабрики по переработке шерсти, петропавловской и кызылординской нефтебаз, актюбинского завода геологоразведочного оборудования и других. Всё это — рентабельные предприятия, их продукция пользуется спросом. Важно, чтобы они таковыми и оставались — тогда я не только стану их акционером, но и — чем чёрт не шутит — кое-что с них поимею, хотя бы для поддержки штанов...

Говорят, у нашего народа нет склонности к предпринимательству... А П. И. Оноприенко пишет, что в коммерческих структурах Экибастуза обретается

уже около девяти тысяч человек. В коммерсанты уходят и, как их ранее именовали, люди самых гуманных профессий — учителя, врачи, медсёстры. Только в этом году из медучреждений уволилось 16 врачей и около 100 медсестёр. Следом за ними идут учителя... И мотив у всех один — низкая зарплата, которую к тому же почти всё время задерживают.

9 мая

Ходили всей семьёй к Вечному огню. Людей было меньше обычного. Ветераны понемногу вымирают, обществу теперь не до них, новым политикам старшее поколение с их коммунистическими идеалами — поперёк горла; молодёжь от них тоже как будто отшатнулась...

Когда поминали дедов, снова подумал: может быть, и хорошо, что отец не дожил до нынешнего театра абсурда. Ведь он и умер-то, наверное, из-за того, что утратил интерес к жизни — некую систему координат; к тому же остался один и жестоко страдал из-за этого... Не мог примириться с таким своим положением и изменить ничего не мог.

Недавно я прочитал в одном интервью Виктора Астафьева: он успел написать обо всех своих близких — и хотя бы таким образом выполнил свой долг перед ними... Знаю, я не Астафьев, но что бы мне ни говорили мои критики, правильно сделал я, написав о своих бабушках-дедушках, об отце и матери... Написал — как сумел, мне самому не всё нравится... Теперь вот ещё и “Хроника смутного времени” на моей совести...

Посмотрел фильм, снятый по нашумевшей истории о том, как женщина-следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР влюбилась в подсудственного — уголовника, передала ему пистолет, из которого тот при попытке к бегству убил работника тюрьмы.

Этот уголовник — Сергей Мадуев — в детстве жил (или даже родился) на станции Валиханово в Железинском районе. Заматерев, “гастролировал” и в нашей области, наши оперативники “брали” его после одного из ограблений...

А женщину-следователя после той истории раскрыли, осудили на восемь лет...

И вот фильм... Играют в нём Александр Абдулов и Марина Неёлова — хорошие актёры. Но меня они своей игрой не убедили, особенно Неёлова... Как сказал бы Станиславский — не верю! Неёлова неплоха вначале — умная, холодная, ироничная, и неубедительная — потом. Да и сам фильм... Насовали туда всякой конъюнктурщины, политики... В который раз убеждаюсь в том, что жизнь — самый талантливый и непредсказуемый режиссёр, и мало кому удаётся передать её сюжеты на бумаге или на экране в их неповторимости.

12 мая

Затяжная полоса праздников-гуляний, и все — с выпивкой... Грандиозный банкет по случаю юбилея одного из промышленных генералов — человека достойного, вполне заслуженного. На торжественной части присутствовали отраслевой министр, глава облминистрации и его замы, главы городов и районов, руководители всех крупных промышленных и родственных юбиляру предприятий республики, гости из соседних регионов России и прочая, прочая, прочая...

После торжественной части — с речами, поздравлениями, праздничным концертом большая часть гостей — человек, наверное, около 500 — переместилась в банкетный зал, где торжество продолжалось с новой силой. Столы ломились от изысканных закусок и выпивки: рыбные деликатесы — от осетра до селёдки, мясные деликатесы, бутерброды с красной и чёрной икрой, горы

бешбармака, овощи и фрукты. Выпивка — на любой вкус, а в перерывах можно было “охладиться” кумысом или баварским пивом.

Застольные речи и подарки были под стать событию: тосты — цветистые, витиеватые и подчас сверх всякой меры длинные; дарили традиционные чапаны и лошадей, серебряные кубки, телевизоры, холодильники...

Виновник торжества взирал на происходящее с олимпийским спокойствием и только едва пригубливал после каждого тоста (а их были десятки) вино из стоявшего перед ним фужера...

Перечитал написанное и чувствую — плохо я описал это пиршество — тут надо Николая Васильевича Гоголя, его перо, он бы разгулялся...

13 мая

В обладминистрации обсуждали проблемы приватизации в сельском хозяйстве. Приватизировано уже большинство хозяйств, но по сути в них мало что изменилось, а, главное, большая их часть так и осталась убыточной. В том числе 16 таких, с которыми не знают что делать: государство их дальше тянуть за уши не может, сами они, со своими долгами, дальше тоже существовать не в состоянии. Их имущество будет оценено и вместе с долгами поделено на работников. Живите дальше — как хотите. Такое вот реформирование.

Пока что вариантов дальнейшей жизни по типу “вместе — врозь” складывается несколько. В бывшем “Целинном” (а затем неудавшемся КСП — коллективном сельхозпредприятии “Курголь”) с разной степенью успешности действуют аж 43 крестьянских хозяйства. Что из всего этого получится — говорить пока рано.

В бывшем совхозе имени Камзина того же Аксуского района пошли по другому пути — сформировали новые юридические лица по принципу производственных подразделений. Одно отделение с дойным гуртом в 500 коров выкупает бывший директор совхоза.

В бывшем совхозе имени 10-летия Казахской ССР Иртышского района создали сперва кооперативное предприятие, а затем разделились на три коллективных предприятия и несколько крестьянских хозяйств.

В бывшем совхозе, а затем КСП “Спартак”, формируют десять кооперативов.

Сидел я, слушал всё и думал: это, конечно, хорошо, что дан такой простор инициативе, хотя и не от хорошей жизни. Но не получилось бы только как в известной басне Крылова, когда группа разномастных её героев “задумала играть квартет...”. Или вот ещё что приходит на память: когда в борделе дела становились всё хуже и хуже — уже и мебель заменили и все прочие аксессуары — а клиент так и не шёл, звали на совет давно ушедшую на покой старую “маман” — бывшую проститутку, и она говорила: не мебель надо переставлять, а девок менять... Не знаю — насколько эта вторая аналогия в данном случае уместна (не китайцев же завозить, чтобы работали вместо нас), но все суетливые шарахания властей, не знающих, что делать с селом после того, как его многократно, притом в извращённой форме, изнасиловали — сперва большевики, а затем реформаторы-демократы, напоминают мне “телодвижения” владельцев того самого публичного дома. Хорошо ещё, что пока экспериментируют с хозяйствами, которые никогда не делали погоды в отрасли, — ни на хлебных полях, ни в животноводстве. Но ведь скоро и до лучших дело дойдёт, добыют и их. Неужели же тем, кто принимает решения, недостаёт не ума даже, а элементарного здравого смысла, чтобы понять: крестьянские хозяйства никогда не заменят высококомеханизированного крупного товарного сельскохозяйственного производства. У крестьян есть, разумеется, свои ниши — вот они пусть их и заполняют, а те же хлеб, молоко должны и впредь производить крупные сельхозформирования...

Но, как говаривал отец перестройки М. С. Горбачёв, “процесс пошёл”, и его теперь уже не остановить...

В очередном отчёте облстатуправления, кроме уже никого не удивляющих цифр обвального падения производства (промышленность в первом квартале по сравнению с первыми тремя месяцами прошлого года “упала” почти на 30 процентов), обращают на себя внимание и другие цифры: смертность от “нестественных” причин в 1993 году выросла по сравнению с 1992 годом почти на треть (в том числе от убийств и самоубийств — на 15 процентов, а от отравлений алкоголем — вдвое); меньше стало рождаться детей, больше умирать — и детей, и взрослых... Только в первом квартале этого года из области уехало 11,3 тысячи человек (я посчитал — около 120 человек каждый день!).

Любопытен расклад по зарплате: в марте она составила в среднем по области 642 тенге (начисленная, но необязательно полученная), в том числе в промышленности — 989, на селе — 264 (почти в четыре раза меньше, и мы при этом чего-то ждём от сельчан), в здравоохранении — 290, у работников культуры — 220 тенге.

Цифры сами по себе убийственные и ни в каких комментариях не нуждаются.

14 мая

Услышал информацию по ТВ: прекращено судопроизводство по делу ГКЧП — в связи с амнистией, объявленной его членам Госдумой России. От амнистии отказался только генерал В.И. Варенников. Это значит, во-первых, что дело его будет рассмотрено в суде; а, во-вторых, насколько я понял, все остальные свою вину признали, ведь невиновных не амнистируют, а реабилитируют.. Варенников, кстати, фронтовик, Герой Советского Союза, участник Парада Победы... Да и не был он, кажется, членом ГКЧП — просто летал вместе с его представителями в Крым к Горбачёву, где, говорят, наиболее жёстко высказался насчёт того, что происходит со страной...

Кому нужен сегодня этот суд и нужен ли вообще? Выходит, нужен, раз Варенников повёл себя именно так...

Некоторое время назад пообщался с Николаем Лихановым — о бедах нашего села — и даю сегодня его монолог в “ЗП”. Уверен — немало его собратьев-инженеров (да и не только они) подпишутся под этими размышлениями.

15 мая

Накануне прибытия в Россию А. И. Солженицын дал интервью какому-то зарубежному журналу, а “Известия” его перепечатали. Свои суждения о судьбах России А.И. высказывает без всяких церемоний. Заявляет, например: южные области Украины (в том числе Севастополь и Крым) — российские; а северные и восточные области Казахстана — это Южная Сибирь и тоже, стало быть, Россия. Ещё говорит, что русскоязычное большинство в Казахстане подавляется — политически, экономически, культурно; казахское меньшинство управляет большинством населения; Н. А. Назарбаев, которого везде принимают за большого демократа, на деле уже состоявшийся диктатор. Присоединение (давнее) Средней Азии к России Солженицын считает ошибкой — слишком разные, по сравнению с русскими, у проживающих здесь мусульманских народов обычаи, традиции, национальные характеры и т. д.

По Солженицыну, если вести речь о воссоединении Союза, то это может быть лишь Союз трёх славянских государств. Это должно быть единое

федеративное государство с сильной центральной властью, не дающей большой свободы местной национальной бюрократии... Не рыхлая, аморфная конфедерация, а единое государство!

И опять, как в случае с нашумевшей статьёй А. И. “Как нам обустроить Россию”, у меня смешанные чувства. Импонируют прямота суждений и то, что он называет вещи своими именами, не считая нужным подстраиваться под кого-то или под ситуацию, не боится, что его могут неправильно понять. Но при всём при том ему давно изменяет чувство реальности. Легко ему вот так свободно и глобально рассуждать обо всём этом, а поживи-ка сам здесь, окунься в этот театр абсурда, подыши этим воздухом “свободы”. Да если у тебя ещё семья, и начинать всё сначала вряд ли осмелишься. И хотя сам Солженицын жизнью своей уже доказал, что можно “жить не по лжи”, идти одному — против всех, восстать против всемогущего государства, временами его обуревают нечеловеческая гордыня... И нетрудно представить — какая истерия опять поднимется в казахстанской прессе... И ещё неизвестно — помог ли нам, русским, в Казахстане А. И. своими заявлениями или, наоборот, больше навредил...

То, что говорит Солженицын о едином государстве, а об этом страстно мечтают сегодня миллионы людей за пределами России, тоже пока что утопия. И чтобы понять это, не надо быть большим политиком — достаточно послушать, что говорит президент Украины, а иногда — просто взглянуть на выражение его лица (на телеэкране).

Что же касается Н. А. Назарбаева, то можно сколько угодно критиковать его за авторитаризм, но нельзя забывать и о том, что он до последнего оставался сторонником Союза и сегодня куда больше всех остальных, включая российскую верхушку, бьётся за интеграцию на постсоветском пространстве (терпеть не могу это словосочетание, но вот употребляю) — и в рамках СНГ, и предлагая Евразийский союз. И посиди-ка в его шкуре главы государства, когда казахи в Казахстане — в меньшинстве...

Да, можно объявить референдум, и 90 процентов русских (а может, и все сто) проголосуют за присоединение к России, но ведь казахи с этим никогда не согласятся (во всяком случае — подавляющее большинство). И что тогда?

17 мая

От взрывов на Семипалатинском ядерном полигоне пострадали не только казахстанцы, но и жители Алтайского края. Таков вывод российского научного экспертного совета по оценке последствий этих взрывов.

Новые веяния. Павлодарский алюминиевый завод теперь выпускает мужскую модельную обувь. Для этого при заводе создана обувная фабрика, оборудование, технология и сырьё куплены в Италии.

Не знаю — как ко всему этому относиться. Хорошая обувь у нас — дефицит из дефицитов, это правда, а фабрика должна ежегодно выпускать её до 70 тысяч пар... Но мне всё это напоминает театр абсурда: беда, коль печь пироги начнёт сапожник, а сапоги тачать пирожник... Поживём — увидим...

Из нашей газеты: в области насчитывается 86 предприятий, частично или полностью приостанавливавших в этом году работу... Неполный рабочий день в первом квартале были заняты 8173 человека, в вынужденных отпусках находился 3861 человек... Но никто точно не может сказать — сколько у нас безработных, и официальная цифра — 0,1 процента — конечно, фикция...

19 мая

Скандал на одном из первых приватизированных в Павлодаре предприятий — коллектив АО «Бытмебель» восстал против своего руководителя (и, кстати, тоже акционера). Ему уже дважды выражали на общем собрании недоверие — за грубость и бестактность по отношению к рабочим, а также за финансовые нарушения. Исполнять его обязанности поручили главному инженеру. Директор довольно долго на работе не появлялся, потом пришёл в сопровождении вооружённых людей, уволил с работы ставленника коллектива, забрал печать, стал шерстить кадры...

Во все стороны, в том числе и в «ЗП», полетели жалобы. Разбираться в конфликте на фабрику ходили представители властей, прокуратуры, профсоюзов. Наша Людмила Ермолина подготовила материал об этом противостоянии, в котором у директора союзников не нашлось. Но, оказалось, уволить его не такто просто — в уставе акционерного общества эта юридическая «мелочь» не прописана... Директор в ответ на требование собрания «уйти по-хорошему» пообещал утром снова занять своё рабочее место. Народ заявил, что объявит забастовку. Директор утром не пришёл. Но вряд ли конфликт на этом исчерпан.

В городе назревает скандал, связанный с переименованием улицы Тургенева в улицу Каирбаева. Тургенева представлять не надо, а М. К. Каирбаев — наш земляк, во всех смыслах достойный человек, Герой Советского Союза, в прошлом председатель Павлодарского облисполкома. Учитывая все эти заслуги, городские власти, не мудрствуя лукаво, и переименовали улицу. Возмутились славянские организации, часть городских депутатов: за что обидели русского классика, чьи произведения внесены в школьные учебники, он что, тоже «колонизатор»? И разве у нас мало других улиц, которые можно было переименовать в честь наших знаменитых земляков?

Недавно избранный секретарём городского маслихата В. Вихлянов настоял на публикации своей статьи в газете, в которой предлагает приостановить все переименования, приводя в качестве доводов самые разные, в том числе убедительные, аргументы, включая и тот факт, что переименования требуют средств, а бюджет города и без того трещит по швам. Этот вопрос уже внесён в повестку дня очередной сессии городского маслихата. Я встречался с В. Вихляновым, убеждал его повременить с публикацией, пока страсти накалены, подождать хотя бы до сессии. Но он настоял на своём. Статью опубликовали, теперь пойдёт встречная волна — сторонников переименований: дайте нам слово!

Под рубрикой «Обряды и традиции» публикуем материал об обряде похорон мусульман. Имам мечети говорит, что, оплакивая умершего, не следует рыдать в голос, громко причитать, рвать на себе волосы или расцарапывать лицо — всё это грех... Тела усопших женщин обмывают женщины, мужчин — мужчины. Жена может обмывать тело своего мужа, а муж тело умершей жены — нет, за исключением случаев, когда у него нет иного выхода. Мужчин заворачивают в саван, состоящий из трёх частей, а женщин — в саван из пяти частей.

При захоронении на дне могилы дополнительно делается выемка, в которую помещают тело — на правом боку, выемку обкладывают кирпичом или досками. Гроб мусульманам не полагается (это я уже от себя добавляю. — Ю. П.). Чем больше людей пришло на похороны — тем для усопшего лучше...

Мне нечасто, но приходилось бывать на мусульманских похоронах, и я не мог не обратить внимания на то, что зарегулированности и порядка на них куда больше, чем на наших православных. Женщины у мусульман на кладбище не ездят и на поминках обычно сидят отдельно от мужчин.

Похороны у казахов, как мне кажется, дело для них куда более значимое, чем, например, у нас, русских, хотя ведут они себя на них куда сдержаннее нас, я бы сказал — спокойнее, относясь к смерти вполне философски...

Объясняя мне некоторые нюансы мусульманских похорон, друг моего отца, а ныне один из руководителей области О.К. Кожанов изъяснялся кратко и афористично: мёртвые открывают глаза живым, без их благословения не будет успешной жизнь живых...

21 мая

“Сев и слёзы” — озаглавил свою корреспонденцию из Актогайского района наш собкор Г. Жаманбалинов. И никаких комментариев тут не надо: никогда ещё за последние десятилетия не было на посевной такого дефицита горючего, да и весна чудит — то жара несусветная, то дождь со снегом...

Уровень оплаты в государственном секторе экономики Украины не позволяет преобладающему большинству населения удовлетворить даже свои минимальные потребности... Всё правильно: лучше умереть голодными, чем жить под игом проклятых “москалей”...

Белорусы тем временем ведут переговоры с россиянами об объединении денежных систем двух государств.

“Не верьте тому, кто говорит, что свободный крестьянин живёт хорошо. У него столько проблем, что сто раз за день он думает: “Зачем только я за это дело взялся? Да не нужны мы, крестьяне-производители, никому. Совсем не о льготах я говорю. Но и это не жизнь, когда, взяв ссуду в 100 тысяч, я должен с учётом процентов возвратить уже 280 тысяч. Это же выходит, что моё государство меня гробит, разоряет...”.

(Из “Монолога о жизни” главы крестьянского хозяйства “Дастархан” Амангельды Темиржанова в сегодняшнем номере “ЗП”).

Группа ветеранов, бывших партийно-советских руководителей, — Ю. В. Панов, С. М. Баймухамбетов, М. К. Камшук, В. И. Щербинко и другие — пишут в нашей газете, что власти должны поделиться бывшим партийным имуществом (помещения, мебель и т. д.) с вынужденно находившейся на нелегальном положении и наконец зарегистрированной компартией... Хотя вряд ли находящиеся сегодня у власти их бывшие однопартийцы пойдут им навстречу — государство ныне отделено от партии, как в не столь давние времена церковь была отделена от государства. Теперь же церковь и мечеть куда ближе ему, нежели остатки не поступившейся принципами, но утратившей всякое влияние бывшей “руководящей и направляющей”.

22 мая

Был в Алма-Ате, на международной конференции по правам человека. Не жалею, что съездил, а впечатление осталось двойственное. Хорошо, что правозащитники встретились, познакомились, выговорились... Хорошо, что Казахстан и таким способом пытается убедить мир в своей приверженности демократии. Но в ряды правозащитников затесались и люди, просто до сих пор не состоявшие, ничем не зарекомендовавшие себя в других областях жизни, однако жаждущие всеобщего признания. Есть среди называющих себя правозащитниками и просто не очень умные, вздорные люди, и когда такие пытаются делать погоду в этой деликатной сфере, становится грустно.

Например, много говорилось о деле некоего Б. С. из Петропавловска, позиционирующего себя как сторонника казачества и защитника всех русских и якобы из-за этого преследуемого местными властями. Между тем это весьма недалёкий, но очень амбициозный человек, феномен раздутой известности которого — как раз в дуболомной политике властей. Б. С. напечатал в своей газете, выходящей ничтожным тиражом, извлечения из “Слов назидания” Абая — те, в которых он весьма нелицеприятно отзывается о своих соплеменниках. Правильнее всего было бы просто не заметить эту публикацию, а власти раздули из неё целое дело, о котором теперь наперебой пишут газеты, в том числе российские. А Б. С. из никому не известного неудачника стал политической значимой фигурой — его “дело” будет рассматриваться уже в Верховном суде.

Сама конференция временами напоминала съезд народных депутатов, а иногда — колхозное собрание, когда каждый говорит о своём (бедах народа, ущемлениях “некоренных”, правах меньшинства и т. д.) и никто никого не слышит. Временами просто невыносимо слушать это глухариное толковище. Хотя были и яркие выступления.

Увидел легендарную Ларису Богораз — патриарха (если можно употребить это слово применительно к женщине) правозащитного движения СССР. Древняя, иссушенная временем и невзгодами, почти горбатая, она говорила дельные вещи (о том, например, что правозащитники должны уметь сотрудничать и с властями), предостерегала от эйфории... А в перерывах отчаянно дымила “беломориной”.

Был Олжас Сулейменов в сопровождении свиты и тоже хорошо выступил: за последние годы он повидал столько трагических межнациональных конфликтов, что стал ещё больше ценить наше казахстанское согласие, и призывал к тому же спорящих.

Ещё несколько записей, сделанных по ходу конференции...

Представитель администрации президента Б. Аяганов, отвечая западным критикам, утверждающим, что Казахстану грозит откат к авторитаризму и даже тоталитаризму, заявил: демократия у нас, наоборот, будет развиваться быстрее, чем у других, потому что в Казахстане никогда не было правления типа восточных деспотий, а до революции здесь и тюрем не было, зато существовала своеобразная кочевая демократия...

Олжас Сулейменов: нельзя ставить права нации выше прав человека, именно такой подход — нация превыше всего — стал причиной большинства национальных конфликтов в СССР; последний пример — Грузия, президент которой З. Гамсахурдиа провозгласил лозунг: “Грузия для грузин”. Начавшаяся затем кровавая мясорубка в Южной Осетии и Абхазии унесла тысячи жизней. Бесславно закончил свой путь и сам Гамсахурдиа.

Морис Симашко: хватит плодить “проклятьем заклеянных голодных и рабов”, ибо восставший раб страшен в своей ярости.

Ушёл с поста редактора “Казахстанской правды” В. Срыбных, вернее, его “ушли”. Газета под его началом приобрела достойное лицо, стала более острой, интересной, хотя и оставалась “проназарбаевской”. Это был своего рода “пунктик” редактора: если во время острых споров по поводу того или иного материала (или его нюансов) ему не удавалось убедить других, он всегда пускал в ход свой главный аргумент: “Как вы не понимаете — это же нож в спину президенту!”. И споры прекращались.

В. Срыбных предложили должность в пресс-службе президента — заместителя руководителя... Претензий ему не высказывали. Хотя казахскоязычные

издания не раз упрекали редакцию “КП” в непатриотичности и прочих грехах, говорят ещё, что столичные аксакалы на встрече с Н. А. Назарбаевым выражали недовольство редактором...

Срыбных уходить не хотел, “заманчивым” предложением не прельстился, попросил время подумать... И тут взбунтовалась редакция: у нас в уставе записано — редактор предлагается коллективом и утверждается правительством. Написали письмо президенту с просьбой учесть мнение журналистов. Не сработало: собственник газеты — правительство, а редакция даже не имеет прав юридического лица. Так “КП”, а в её лице и всем нам, областным государственным газетам, указали на наше место. Прецедент создан.

Редактором “Казправды” назначен Г. Г. Дильдяев — бывший собкор “Правды”, создавший несколько лет назад газету “АЗиЯ”, в которую привлёк других бывших собкоров “Правды”. Мы знакомы с Дильдяевым и даже однажды выпивали, когда он приезжал от “Правды” в Павлодар.

В Алма-Ате накоротке увиделся с Наташей Баталовой. Вот уж на чью голову все несчастья сыплются: с полгода назад парализовало мать, и теперь Наташа разрывается между ней и больным сыном, из-за которого ей даже пришлось оставить работу, она даже учит его сама дома... Наташа была одной из самых способных журналисток на нашем курсе. Убеждал её взяться за автобиографическую книгу о взаимоотношениях с больным сыном и о том, как она много раз спасала его от смерти...

Посадили картошку в Железинке — в экстремальных условиях: дикий ветер, временами снег... Но мы ведь лёгких путей не ищем...

24 мая

Давно ничего не было слышно о первом павлодарском фермере П. И. Леонтьеве. И вот читаю текстовку к фоторепортажу Николая Кузнецова, переданного для “ЗП”: у Павла Илларионовича в этом году своего рода юбилей — его фермерскому хозяйству исполняется пять лет; сеет горчицу на 100 гектарах — на маслосемена, гречиху — на 140 гектарах. Есть свой “Кировец”, несколько грузовых и легковых машин, маслобойка, передвижной асфальтовый завод, ангар для зерна. Недавно приобрёл американский компьютер последней модели с набором программ для учёта и бухгалтерии. Словом, живут “Леонтьевы” (так называется хозяйство) — уже и внук Роман в помощниках у деда.

Совсем плохи дела на знаменитом ЭТЭК — Экибастузском топливно-энергетическом комплексе. В “Экибастузэнерго” — тяжелейший финансовый кризис — долг потребителей электроэнергии приближается к 100 миллионам тенге. По сути энергетикам не платит почти никто.

Не лучше ситуация в “Экибастузугле”: угольщикам должны 529 миллионов тенге, а они сами — 687 миллионов. Объединение — фактически банкрот. Ко всему прочему железная дорога, повышая тарифы на перевозки, выставила дополнительные условия: она требует с января зафиксировать цену в швейцарских франках. То есть угольщикам придётся приплачивать ещё и за инфляцию.

Ударил по обоим предприятиям президентский указ, ограничивающий зарплату. У энергетиков она составляет сейчас 1300 тенге в месяц, а по новому нормативу должна быть вдвое меньше. Выходит, её надо теперь урезать? То же и в “Экибастузугле” — сложившаяся зарплата составляет 1100 тенге, а по нормативу её следует уменьшить... Люди отсюда буквально бегут. Только за прошлый

год уехало около 400 человек. Как правило, это были работники высокой квалификации, которых попросту нечем заменить.

На ЭТЭК сложился своего рода порочный круг, который, как петля, душит славу и гордость Экибастуза — эти промышленные гиганты. Что делать — никто не знает...

В областном суде закончено рассмотрение дела владельца печально известного “Мегаполиса”, “потянувшее” на сотни миллионов рублей. (Эта фирма брала у других деньги, обещая поставить взамен дефицитные товары народного потребления). Дело, составившее 69 томов, расследовалось больше двух лет 70 (!) следователями Москвы, Алма-Аты и Павлодара и закончилось полным пшиком. Владельца фирмы и его мать (она тоже проходила по делу) обвиняли в хищении государственного и общественного имущества, подделке документов, а самого — ещё и в приобретении, хранении и ношении холодного оружия... По первым двум статьям они оправданы полностью (их дело, оказывается, не уголовное и должно было рассматриваться в арбитраже). Поэтому иски 16 пострадавших предприятий оставлены без движения и вряд ли вообще будут рассмотрены: истцы отлично понимают, что своих денег, которые к тому же многократно обесценены, им не вернуть — дороже станут судебные и прочие издержки...

Что же касается главы “Мегаполиса”, который ровно год находился под стражей (и, как оказалось, незаконно), то ему “припаяли” год лишения свободы — за две сабли, купленные им в магазине. В суде он доказывал, что это сувенир, но судьи его доводы не приняли: сувенирам надлежит быть выставленными на самом видном месте, а эти сабли были спрятаны. Весь этот судейский бред шит белыми нитками — надо было просто “подвести под закон” юридически незаконное сидение обвиняемого в следственном изоляторе...

Я потому всё так подробно описываю, что это дело блестяще характеризует весь тот маразм нашей жизни, которым мы наслаждаемся уже не один год.

25 мая

Данька заканчивает школу. Поступать решил в индустриальный институт, на энергетический факультет. Не потому, что ему уж так дорога энергетика, а отчасти потому, что туда же поступает лучший друг и одноклассник — Вовка Мишуркин. Впрочем, и меня устраивает Данькин выбор: наша область — самая что ни на есть энергетическая, и в энергетиках он без куска хлеба никогда не останется...

Но в вузах сейчас страшный бардак. Всё большую долю студентов стали занимать так называемые “договорники” — те, за кого платят предприятия, готовящие для себя кадры. Таких на эту специальность в этом году набирают больше половины. Попытка вести переговоры с нашими энергетиками на предмет Даньки, но пока ни до чего конкретного не договорился. Не отказывают вроде, но и твёрдо не обещают. Как я теперь понимаю родителей, которые трясутся из-за будущего своих чад — абитуриентов... Дожил...

В “Казахстанской правде” — наш ответ Чемберлену: писатель Иван Щеголихин даёт “полный отлуп” А. И. Солженицыну. В общем, убедительно и во многом соответствует моим собственным настроениям.

А Солженицын на днях после двадцатилетней отлучки возвращается в Россию — через Дальний Восток, на поезде. Это что-то новое, но ведь А. И. часто поступал в своей жизни “не как все”.

Получил в высшей степени неожиданное предложение — стать соучредителем инвестфонда (не редакция, а я лично). Его руководитель говорит, что ничего особого от меня не требуется — разного рода мелкие услуги: консультации, доводка текстов и т. д.

— Так у меня и денег нет, чтобы взнос сделать, — привёл я ещё один аргумент.

— Вы войдёте Вашей интеллектуальной собственностью, — отвечали мне.

— И во что же вы её оцените?

— В десять тысяч тенге.

Я до сих пор в руках не держал столько денег сразу и снова стал отнекиваться... Директор фонда смотрел на меня — как на идиота.

26 мая

Федерация профсоюзов республики подсчитала стоимость минимального потребительского бюджета. Вывод: только его продовольственная часть составляет 1170 тенге в месяц. Для сравнения: средняя зарплата в области составила в марте 642 тенге, в здравоохранении — 290, а у работников культуры — 220 тенге.

В Алма-Ату прибыла российская делегация для подготовки соглашения, максимально облегчающего процедуры переезда граждан России в Казахстан и из Казахстана в Россию и получения ими гражданства.

Пока в правительстве мудрят с очередной антикризисной программой, дальновидные люди на местах показывают, как можно вести дела и в сегодняшних условиях. Главы Экибастуза Р. Ш. Жуматаев и Успенского района В. Д. Глазырин сумели наладить прямые связи города и села, и теперь экибастузские предприятия, перерабатывающие сельхозпродукцию, значительную долю сырья получают из успенских хозяйств. Это крупный рогатый скот, свиньи, молоко. Экибастуз, в свою очередь, снабжает успенцев стройматериалами, углём, бесперебойно обеспечивает электроэнергией.

Идёт подготовка к проведению дней Экибастуза в Успенском районе — с приездом официальной делегации, артистов и спортсменов, организацией большой торговой ярмарки.

Надо будет обязательно дать материал об этой “смычке” города и села, помогающей им обоим выживать...

Редактор аксуской газеты “Новый путь” А. В. Сосновик делится в “ЗП” опытом распространения газеты без участия почтовиков. Когда они в очередной раз задрали цены на свои услуги, газета от их услуг просто отказалась. Дешевле вышло самим нанять людей для доставки газет подписчикам. В городе проблему решили быстро. В село “Новый путь” отправляют с рейсовыми автобусами, а там их встречают нанятые редакцией люди. В малые сёла, где подписчиков совсем мало, газету отправляют в почтовых конвертах, что также дешевле, чем по обычной схеме через почту.

Я тоже не раз собирался “расплевать” с почтой. Но, памятуя о печальном опыте “Рудного Алтая”, редактор которого распрощался с должностью, решив работать без почты (оказалось, не так всё просто, взбунтовались подписчики, неделями не получая газету, и т.д.), всё же не осмелился. Проблема как раз в том и состоит, что мы не сможем сами доставлять газету в самые дальние сёла — за 250-300 километров от Павлодара.

А наши “младшие братья” из Аксу молодцы. И хорошо, что Юра Сакин “раскрутил” Сосновика на откровенный разговор — пусть и наши почтовики задумаются!

30 мая

Весна в этом году совсем одурела. В апреле жара стояла, а теперь — заморозки. Боимся — как бы не помёрзла уже высаженная на даче рассада помидоров и перца. Ольга в сердцах заметила: “Как мы живём — картошка, помидоры, огурцы... На что время и силы тратим?”. — “Это как посмотреть, — мудро ответил я, — там есть хоть какие-то зримые результаты труда в отличие от бесплодной журналистской суеты”.

Торжественно отметили Пашкин день рождения. Он привёл двух друзей, накрыли для них праздничный стол... Всё честь по чести...

Нынешней осенью ему в школу... Я, кстати, помню — как пошёл в первый класс, очень боялся, что не к той учительнице попаду (было два первых класса)... Но мне повезло... Много лет спустя, уже работая в железинской районке, в буран оказался в совхозе имени XIX партсъезда, где жила с мужем моя первая учительница, и квартировал у них из-за непогоды целую неделю. Написал потом об этом новеллу “Буран”.

Повесть в журнале “Нива” о Колчаке. За 70 лет наша пропаганда окариатурила облик этого во всех смыслах незаурядного человека — одни частушки чего стоят. Особенно “зацепила” меня история любви — его и Анны Тимирёвой. Они были вместе до последнего дня — она не захотела оставить его, а ему не дали перед смертью проститься с ней (они сидели в одной тюрьме).

У меня есть идея написать большой цикл новелл “Мужчина и женщина” — о бесчисленных историях любви великих и совсем безвестных людей. Уже скопилось приличное досье, в которое включаю Колчака и Тимирёву. А ещё — на днях умершую Жаклин Кеннеди, жену бывшего президента США, который был не только яркой личностью, но ещё и мужик — не промах. Так что она была не только счастлива с ним, но и хлебнула всякого... Мне непонятно только — зачем она выходила замуж за греческого миллиардера Онассиса? Но это тема для отдельного разговора...

Жаклин в последние годы жила уединённо, работала в издательстве. Судя по всему, она была также незаурядной личностью.

Умер Эрих Хонеккер. Последние месяцы он тяжело болел — у него был рак печени.

Удивительная судьба! При фашистах сидел в концлагере. Выжил и около двадцати лет безраздельно правил в ГДР. Затем, преданный соратниками и “старшим братом” М.С. Горбачёвым, опять сидел — в тюрьме, уже в демократическом немецком государстве. И был отпущен умирать на чужбину. Умер на 81 году, не расставшись со своими идеалами... Как всё же несправедлив и несовершенен наш мир...

Цены всё растут. “Главный” продукт — водка — уже по 39 тенге за пол-литра, а совсем недавно она была по 16.

Верховный Совет потребовал отставки правительства Казахстана и выработки “консолидирующей” (т.е. устраивающей большинство) программы реформ. Парламентарии демонстрируют характер или опять — политические игрища?

31 мая

Публикуем заявление Верховного Совета, который, “отражая волю избирателей... вынужден выразить недоверие социально-экономической политике правительства...”.

Обстоятельный материал Ю. Ковхаева о директоре павлодарского “Вторчермета” Г. А. Мамедове — неугомонном человеке, руководителе нового типа. Десятки лет это предприятие служило, по сути, лишь перевалочной базой для металлолома. Мамедов сумел то, что не удавалось здесь никому, — поставить производство на новые — современные рельсы: произвёл реконструкцию, внедрил ряд технических новшеств, благоустроил территорию; директор повысил плату за металлолом до такого уровня, что сдавать его стало выгодно любому. И на “Вторчермет” потянулись частные лица, с которыми раньше вообще никто не связывался. За сданный ими лом (иные везли его на эту дальнюю окраину города на ручных тележках!) рассчитываются либо наличными, либо талонами на продукты питания — их можно отоварить в магазине “Вторчермета”.

Когда Г. А. Мамедов задумал создать новое — электродное — производство, многие посчитали его прожектёром: тут и без того кругом всё валится, а он — с такими идеями... Но у Мамедова, помимо желания расширить сферу производства, был ещё один — дальний расчёт. То, что электроды — ходовой товар, который всегда будет пользоваться спросом, сомнения не вызывало. Но Мамедов рассчитывал этими самыми электродами “привязать” к “Вторчермету” совхозы и колхозы области. Металлолома у них накопились не десятки даже, а сотни тысяч тонн, но заниматься его сбором и отправкой они не хотели ни за какие деньги. А вот за электроды, без которых в селе ни шагу, повезут — в этом Г. А. Мамедов был уверен.

Как ему удалось, преодолев все трудности, запустить это производство — это целая эпопея... Теперь в работе уже три линии, которые стабильно дают 80 тонн продукции в месяц. К концу года этот объём должен удвоиться, а с вводом второго строящегося корпуса будет производиться ежемесячно 350-400 тонн электродов. Этого количества с лихвой хватит нашей области и соседним регионам Казахстана. Заинтересовались нашими электродами соседи-алтайцы.

Работать во “Вторчермете” стало престижно. Когда Г. А. Мамедов пришёл сюда, числилось 76 человек, теперь — 220. Здесь одна из самых высоких зарплат в городе плюс отличные условия работы — прекрасная столовая, значительная доля продуктов для которой заготавливается своими силами, даже огурцы, капуста и арбузы солят сами... Все работники предприятия застрахованы и дважды в год проходят профилактические медосмотры. Текучесть кадров — близкая к нулевой, а желающих устроиться на работу — хоть отбавляй.

Помимо прочего, Г. А. Мамедов преобразовал предприятие в государственное акционерное общество и добивается независимости от “Казвторчермета”, который, не принимая никакого участия в развитии своего павлодарского подразделения, забирает себе часть его доходов. Мамедову нелегко живётся, но он никогда не жалуется, предпочитая думать и действовать. Хорошо, что такой человек есть в Павлодаре!

Продолжение следует.

**Любовь
Петровна
ГАЛИЦКАЯ**

родилась в Винницкой области Украины 23 августа 1959 года. С 1962 года проживает в Казахстане. Закончила Щучинское педагогическое училище и Петропавловский педагогический институт. С 1985 года по настоящее время работает учителем географии в Чкаловской средней школе № 1 Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. Печаталась в литературных журналах "Нива" и "Провинция". Её стихи вошли в коллективные сборники "Подснежники", "Родники", рассказы, посвящённые целинникам, опубликованы в "Золотой книге Целины", изданной в 2004 году в Петропавловске издательством "Северный Казахстан". В 2007 году удостоена третьей премии в национальном литературном конкурсе "Астана-Байтерек" за разработку сценария государственного праздника, в 2008 году — второй премии в номинации "Произведения для детей".

Старый дом

Догорает огарок свечи,
Превращаясь в бесформенный ком.
Опустел и затих в ночи
Без своих обитателей дом.
Темнота расплзлась по углам,
Нет живого огня в печи...
Ах, какой был весёлый дом!
А теперь, как немой, молчит.
Нет хозяев в живых давно,
Потому и не вьётся дымок,
Не горит ярким светом окно
И не манит к столу пирог.
Разлетелись во все концы
Сыновья, как птенцы из гнезда,
Ах, каким был уютным дом!
Но в него ворвалась беда...
Затворю за собою дверь,
Прогуляюсь в пустынном саду.
Старый дом, не грусти и верь,
Я к тебе не одна приду.
Созову всю свою родню,
Мы накроем, как прежде, стол.
Просыпайся, мой старенький дом,
Посмотри, кто к тебе пришёл!
Внуки, правнуки собрались —
Вся большая твоя родня!
Это в них продолжается жизнь,
Родословная вся твоя!
Значит, будут звенеть голоса
И затеплится в окнах свет.
Сколько нам предстоит рассказать —

Мы не виделись столько лет!
Будут щедро накрыты столы —
Ах, чего на них только нет...
И под яблоней в старом саду
Встретим мы не один рассвет.

Поздняя встреча

Я безумно рада нашей встрече.
Наконец-то мы с тобой вдвоём.
Зажигаю праздничные свечи,
Чтоб уютней было за столом.
Сколько лет не виделись в разлуке,
Сколько бурь над нами пронеслось?!
От волнения вздрагивают руки,
Расскажи: ну как тебе жилось?
Знаю, ты женат, семья и дети,
Да и я ведь замужем давно.
Сохранился с той поры билетик
На сеанс французского кино.
Сохранились в памяти минуты
Наших встреч, прогулок под луной.
Измениться жизнь могла бы круто,
Но расстались мы — тому виной
Та обида, что зловещей тенью
Разум вдруг затмила в один миг.
Наша встреча — явь иль сновиденье?
Может быть, любви ушедшей лик!
Разговор не клеится, впустую,
Воду в ступе зря с тобой толчём.
Ларчик счастья, друг мой, не откроешь
Навсегда утерянным ключом.

Облака

Облака — молчаливые странники.
Где ваш дом, где последний причал?
Чьи вы спутники, чьи изгнанники?
И куда вас за чем кто послал?
То белее крыла лебединого,
То окраски свинцовой темней.
Проплывают над Родиной милою
Караваном больших кораблей.
Паруса ярким солнцем пронизаны,
Неизвестен и долг маршрут.
В небесах под божественной ризою
Облака над землёю плывут.

Рождественская ночь

Рождественская ночь.
Скрип снега под ногами.
Вот ангелы летят,
Шуршат в ночи крылами.

Поет небесный хор
 Красиво, величаво.
 Рождественская ночь!
 Ты волшебства начало!
 Начало торжества
 Над злой, коварной силой.
 Рождественская ночь,
 Так сказочно красива!
 Сияет небосвод
 Алмазными огнями,
 И хочется звезду
 Достать с небес руками.
 Достать и загадать
 Заветное желанье.
 Рождественская ночь!
 Прочь слёзы расставанья!
 Пусть будет хорошо
 Моей земле и детям,
 И яркий свет звезды
 Рождественской им светит!
 Пусть не померкнет он
 Весной и жарким летом.
 Рождественская ночь!
 Сияй волшебным светом!

Мой ангел

Сгораю в пламени любви.
 Я от любви к тебе сгораю.
 Снежинкой хрупкой на щеке
 В одно мгновение растаю.
 Любовь подобна хрусталу,
 Её я трепетно лелею.
 Признаться в том, что я люблю,
 Увы, мой ангел, не посмею.
 У алтаря любви стою.
 Молю хоть взглядом мне ответить.
 Я одного тебя люблю
 Из всех мужчин на целом свете.

Айгерим БАЙДИЛЬДИНА,

студентка 4-го курса Кокшетауского университета

Любить кого-то — это значит
 Смотреть туда, куда и он.
 Любить его за неудачи,
 За крик о помощи, за стон,
 За то, что он помочь не сможет,
 Когда находится вдали.
 Любить кого-то — это сложно,
 И в этом суть большой любви.

Любить кого-то так непросто.
Ещё сложнее любовь продлить.
В любви не задавай вопросов,
Не зная у кого спросить.
Любить кого-то — это то есть,
Незримо рядом быть всегда.
Любовь — неудержимый поиск.
Лет ожиданий череда.
Но тяжело таить под спудом
Её в бесчисленности дней.
Любовь пред светом неподсудна,
Бессилен этот мир пред ней.

О, какая между нами залегла
Тёмная безвременная мгла!
Луч не проникает сквозь окно,
Мне забыть тебя пора давно.
Мне пройти придётся через мглу.
Сделав шаг, остановиться на углу.
Помоги и грусть мою развей.
Назови любимую своей.
Я не слышу снова твой ответ.
Как в душе твоей оставить след?
Твоё сердце холодно как лёд,
Быстротечно, словно птиц полёт,
Но попробуй глубже ты вдохнуть
И с любовью на меня взглянуть.

Надежда

Я надеюсь, ты снова придёшь,
Не забудешь осенние дни,
Когда рядом мы были одни,
И под окнами лился дождь.
Листья падали тихо на землю,
И роса орошала цветы.
Я надеюсь, хотя и не верю,
Что вернёшься когда-нибудь ты.
Постучишь потихонечку в дверцу,
И забьётся-забьётся сердце
От твоих драгоценных шагов.
Всё надеюсь, что снова придёшь,
И я думаю, это не ложь —
В сердце долго храню я любовь,
Так же долго, как ты живёшь.
Ты не думай, что всё это ложь.
Просто мне не хватает слов,
Чтобы выразить это чувство,
Что в душе своей берегу.

Просто страшно, что станет пусто,
 Если вымолвить вдруг смогу,
 Я тебе о любви хоть слово,
 Как же дорог ты мне, — но снова
 Всё понятно без лишних слов.
 Так прекрасны глаза твои,
 Но не вижу я в них любви,
 Так как трудно влюбиться вновь.

г. Кокшетау.

**Наталья
 ЩЕПКО**

родилась в посёлке Краснокутск — ныне Актогай Павлодарской области. С 1986 года живёт в Павлодаре. Окончила педагогический институт по специальности “Русский язык и литература”. Работает в гимназии № 3 для одарённых детей.

Летний вечер

Поздний летний вечер, берег Иртыша —
 Ивы замирают, свежестью дыша.
 С ветерком беспечно шепчется камыш.
 Сумерек прохлада. Благодать да тишь...

В воздухе истома, комариный писк.
 За рекою тает солнца алый диск,
 Появился месяц, очертил дугу.
 Припозднилось стадо — дремлет на лугу.

Летняя соната — ласковый мотив.
 Мне других не надо чужедальних ив —
 Может, они лучше, но не для меня.
 Отчего-то грустно на исходе дня...

Не войду я в тот пустынный дворик

Не войду я в тот пустынный дворик,
 На родное не ступлю крыльцо.
 И ни в радости теперь, ни в горе
 Не увижусь с мамой и отцом.

Не услышу мамин голос тихий
 И отцовский сдержанный смешок...
 Вот отец, надвинув кепку лихо,
 Поутру выходит на порог.

Щурится на солнце и с улыбкой
Говорит про дождь и урожай.
И, легонько притворив калитку,
Он кивнёт — меня не провожай...

Всё равно бегу за ним вприпрыжку
До угла, потом опять домой:
Выпить молока, взять в руки книжку,
Влезть на сеновал — читать взапой!

А когда нагреет солнце крышу
И полуденный наступит зной,
Спустишься на землю, чуть слышав
Голос мамы, близкий и родной.

И теперь мне этот голос снится,
Он хранит меня и бережёт,
Только в детство мне не возвратиться,
И никто его мне не вернёт...

Зачем на небе звёзды...

Зачем на небе звёзды?
Зачем в реке вода?
Зачем в июле грозы,
Зимой — холода?

Зачем язык народу?
Зачем ему душа?
Все беды и невзгоды
Не стоят и гроша,

Когда страдает вера,
Когда подавлен дух,
Когда закрыты двери,
Когда ты нем и глух...

Когда кругом трясина
Запретных грязных слов.
Когда добро бессильно
И торжествует зло!
Как избежать “потопа”
В душе и наяву?
Как бездарю не хлопать,
Не преклонить главу?

Предотвратить как “Трою”?
Сказать: “Народ, восстань!”,
Когда кругом рекою
Свободно льётся брань?

Как истины святые
Сберечь и не забыть?
Быть может, нужно просто
В ладу с собою жить?

Беречь язык и душу,
Воспитывать детей,
Уметь друг друга слушать
В рутине наших дней...

Горят на небе звёзды,
Течёт в реке вода,
Гремят в июле грозы, —
А будет так всегда!

В стены храма...

В стены храма я приду однажды,
Следуя движению души.
Жизни грешной день припомню каждый,
Всё былое переворошив.

И во всём покаюсь в одночасье,
Но боюсь, что не смогу простить
Тех, кто существует безучастно
И не смог прощенья попросить.

Не у Бога, а у тех, кто рядом,
Кто унижен ими и забыт..
Не могу простить, но знаю — надо!
С нами Бог, и Он нас вразумит!

Рафхат МЕНСЕИТОВ

— постоянный автор “Нивы”, предыдущая публикация
— в № 4 за 2008 г. Работает директором юридического
департамента в частной компании. Живёт в Алматы.

Сквозь сомнения, сквозь горе,
сквозь ошибок чёрный ряд
мы идём к вершинам, в горы,
где высокие парят

наши помыслы, стремленья,
наши лучшие мечты —
то, что не бывает бранным,
не дано чему остыть.

То, за что нас в жизни любят
дети, женщины, зверьё.
И за что не приголубят
подхалимы и хамьё.

Сквозь сомнения, сквозь горе,
сквозь запруды все в судьбе
мы идём к вершинам, в горы,
а точнее — домой, к себе...

Почему?

“Скажи мне, скажи мне, почему?” —
человек вопрошает тьму.
Но никто не отвечает ему.

Да и что здесь можно ответить?
Почему иногда мало света
и деревья гнутся от ветра,

а порой над землёй блистает
яркий день, и детишки свистают
всех наверх, чтоб узреть птичью стаю?

Почему мы грустим или плачем
и у Бога просим удачи,
непрерменно хотим быть богаче?

Почему старики умирают?
Почему мы в жизни теряем
тех, с кем в детстве вместе играем?

Почему от любви или дружбы
под напором житейской стужи
остаются не реки, а лужи?

“Почему? Почему? Почему же?” —
мы от боли кричим Богу в уши.
А Он будто не хочет нас слушать ...

Все мы хотим одного
в мире, где холода больше,
чем в Антарктиде: тепла,
чутьочку пониманья.
Все мы хотим одного
в мире, где много зла:
чутьочку доброты,
к душам своим вниманья.

Все мы хотим одного —
собака и человек,
котёнок, что сжался в комок
и жалобно просит пить...
Все мы хотим одного:
чтоб нам не сковало век
от злобы и чтоб паралич
бездушия нас не хватил...

Вожидании дождя

Сегодня вечер такой серый.
Негромкий, тихий он сегодня.
Устали улочки и скверы.
Деревья от тоски безводной

устали тоже. Еле машут
своими пыльными ветвями.
И граждане — собратья наши —
на остановках тихо вянут...

Не дай Бог умереть, когда дети
ещё маленькие твои.
Им на этой огромной планете
не достанет твоей любви.

Они вырастут как-то... Несчастен
будет в детстве земной их удел.
Ведь разделит их жизнь на две части
твоя смерть — этот водораздел.

Они вырастут как-то... Сиротски
будут в детстве сердца их стучать.
Перепуганы будут и кротки
малыши твои. Грусть и печаль

потихоньку в их душах осядут
и залягут, как рыбы, на дне...
Жаль, не будет за ними догляда
твоего — наяву и во сне.

Я живу на земле, чтобы стать человеком.
Чтоб однажды проснувшись, спокойно понять,
что я душу свою чернотой не коверкал
и старался, как мог, всё в ней злое унять.

Наушениям дьявола ввек не внимал я,
уходил, убегал от соблазнов его.
Ведь душа наша — это не ящерка малая:
оторвётся кусок — не воротишь его.

С каждым подлым шажком, с каждым подлым движением
отмирает частица бессмертной души.
А когда на земле завершаем брожения,
мы уходим на суд, где Судья всё решит.

И я думаю, что будет главным критерием
сколько ты сохранил этой самой души...
Умер ты и тебя уж обмыли, обмерили,
схоронили уже, но... не кончена жизнь.

Чёрный кот

Чёрный кот, как привидение,
у моих ворот сидит.
Недовольно смотрит, “где я?” —
взгляд как будто говорит.

Жуткий холод пробирает.
Он весь сжался в чёрный ком.
Исподлобья лишь взирает —
“Я с тобою незнаком”.

Я не знаю, что с ним делать:
пригласить его поесть
или же прогнать? На белом
фоне чёрный он, как весть.

Он в меня вселил тревогу,
этот странный чёрный кот...
Но его не буду трогать.
Лучше пусть он сам уйдёт.

г. Алматы.

Татьяна ОКОЛЬНИЧЬЯ

На войне как на войне...

Отец мой, Окольничий Владимир Георгиевич, родился в 1924 году и был назван Владимиром в честь ушедшего в том году из жизни вождя революции. В армию он был призван в 1942 году и служил на Тихоокеанском флоте в 481-й отдельной технической роте на острове Русском. На фронт он попал в июне 1943 года.

Отца часто приглашали на встречи со школьниками. В то время было принято принимать участников войны в почётные пионеры. Галстуки эти потом достались внукам, которые с гордостью носили их в память о своих дедушках. Отец был из поколения победителей, вынесших на своих плечах самую страшную из войн человечества, устоявших в этой войне. Им было чем гордиться. Они залечивали раны, нанесённые войной. Они строили новую счастливую жизнь для своих детей. Они выжили, и им было всё по плечу в мирной жизни! Я помню эту весёлую энергию, которая исходила от отца и заражала окружающих ощущением радостной силы. Может, от этого, может, в силу природного юмора, а может, оттого, что ему не хотелось вспоминать страшного, в молодости все рассказы отца сводились к описанию разных весёлых, разухабистых историй из фронтовой жизни. Нам с братом в детстве даже казалось, что война — довольно забавная штука. Лишь ближе к пенсионному возрасту отец всё чаще и чаще стал вспоминать погибших товарищей, а в день 35-летия Победы, вернувшись с площади от Вечного огня и помянув в кругу родных своих друзей, он не удержался, и мы впервые увидели, как в уголках его глаз сверкнули едва сдерживаемые слёзы. Я помню, как он тогда сказал: “С расстояния прошедших лет война ещё страшнее, чем вблизи. И не дай вам бог...”

Отца не стало в декабре 1981 года, но, к счастью, осталась тетрадь его воспоминаний с описанием того, где и как он сражался. Тетрадка написана лаконичным языком рапорта. Повествуя о своём боевом пути, он не счёл нужным поведать о фронтовом быте, о человеческих взаимоотношениях, о курьёзных историях, случавшихся с ним и его товарищами. Ведь не только воевали — люди ещё и жили на войне. Солдаты и на фронте оставались ещё и просто людьми со своими характерами, привычками, судьбами и надеждами. К счастью, отец был прекрасным рассказчиком, и потому в памяти близких ему людей сохранились его фронтовые истории, которые легко укладываются в канву его письменного повествования.

Из фронтовых воспоминаний отца:

На фронт я попал в июне 1943 года. Сначала нас привезли в г. Плавск Тульской области. Здесь мы получили технику. Машины были далеко не новые, и чтоб на них куда-то доехать, надо было их ремонтировать. С запчастями было туго. В ремонте приходилось проявлять чудеса изобретательности. Мне это было нетрудно, так как до войны с 14 лет я работал слесарем в “Кузнецстрое” — была в Павлодаре такая организация... Среди нас было много молодёжи, а молодость есть молодость. Непременно находили какого-либо чудака, которого с ведром посылали на склад за компрессией или за искрой, а потом дружно хохотали, глядя на его озадаченную физиономию. Однако шутки шутками, но машины мы ремонтировали на совесть.

Хоть и были мы тогда в большинстве своём необстрелянными бойцами, каждый из нас понимал, что от состояния техники напрямую будут зависеть жизни — и не только наши. Но всё же было нам по 18-19 лет. Лился из палисадников дразнящий аромат летних цветов, с танцплощадки доносилась музыка, и масса девчат разной степени симпатичности только и ожидала, кто бы их проводил до калитки. Расквартированы мы были по частным домам, жили не в казарме, поэтому за особые заслуги в ремонте подвижного состава нетрудно было получить увольнительную. И вот так, допоздна провоя дивчину, возвращаюсь я домой. В доме темно, все уже спят. Вышла хозяйка, поинтересовалась, где это меня допоздна носило, и говорит: “Кралья-то, небось, не покормила тебя, солдатик? Там в русской печке чугунок, в нём картошка. Поешь да спать ложись”.

Отогнул я на окне уголок светомаскировки, полез в печь, достал чугунок, подошёл к окну, стал есть. В окно луна светит, так что ложку мимо рта не проношу, мечу картошку, только треск стоит! Голодный как пёс! Кормили нас не ахти как сытно, поэтому всегда есть хотелось. Ем и думаю: “Картошка — объедение, давно такой не ел. Хозяйка даже шкварок не пожалела!”. По мере того как картошка исчезала, а аппетит становился не таким зверским, как прежде, стал я жевать помедленнее, и тут вдруг почудилось мне, будто что-то во рту пошевелилось. Зажигалку засветил, картошку в руку выплюнул, глядь: а в картошке таракан разжёванный! Думаю: “Ничего себе — шкварка!”. Посветил я зажигалкой в чугунок, а в нём тараканов — десятка полтора носятся по кругу. Видать, хозяйка крышку неплотно прикрыла. Чувствую, замутило меня, а сам думаю, сколько же я этих “шкварок” сожрал? Что делать? Два пальца в рот — и ликвидировать всю эту ситуацию? Но картошки всего-то на дне осталось! И вообще, может, там и впрямь настоящие шкварки были, а таракан, к примеру, хромой попался, с ложки спрыгнуть не успел! И если сгоряча это дело из организма эвакуировать, так до утра с голоду на луну скулить? Поразмыслив немного, я доел остатки картошки и лёг спать. Думаю, если до утра живой останусь, значит, и дальше жив буду. Дальнейшие события фронтовой моей биографии показали, что на фронте даже в отношении еды надо иметь мужество. Всяко приходилось: бывало, еду не подвезут или полевую кухню разбомбят, или в рейде по тылам противника запасы продовольствия кончатся раньше, чем боеприпасы. Тогда уж не приходилось рассуждать, что есть. Так что можно спокойно утверждать, что в умении преодолеть брезгливость тоже таится своеобразное мужество.

Из Плавска на уже отремонтированных машинах мы передислоцировались в район г. Крапивна. Вскоре я попал в 120-й отдельный автобат, который находился на подступах к г. Мценску Орловской области, и работал на подвозе боеприпасов в 3-й армии. Там тогда была линия фронта. Для тех, кто не воевал, названия этих населённых пунктов мало что говорят. Гораздо понятней всё станет, если уточнить тот факт, что в 1943 году фашисты были ещё менее чем в трёхстах километрах от Москвы. Считай, до Москвы было рукой подать. Лишь убедительная победа под Сталинградом определила перевес сил в той войне.

Моё прибытие на фронт совпало с началом летней кампании 1943 года. Наша армия наступала в направлении Мценск, Орёл. После взятия Орла пошли в направлении г. Карачева, где простояли около месяца. Там шли тяжёлые кровопролитные бои. В 1943 году фашист был ещё очень

силён, поэтому под Карачевым нам здорово доставалось от артиллерии и авиации противника. Как-то во время затишья подъехала к нам полевая кухня. Мы все кинулись за едой. Каждому хотелось поскорей поесть, но боец по фамилии Краюшкин оказался возле повара первым. Ещё подростком в начале 30-х годов он пережил голод в Поволжье, и один из всех детей в семье выжил. На съестное у него был особый нюх, безостановочный аппетит и удивительный талант: первому поспевать к раздаче. Получил он свою кашу, тут же рядом с кухней сел на травку, ест и за каждой проглоченной ложкой нахваливает: “Ох и каша, ох и повар у нас! Да вкуснее этой каши разве что только блинчики на масляной да молодка в стогу!”. Солдаты жуют перловку, смеются: “Краюшкину всё вкусно! Хоть бронированная каша, хоть крем-брюле! Дай Краюшкину подмётку от старого сапога — он и её будет жевать да нахваливать!”. Недолго нам пришлось шутить. Не успели ещё все бойцы кашу получить, как в небе появились вражеские бомбардировщики и очень сильно испортили нам картину “Завтрак на траве”. Для начала взрывом опрокинуло полевую кухню, потом самолёты развернулись и стали потчевать нас из пулемётов. Само собой, каждый спасался, как мог. Плядем, Краюшкин на четвереньках вокруг дерева круги нарезает с бешеной силой: от самолёта прячется. Носится он вот так вокруг дерева, но котелок из рук не выпускает, ещё умудряется рукой из котелка зачерпнуть и на ходу жевать. Только мы слегка головы подняли от земли, как “мессеры” опять развернулись и опять нас бомбить стали. Чтобы понять, что такое бомбёжка или артобстрел, это надо самому попробовать! Земля мешается с небом, грохот, уши закладывает — и — полная беспомощность перед смертью, летящей с неба! Тут уж не до геройства. Тут каждый под Богом как голый. Кто мать свою вспоминает, просит защитить, кто Богу молится, кто матом себя подбодряет, причём всё это независимо от партийной принадлежности! Последнее, что мы видели, прежде чем небо стало мешаться с землёй, это взрыв возле дерева, за которым спасался от смерти наш, в общем-то, безобидный и по-своему уютный Краюшкин. Когда бомбёжка закончилась, те, кто остался жив, стали выбираться из своих убежищ, отряхивать с себя землю, вызволять товарищей из-под завалов и помогать раненым. Смотрим, от дерева, под которым Краюшкин прятался, остался пенёк не более метра высотой, а сам Краюшкин лежит ничком в луже крови и признаков жизни не подаёт. Стали его поднимать — дышит! А котелок свой и в беспомысленности к животу прижимает. Да так ему руки свело, что и разжать их не можем. Давай мы тут искать, куда его ранило. Спина, голова, руки, вроде, целые, а галифе всё намочено от крови. Сняли с Краюшкина сапоги, стянули брюки, кровь обмыли — ни царапины! Да что за чёрт? Тут помкомвзвода почесал в затылке, проматерился по полной программе и уже человеческим языком говорит: “Так это ж, братцы, кровавый понос! Эка рядом с ним шарахнуло! Тут немудрено под этим дубом и взаправду “дуба дать” со страху! Ну, молодец Краюшкин! Не зря вокруг дуба на пузе выплясывал. Аккурат-таки успел за стволом спрятаться! От контузии оклемается, придёт в себя — и снова будет давать фашисту прогадиться!”.

Полевой нашей кухне в тот раз меньше повезло: пала она смертью храбрых вместе с нашим обедом. Пришлось нам, у кого было, сухариком утешиться, а кто-то был одной радостью сыт, что в таком аду жив остался. Краюшкина отправили в медсанбат от контузии оправляться, и больше я о нём не слышал.

После взятия Карачева мы с боями пошли на Брянск, Жиздру, Мглин, Попов, Сураж, Клинцы и после взятия городов Краснополье и Чечерск вышли к Днепру в районе г. Рогачёв, где наша армия стала в оборону. Мы шли мимо разрушенных городов и сёл, мимо сожжённых полей и садов, мы шли по земле, обильно политой человеческой кровью. Армии нужны были боеприпасы, армии нужны были продукты, медикаменты, обмундирование, горючее. Железные дороги были разрушены, и на нас, работников автотранспорта, легла ответственность по снабжению армии всем необходимым для дальнейшего наступления. Работать приходилось, не отдыхая по несколько суток. Спали в основном за рулём в местах погрузки. Разгружать же приходилось помогать: надо было быстрее возвращаться за следующим грузом. Техники не хватало катастрофически. Тем более что в 1943 году у фрицев ещё было достаточно авиации, и практически ежедневно при лётной погоде нас бомбили. Места хранения стратегических грузов также подвергались жестоким бомбардировкам. Особенно сильно бомбили нас на станции Унеча. Погибало много водителей и много техники выходило из строя. Поэтому приходилось ездить по ночам, а чтобы не демаскировать себя, ездили с выключенными фарами, почти на ощупь. В ноябре, подорвавшись на mine, я потерял машину, и до февраля 1944 года работал в батальоне на ремонте техники, после чего был откомандирован в штаб армии, возить полковника штаба. Машина мне досталась старенькая, «М-1», капризная, полковник был не менее капризным. Словом, мы не сошлись характерами, я отказался его возить и попросился с этой, может быть, и более безопасной работы в 1071-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский полк, который дислоцировался на плацдарме за Днестром под городом Быхов. Полк стоял в обороне на прямой наводке, это значит, что орудия находились в 300-400 метрах от окопов противника. Здесь за мной закрепили американскую машину «Додж-3/4». На ней я возил командира полка полковника Иванова. 20 июня 1944 года во время разведки боем я вывез его на НП полка (наблюдательный пункт). Во время нашего возвращения в штаб полка в переднее стекло машины попал осколок разорвавшегося неподалёку снаряда. Вскользь чиркнув по моей каске и обдав струёй горячего воздуха, он застрял в обшивке заднего сиденья. При этом осколками стекла мне сильно изранило лицо. Всеми силами рвался я из санчасти в полк, так как ожидалось наступление, и мне хотелось быть в это время в строю, с ребятами, да и к полковнику Иванову я привязался.

Наступление началось 24 июня, из санбата же меня отпустили на день позже. Я принял машину, работавшую на подвозе боеприпасов. Полк наш поддерживал артиллерийским огнём наступление 40-го пехотного корпуса, который наступал на Бобруйск. Мы вышли на 18 километров правее Бобруйска на дорогу Бобруйск — Могилёв, где встретили сильное сопротивление противника. Как потом выяснилось, это была отрезанная от основных сил группировка, которая потом вошла в историю под названием «Бобруйский котёл». В течение нескольких дней полк участвовал в разгроме этой группировки. Особенно сильные бои велись в деревне Белая Церковь на реке Березина, где немцы делали отчаянные попытки прорваться к переправе.

Дальнейший путь полка лежал через г. Червень на Минск, Слоним. В Слониме наш полк был предан кавалерийскому корпусу генерал-лейтенанта Плиева и ушёл в прорыв на линии фронта во вражеский тыл в направлении Барановичи, Ружаны, Брест-Литовск. Этот поход по тылам фашистов

потребовал ото всех его участников большого личного мужества, сил и находчивости. Около месяца мы громили неприятеля, атакая неожиданно, уничтожая живую силу, его технику, склады, атакая там, где нас менее всего ожидали. Было много тяжёлых боев, но больше всего своей ожесточённостью и тяжёлыми, невосполнимыми потерями запомнился бой у села Видомля в 26 километрах от Бреста. Выйдя к реке Западный Буг, наша группировка с боями стала отходить на север в сторону города Высоко-Литовска в Беловежские леса, поскольку боеприпасы, продовольствие и людские силы были на исходе. Когда мы соединились со своими частями, многие из нас получили награды за эту операцию, а одному было присвоено звание Героя Советского Союза. После взятия Бреста полк был выведен на отдых и пополнение сначала под Брест, а позднее мы переехали в Польшу под г. Менджинец. За летнюю кампанию в тылу врага и взятие Бреста наш полк к началу зимнего наступления получил звание Брест-Литовского.

После отдыха и пополнения полк стал на плацдарме за рекой Висла левее Варшавы в районе города Козенице, где и стоял до зимнего наступления в январе 1945 года. То, что полк не двигался вперёд, не говорит о том, что он бездействовал. Во время этого “стояния” шла напряжённая подготовка к наступлению. Ощетинясь всеми видами вооружений, врывшись в землю, противники находятся в напряжённом состоянии перестрелок, скрытых перемещений сил, в простукивании слабых мест друг друга, в постоянной готовности к рывку.

Во время пополнения мне достался “Хорх”. Машина была трофейная (отбитая у немцев), почти новая, и возил я на ней полковую разведку, которой командовал капитан Плотников, а заместителем у него был старший лейтенант Корнев. Чаще всего я довозил разведку до нужного места вблизи передовых позиций полка и они, замаскировавшись, наблюдали за перемещениями врага, корректируя по связи работу нашей артиллерии, но бывали и ночные рейды в тыл противника с разведкой и для взятия “языков”. Среди разведчиков было много умных, находчивых и храбрых ребят. Многие из них в той или иной степени владели немецким языком, и я буквально на лету впитывал эти знания. К русскому, украинскому и казахскому языкам, которыми я владел до войны, постепенно прибавлялся немецкий. От разведчиков я научился приёмам рукопашного боя, искусству маскировки, ориентации на местности. Все эти знания много раз выручали меня как во фронтовой, так и в мирной жизни.

В январе 1945 года, в кампанию зимнего наступления, наш полк поддерживал 11-й танковый корпус генерала Ющука. В первый день наступления на г. Радом после окончания артподготовки я вывез разведку до первых немецких траншей. Через траншею нельзя было проехать и пришлось ждать, когда сапёры сделают проход. В это время подошла колонна танков “Т-34” и тоже остановилась в ожидании прохода. Передовой танк стоял в метрах пяти от моего транспортёра. В люке был виден механик-водитель, лицо которого мне показалось знакомым. Тот тоже обратил на меня внимание и спросил: “Ты откуда будешь, парень?”. Я узнал его по голосу и ответил: “Да оттуда же, откуда и ты — из Павлодара!”. Он выскочил из люка, мы обнялись, обрадовавшись такой внезапной встрече. Это был мой земляк Щипов Игорь Васильевич. Оказалось, что мы служили в одном корпусе, только в разных частях. Поговорив минут пять, нам пришлось расстаться. Проход в траншеях был готов, и я должен был ехать дальше за своей разведкой. (Впоследствии мы не

раз встречались с ним в боях. После войны И. В. Щипов работал на тракторном заводе, и мы с ним не раз встречались в мирное время).

За взятие города Радом, который нам дался в результате тяжёлых и упорных боёв, полку в приказе Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность. Затем, взяв города Кутно, Тамашув, Лодзь и обойдя стороной г. Познань, мы двинулись дальше, имея цель как можно быстрее выйти на границу Германии. Мы рвались вперёд. Каждому хотелось как можно скорей ступить на вражескую землю и громить врага на его территории.

Польско-германской границы мы достигли в районе городка Бомст. Здесь была моя последняя разведка. Я вывез разведчиков на передовую к небольшой деревеньке. Ребята ушли, а я, замаскировав свой “Хорх”, стал ждать их возвращения. Вдруг, ближе к утру, стрельба, грохот, кругом мины рвутся! Ну, думаю, ребята с боем прорываются! Схватил автомат, выскочил из машины. Вижу — танки! Немец поёр на прорыв! Кинулся к машине — куда там! Машину мою взрывом перевернуло. Да и не уйти на машине: место открытое — вмиг расколошматят! Что делать?! За танками пехота лезет как вши. В домах, в сараях прятаться бесполезно — найдут. Куда деваться? Смотрю, на окраине деревни дома разрушены, а туалет целый стоит — и как бы на отшибе. Я туда. Сооружение старое, щелястое, но выбора нет. На бегу схватил несколько досок на случай, если в яму нырять придётся. Дверь закрыл, в щели выглядываю. Тут рядом с моим убежищем снаряд рванул — наши по танкам шарахнули. Крышу на туалете как ножом срезало. Нет, думаю, тут медлить нечего, надо опускаться вниз. Оторвал доску в полу, покидал захваченные с собой обломки и прыгнул в яму. Благо, стояла зима, и жижа в туалете замёрзла достаточно для того, чтоб мне не провалиться. Сверху оторванной от пола доской прикрылся на случай, если какому аккумулятивному фрицу в моё заведение наведаться приспичит. Утром бой стал удаляться, но кругом были немцы, и мне пришлось просидеть в туалете весь день, стуча зубами от холода. Когда стемнело, я осторожно вылез из своего убежища и где ползком, где бегом по полю ринулся в ночь — как в копейку. Сунулся туда-сюда — немцев везде как маку насыпано! Невдалеке слышно, как идёт бой. Немцы силы в прорыв подтягивают. Однако наша артиллерия жарит — дай Бог! Ну, думаю, дорогие фрицы, это вам не 41-й год, далеко не уйдёте! Сориентировался, как мог, и пошёл. Ближе к утру гляжу, вроде немцев не видать. На душе немного отлегло, зато есть захотелось — мочи нет! Вторые сутки я был без еды, но ощущение опасности заглушало чувство голода. Тут гляжу, лошадь лежит — то ли дохлая, то ли убитая — попробуй разберись. Наковырял штыком мёрзлой конины, понюхал, попробовал — вроде не тухлая. Костерок бы развести, мясо поджарить! Нельзя: бог весть, кто на огонёк пожалует, но поесть необходимо. Погрыз мёрзлой конины, ещё и с собой кусок захватил и дальше пошёл. Проплутал ещё ночь. Наутро, наконец, встретил своих — вышел за два дня скитаний в тыл соседней части. Я к ним: “Ребята, привет! Какой части?”. А они: “А ты кто такой?”. Я докладываю, а лейтенантик, шуплый такой — ну прям хорёк в очках — кричит: “А чем ты докажешь, такой-сякой мамин сын, что ты не шпион и не диверсант?!”. Я как могу, объясняю ситуацию, а меня и слушать не хотят. Лейтенант кричит: “Этого в особый отдел! Там разберутся, из какого места у него рога растут!”. Ну, думаю, вот тебе и на! Из огня — да в полымя! Привели на хутор, завели в избу, доложили. Допрашивали не более пяти минут, и — к расстрелу! Как шпиона и диверсанта! Я кричу: “Товарищи! Да что ж вы

делаете? Позвоните в 1071-й полк! Вы ж безвинного человека расстреляете!”. Фамилии командиров называю — без толку! Погоны сорвали, ремень сняли, прикладом в шею: “Шагом арш!”. Вывели во двор. Говорю солдатам, что вели меня: “Раз такое дело, исполните последнюю просьбу: не стреляйте меня во дворе. Людям здесь жить. Что ж им теперь всю жизнь помнить, как у них во дворе человека убили? Зачем мне мёртвому тут у всех под ногами валяться?! Выведите за хутор, там и стреляйте”. Повели меня. А я вокруг гляжу, на небо гляжу. Солнце вышло, потеплело — и так обидно, так жить охота, что в душе не страх, а ярость кипит: “Сколько раз под смертью ходил, так то ж враги были! А тут от своих позорную смерть принять придётся!”. И вот уже за угол заворачиваем. Ну, думаю, всё! Отходился ты, Вовка, по этой земле”. И тут прямо из-за угла — машина! Резко по тормозам! Шофёр выскакивает, кричит: “Володька, ты что? Куда это вы его, ребята? В чём дело?”. Я гляжу, глазам не верю: передо мной бывшая моя машина “М-1”. Полгода назад я на ней в штабе армии полковника возил! Меня водитель узнал. Я ему эту машину в начале весны передавал. Мы с ним почти земляками оказались. Он был откуда-то с Алтая. Мы тогда, помнится, передачу машины очень даже прочувствованно обмыли из НЗ, который всегда хранится у всякого уважающего себя солдата во фронтовой фляжке. В машине ехали офицеры, которые меня помнили. В общем, разобрались, отменили приговор и вернули меня в родной полк. К моему возвращению прорыв немецкой группировки ликвидировали. Разведчики мои вернулись с задания. Нашёл я и свою машину. Верный мой “Хорх” был “ранен” и не подлежал ремонту, поскольку не было на него ни запасных частей, ни времени для ремонта. Пришлось его оставить, но расставался я с ним, как расстаются с близким человеком. Впрочем, стоило ли жалеть о машине, когда рядом гибло столько молодых и сильных людей!

Меня перевели в первую батарею, которой командовал капитан Джахаев. Там ранило водителя, и я принял машину “Студебеккер”, которая возила оружие. После взятия г. Целихау мы двинулись к Франкфурту-на-Одере. Франкфурт взять с ходу не удалось, и наши войска стали в оборону. В это время танковый корпус, в том числе и наш полк, были переброшены на Кюстринский плацдарм, который был очень маленький в глубину — всего 5-6 км и весь простреливался артиллерией противника. Кроме того, в г. Кюстрине находились отрезанные от основных сил фашистские войска. Таким образом, советским войскам, стоявшим на плацдарме, приходилось держать оборону и с фронта, и с тыла. Мы несли большие потери, но держались изо всех сил: плацдарм был залогом дальнейшего наступления. В конце марта — начале апреля группировка, оказывавшая нам сопротивление, была уничтожена, и мы стали ждать наступления на Берлин. В это время вернулся водитель, которого я замечал, и меня направили в распоряжение штаба дивизиона.

14 апреля 1945 года началось наступление на Берлин. Наш корпус наступал на так называемые Зееловские высоты. Перед нами находились возвышенности. На такой пересечённой местности очень удобно держать оборону, но наступать очень тяжело. Поэтому в первый день, несмотря на мощную артподготовку, длившуюся несколько часов, выбить фашистов из г. Зеелов и занимаемых высот нам не удалось. Только к исходу второго дня мы выбили врага с занимаемых позиций. Однако развить решительное наступление мы не смогли. Немец цеплялся за каждую деревушку, лесок,

холмик. 80 километров было от Кюстрина до Берлина, и эти 80 км мы одолевали 8 суток. Бои шли днём и ночью.

Наш полк поддерживал одну из танковых бригад 11-го танкового корпуса. 22 апреля наше подразделение вышло на окраину Берлина, и начались бои за город. Наступал наш полк по улице Росфрантфуртштрассе. Дойдя до площади, мы устремились в одну из пяти улиц, выходящих на площадь. Пройдя по ней три квартала, мы упёрлись в канал и там остановились, поскольку наступила ночь. Утром мы были разбужены близкими взрывами. Начался бой, в результате которого часть войск, в том числе и наш дивизион, были отрезаны от основных сил и вынуждены были занять круговую оборону, отвлекая на себя часть вражеских сил. Заняв первые этажи и подвалы (вторые этажи были нейтральными), мы вели бой с немцами, находившимися на верхних этажах. Позиции противника были намного удобнее наших, поскольку вести наблюдение и поражать замеченные цели сверху намного лучше. Особенно они нас донимали фаустпатронами. В первые же часы в узких улочках была выведена из строя почти вся наша техника: танки, автомобили, орудия, бой пришлось продолжать с помощью автоматов, пулемётов, пистолетов и гранат. Однако, несмотря на это, положение фрицев было отчаянным: деваться им было некуда, поэтому они сражались как звери. Мне было приказано доставить боеприпасы в дом напротив. Улица вся простреливалась, и двое наших солдат, посланных до меня, были убиты при попытке пересечь улицу. Пришла моя очередь. Положение отчаянное. Умирать накануне победы кому хочется? Я прикинул в уме, как бы и приказ выполнить, и живому остаться?! Смею заметить, что на войне безрассудную храбрость проявляли только круглые дурни. Поэтому прежде, чем идти, я подумал, как бы мне перехитрить свою пулю — ту единственную, последнюю, за которой мрак и пустота, ту свою смертельную пулю, от которой Господь хранил меня столько дней и ночей. Вот я и подумал, что по прямой улице, конечно же, перебежать короче, однако спрятаться при этом негде. Не успеешь достичь и середины, как фриц нажмёт на спусковой крючок своего автомата. Вон левее посреди улицы подбитый танк стоит, гусеницу размотал. Выбрал окно, так, чтобы к танку поближе оказаться, и когда наши открыли плотный огонь по верхним этажам, я с двумя коробками патронов ринулся в улицу как в прорубь. Влетаю под танк, а в поясницу будто кто горячие гвозди один за другим вбивает! Ну, думаю, отпрыгал, парень! Вполз под днище танка, чувствую: ноги будто двигаются, значит, позвоночник цел, да и боль в спине терпимая. Повезло мне и на этот раз: автоматная очередь ударила в танк и уже рикошетом мне в спину. Так что боеприпасы ребятам я вовремя доставил. Пули из спины мне потом выковыряли, но шрамы, похожие на большие оспины, на память о битве за Берлин остались. Через два дня мы соединились с основными силами, но поскольку почти вся наша техника была сожжена, то дивизион вывели из огня. Во время этого последнего боя я потерял двух своих близких и дорогих мне товарищей старшего лейтенанта Павла Контрина и старшего сержанта Евгения Комякова.

В Германии я оставался с Советской группой войск до осени 1947 года. Был и шофёром, и переводчиком, и комендантом складов. Объездил полстраны, но это уже другой рассказ. Мои боевые награды: орден Красной Звезды, солдатская медаль “За отвагу”, медали “За взятие Варшавы”, “За взятие Берлина”.

г. Павлодар.

Александр ВЕРВЕКИН

“В степном краю взращённая душа...”

С 7 по 9 декабря минувшего года в Павлодаре проходили торжества, посвящённые 100-летию Павла Васильева, — замечательного поэта, чьи детство, начало творческого пути и важнейшие литературные шаги состоялись в этом городе на Иртыше.

Цветы к бюсту

С. Сосновский, С. Анучина и С. Гронская в Доме-музее П. Васильева.

На юбилейных мероприятиях побывали не только павлодарцы, но и много гостей из других городов Казахстана и России. 7 декабря состоялось возложение цветов к бюсту Павла Васильева во дворе Дома-музея поэта. В этой церемонии приняли участие начальник управления культуры Восточно-Казахстанской области Махмут Тайкенов и его коллега из Павлодарской области Канат Каримов, а

также специально приехавшие в Павлодар внучка поэта Светлана Анучина из Рязани, племянница его жены Елены Вяловой, ответственный секретарь комиссии по творческому наследию П. Васильева Светлана Гронская из Москвы, двоюродный племянник писателя Сергей Сосновский из Усть-Каменогорска, главный редактор журнала “Нива”, поэт Владимир Гундарев из Астаны и другие гости.

Павлодарский музей П. Васильева — единственный в мире музей, носящий имя этого поэта, несмотря на то, что Павел родился в Зайсане и славу нашёл далеко от этих мест — в Москве. Тем не менее традиционно последний месяц каждого года в культурной жизни павлодарского Прииртышья считается васильевским, и павлодарцы этим гордятся.

На весь мир — через эфир

В тот же день в областном художественном музее торжественно открылась фотодокументальная выставка к столетию Васильева. В её презентации приняла участие и выступила заместитель акима области Рысты Жумабекова. Здесь экспонируются около 140 предметов: фотографии П. Васильева, в том числе детские, опубликованные стихи, издания о нём, воспоминания, статьи, книги васильеведов, письма и другие ценные вещи из фондов государственного архива Павлодарской области. Заметное место на выставке занимают огромный портрет П. Васильева, который обычно висит в читальном зале центральной городской библиотеки имени П. Васильева, работы павлодарского художника

Александра Бибина, а также 24 офорта, созданные по произведениям поэта другим художником, страстным почитателем его поэзии Виктором Поликарповым.

Впервые широкой аудитории представлены уникальные документы о жизни и творчестве поэта, найденные павлодарскими архивистами в фондах госархива и центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. Директор павлодарского облархива Каншайым Макажанова отметила, что специалисты нашли актовую запись (она есть на выставке) от 8 сентября 1906 года о бракосочетании родителей поэта Николая Васильева и Глафиры Ржанниковой.

Здесь можно увидеть документы 1937 года о расстреле молодого поэта — тогда ему было всего 27 лет. По представленным фотографиям можно узнать не только, как выглядел, одевался П. Васильев, но и получить представление о его окружении, об облике Павлодара в десятилетия-двадцатые годы прошлого столетия. Уголок в стиле “васильевского” времени оформлен при помощи экспонатов областного музея имени Г. Потанина: старинных стульев, стола, разложенных на нём газет “Свободная степь” 1917, 1918 годов, “Советская деревня” 1929 года и даже живых гераней — любимых цветов писателя.

На вернисаже с собственным стихотворением выступил Борис Исаев (он же поэт Василий Луков), который оказал поддержку при строительстве Дома-музея П. Васильева, ещё будучи председателем облсовета народных депутатов. Историк-краевед, профессор Мария Тереник предложила все документы и произведения искусства, выставленные на этой экспозиции, опубликовать в одной книге. Композитор Александр Амосов исполнил свою песню, посвящённую поэту.

Эту ретроспективную выставку подготовили сотрудники областного управления архивов и документации при содействии художественного музея, областного историко-краеведческого музея имени Г. Потанина, центральной городской библиотеки имени П. Васильева, а также домов-музеев П. Васильева и Н. Шафера.

Ещё одна интересная деталь. В этот день члены филиала Казахстанской федерации радиоспорта и радиолюбительства по Павлодарской

области передали в эфир по всему миру информацию от областного управления архивов и документации о том, что в Павлодаре открылась такая выставка. Они обратились к таким же радиолюбителям и слушателям в других странах и на других континентах: “Кто знает Павла Васильева, откликнитесь!”.

Говорят потомки Васильева

Сразу после открытия этой выставки состоялась встреча гостей с павлодарской интеллигенцией и писателями в центральной городской библиотеке имени П. Васильева, в литературном салоне которой к тому времени уже открылась выставка книг, посвящённых поэту.

На этом мероприятии побывали первый директор Дома-музея П. Васильева Лидия Бунеева из Калининграда, которая жила в Павлодаре и руководила учреждением до 1998 года, главный библиотекарь, хранитель зала-музея П. Васильева в библиотеке его имени Наталья Васечко из Рязани; доктор филологических наук Валерий Хомяков, защитивший диссертацию по П. Васильеву, из Омского государственного университета имени Ф. Достоевского; доктор филологических наук, профессор кафедры языковой подготовки Казахстанского филиала Московского государственного университета имени М. Ломоносова Татьяна Кривошапова и главный редактор журнала “Нива” Владимир Гундарев из Астаны; васильевед Евгения Рыбченко из Семей и другие гости, близкие поэту люди. Каждый из васильеведов рассказал о результатах своих интереснейших, любопытных исследований его жизни и творческого наследия.

— Безусловно, мы будем ещё открывать новое, тем более что ранее засекреченные архивы стали доступными для исследователей относительно недавно, — сказал В. Хомяков. — Но ничего сверхнового, никаких “неоткрытых” поэм П. Васильева уже отыскать не удастся — можно находить только отдельные стихи. А мы, васильеведы, должны добиваться издания полного Васильева: его стихов, переписки и фотодокументов.

Внучка П. Васильева С. Анучина, как выяснилось, тоже обладает поэтическим даром, отлично владеет французским языком и переводит с русского произведения своего знаменитого деда. Прочитав несколько его стихотворений, она продемонстрировала, как звучат стихи П. Васильева на французском в её переводе. Двоюродный племянник поэта С. Сосновский признался, что он и его родственники ощущают некоторую ответственность, чтобы соответствовать таланту своего деда. Сам Сергей Юрьевич часто берёт в руки сборники стихов П. Васильева. Его любимые произведения — поэмы “Соляной бунт” и “Синицын и Ко”.

Редактор республиканского литературного журнала “Нива” В. Гундарев на этой встрече продемонстрировал сигнальный номер декабрьского выпуска журнала “Нива”, в котором опубликована статья павлодарского литературоведа и музыковеда, профессора Наума Шафера “Максим Горький и Павел Васильев (К проблеме контекста в литературе и жизни)”. Редактор журнала всем рекомендовал её прочесть, сказав: “Такого ещё не было. Наум Григорьевич расставляет все точки над і во всех домислах и искажениях, потому что каждый по-своему интерпретирует взаимоотношения двух великих художников”.

Л. Бунеева, до отъезда в Калининград проживавшая в Павлодаре, вспомнила, что раньше подобные встречи в литературном салоне

центральной городской библиотеки проходили очень часто, и в них непременно участвовали поэты из литобъединения имени П. Васильева: Сергей Музалевский, Марат Динерштейн, Дмитрий Приймак и другие.

“Он наш, казахстанский...”

8 декабря в Павлодарском государственном университете имени С. Торайгырова прошла международная научно-практическая конференция “Наследие Павла Васильева в его ретро- и перспективном окружении”. Её открыл ректор ПГУ, доктор экономических наук, профессор Ерлан Арын. До начала пленарного заседания был показан видеофильм о жизни и творчестве этого поэта.

Как отметил ректор, “участники этой конференции постарались говорить открыто на многие темы и дать ответы на разные вопросы, в том числе: почему творчество поэта, прожившего всего 27 лет, до сих пор волнует новые поколения, чем оно самобытно, сумели ли мы, земляки, воздать ему по заслугам, можем ли мы передать оставленное Васильевым наследие поколениям, идущим за нами?”. От имени общественности Е. Арын выразил благодарность Л. Бунеевой и Л. Кашиной за огромный вклад в изучение творчества П. Васильева, в сохранение наследия поэта. Он также напомнил о людях, стоявших у истоков васильеведения в Павлодаре, в частности, о поэте, журналисте, основателе и первом председателе литобъединения имени П. Васильева Сергее Музалевском, открывшем имя этого поэта нашему городу, а также отметил изучающую творческое наследие этого писателя поэтессу и журналиста Ольгу Григорьеву и художника Виктора Поликарпова за его серию графических работ к поэзии П. Васильева.

Вскоре ПГУ отметит своё пятидесятилетие. В плане мероприятий, посвящённых юбилею, значительное издание сборника произведений русскоязычных поэтов. Такое предложение внесли члены творческого совета ассоциации выпускников университета. Ректор ПГУ заверил, что руководство вуза поддержит начинания молодых писателей и журналистов, издав мощный альманах их работ, посвящённый памяти П. Васильева.

Владимир Гундарев в своём докладе рассказал о том, какие публикации в журнале “Нива” за время, прошедшее после празднования девяностолетия П. Васильева, были посвящены ему. Самая первая из них — главы книги “Будет вам помилованье, люди...” павлодарского писателя, журналиста Сергея Шевченко с фотоиллюстрациями, предоставленными Домом-музеем П. Васильева. Кстати, В. Гундарев — единственный в Казахстане лауреат республиканской премии имени П. Васильева. А всё потому, что через год-два после вручения ему этой премии распалась ассоциация “Эдельвейс”, учредившая её. Но то, что он единственный в нашей стране её лауреат, по личному признанию Гундарева, его ко многому обязывает. Сразу после выступления редактора “Нивы” ректор ПГУ Е. Арын поддержал его предложение вновь учредить университетом и Домом-музеем П. Васильева литературную премию, которая будет вручаться ежегодно в годовщину поэта. (А В. Гундарев позднее предложил учредить также премию имени Султанмахмута Торайгырова). Идея Е. Арына сразу получила одобрение со стороны павлодарских литераторов. Е. Арын попросил участников конференции оперативно поработать и уже к её окончанию предложить кандидатуры.

На конференции выступил председатель холдинга “Финансовая корпорация Сеймар-Альянс” Сакен Орынбекович Сейфуллин из Алматы — правнук основоположника современной казахской литературы, писателя Сакена Сейфуллина. “Павел Васильев — уникальный человек и наша гордость, — сказал он. — Судьба так распорядилась, что последним словом, которое он вывел на бумаге дрожащей рукой в застенках НКВД перед расстрелом, было “Сейфуллин”. Васильев — писатель мирового масштаба, но он наш, казахстанский...”.

9 декабря в школе-гимназии № 9, где уже несколько лет работает музей павлодарской литературы имени П. Васильева, которым руководит педагог Галия Байкенова, состоялась встреча учащихся с гостями мероприятий, посвящённых столетию знаменитого писателя. Кстати, здесь добрым словом вспоминают Лидию Бунееву и хранят подаренные ею экспонаты, посвящённые поэту, потому что такой музей появился в школе благодаря активной пропаганде его творческого наследия, а вела эту работу Лидия Григорьевна.

... По словам васильеведов, в эти дни мероприятия, посвящённые вековому юбилею П. Васильева, проходят в московском Доме литераторов, в Улан-Удэ и в Сургуте.

*... Ой и долог путь к человеку, люди,
Но страна вся в зелени —
по колени травы.
Будет вам помилованье, люди, будет,
Про меня ж, бедового, спойте вы...*

“Протяни мне, Родина, ладони свои!”

Вечер памяти П. Васильева под таким названием прошёл в городском Дворце культуры имени Естая. В нём приняли участие гости из Москвы, Рязани, Омска, Калининграда, Астаны, Усть-Каменогорска и Семей, участвовавшие в мероприятиях, посвящённых столетию поэта. На вечере присутствовал аким области Б. Сагинтаев.

На вечере выступила группа “Спасибо” с песней о П. Васильеве (автор слов и художественный руководитель коллектива Виктор Баланюк). Постановку по мотивам поэмы “Соляной бунт” сыграли артисты русского драмтеатра имени А. Чехова и хор казаков “Иртышская линия”. Композитор Александр Амосов исполнил авторскую песню на стихи поэта под собственный аккомпанемент на рояле. Выступили другие артисты и творческие коллективы.

Если на предыдущих мероприятиях, посвящённых юбилею поэта, было много сказано о самом П. Васильеве, то здесь как никогда в изобилии

прозвучали его произведения: любовная лирика, отрывки из поэм, переводы, гражданская поэзия, знаменитые, малоизвестные произведения и даже отрывки из личных писем. Им была посвящена значительная часть вечера, и они были гармонично скреплены короткими эпизодами, во время которых ведущие концерта рассказывали о жизни их автора и его трагической судьбе, о его любви к женщинам, о творчестве и не только. Сказать, спеть, показать и прочесть так много о великом поэте за полтора часа концерта всегда невероятно сложно. Но это удалось сделать грамотно и красиво благодаря Любви Кашиной, директору Дома-музея П. Васильева, организатору, автору сценария этого вечера и всего большого цикла мероприятий, посвящённых столетию писателя, а также ре-

жиссёру концертной программы К. Хамзиной. Главными чтецами произведений поэта на концерте были Иван Кандыбаев и Журмахан Доспаев.

Председатель славянского культурного центра Татьяна Кузина зачитала приветственный адрес от имени Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Казахстане Михаила Бочарникова.

— Именно в Павлодаре состоялись главные жизненные и эстетические университеты Васильева, — сказала она. — По словам самого поэта, “не матери родят нас — дом родит”. Его родным домом стало всё огромное пространство Евразии. Всё новые поколения восторгаются мастерством Павла Васильева. Значительная заслуга в этом — творческого коллектива Дома-музея П. Васильева и всех жителей павлодарского Прииртышья. Попечительская деятельность по сохранению, исследованию и широкой пропаганде литературного наследия П. Васильева заслуживает особой признательности не только земляков, но и всех ценителей русской поэзии, русской культуры мира. В эти дни посольство России выражает надежду на продолжение музейной и просветительской деятельности.

На этом вечере вспомнили и первого в Казахстане васильеведа Сергея Музалевского, открывшего имя П. Васильева павлодарцам и основавшего литобъединение, которое сегодня носит имя поэта.

За гостеприимство, которым в дни пребывания в Павлодаре были окружены гости из России, акима области поблагодарила внучка П. Васильева Светлана Анучина. Она прочла со сцены авторский перевод одного из стихотворений своего деда на французском языке. Приветственный адрес павлодарцам от литературной общественности Москвы за подписью

председателя исполкома Международного сообщества писательских союзов Юрия Бондарева зачитала племянница жены П. Васильева Елены Вяловой, ответственный секретарь комиссии по творческому наследию поэта Светлана Гронская. С экрана был показан видеосюжет, в котором о поэте и обо всех людях, благодаря которым жива память о нём, рассказала дочь П. Васильева Наталья Фурман...

Днём раньше на научно-практической конференции ПГУ имени С. Торайгырова и Дом-музей П. Васильева учредили ежегодную республиканскую литературную премию имени этого поэта. На вечере ректор вуза Е. Арын вручил эти премии и дипломы лауреатов первому директору Дома-музея П. Васильева Лидии Бунеевой, поэту, члену Союза писателей Казахстана, почётному члену литобъединения имени П. Васильева Виктору Семерьянову и профессору ПГУ Светлане Шаймардановой, около 30 лет изучающей творческое наследие этого поэта.

Знаменательно, что к 100-летию выдающегося русского поэта, с такой трепетной любовью отмеченного в Павлодаре, был приурочен выпуск собрания сочинений Павла Васильева в двух томах (тираж отпечатан в Алматы). Это издание, подготовленное и составленное Л. Кашиной и Э. Мерц, является наиболее полным собранием сочинений П. Васильева. В него вошли: детские и ранние стихотворения, прижизненные публикации в газетах и журналах, рукописные стихи, переводы, поэмы, письма, художественная очерковая проза, неоконченные произведения, часть которых публикуется впервые.

В предисловии к первому тому аким Павлодарской области Бакытжан Сагинтаев, говоря о Павле Васильеве, отмечает: “Уникальный поэт, который одним из первых воспел Казахстан в советской поэзии и который, по словам Бориса Пастернака, “безмерно много обещал”, сумел рассказать о своей малой родине, павлодарском Прииртышье, с такой же силой, любовью и талантом, как это было сказано Сергеем Есениным — о рязанской земле, Михаилом Шолоховым — о Доне”.

Подчеркнув, что “своей жизнью и творчеством Павел Васильев объединил две культуры, две духовности — европейскую и азиатскую, два народа — казахский и русский, внёс огромный вклад в развитие культуры Казахстана и России”, автор предисловия заключает: “Гений Павла Васильева освещает путь к добру, миру, межнациональному согласию на нашей казахстанской земле, так любимой поэтом. И пусть яростные строки поэта-бунтаря и яркие переливы чувств тонкого лирика звучат во все времена и находят отклик в сердцах казахстанцев, а его имя золотыми буквами будет вписано в историю и культуру нашей страны”.

Прошедшие в Павлодаре торжества, посвящённые 100-летию Павла Васильева, подтвердили, что кудесник самоцветного слова остаётся поэтом на все времена.

Фото Ольги ГРИГОРЬЕВОЙ и Валерия БУТАЕВА.

Аргынбай БЕКБОСЫН,
 экс-депутат Верховного Совета и Парламента РК,
 почётный гражданин Жамбылской области и Байзакского
 района, лауреат премии Конфедерации журналистов стран СНГ

Туймекент, родной мой Туймекент..

*Записки бывшего ученика
 “Красной школы”*

I

Интересный характер у нашей реки Талас, берущей начало где-то в снежных вершинах каменных громад седоглавого Алатау. То, гневно грохоча, образует из своих строптивых волн белопенистые буруны, которыми буйно подмывает оба берега, то, тихо и мирно клокоча, играючи создаёт немислимое, только ей самой понятное переплетение из тысяч мелких и тонких струй. Не только интересный, но и сложный характер. Наверное, это потому, что она является и горной, и степной рекой одновременно.

Не менее интересно и очертание её русла. Извилистое, с бесчисленными изгибами. Только по своему усмотрению сделала она его таким, наверное, тысячи, а может, миллионы лет назад, пробиваясь сквозь бесконечные барханы песков Мойынкумы. И в этом своём вечном стремлении будто делает глубокий реверанс древнему сказочному городищу Туймекент, огибая его с западной стороны.

Туймекент.. Вот он — гряды безмолвных курганов, по велению времени превратившиеся в бесформенные бугры, холмы. Они даже этим молчаливым и загадочным видом своим перед мысленным взором любознательного путника открывают пространную картину древнего города Востока с его базарами и караван-сараями для торговых людей и дервишей из разных стран, находившегося на Великом шёлковом пути. И в то же время каким-то неизвестным чудом для путников как будто воспроизводятся и эхом отдаются разноязычные голоса давным-давно ушедших людей, облачённых в разноцветные нехитрые одеяния... А вот и сама Туйме, юная красавица, единственная дочь местного правителя, за обладание сердцем которой сражались богатыри-джигиты. Старая легенда гласит, что после отца она сама правила этим краем. Как сложилась личная жизнь, какова её дальнейшая судьба? Была ли она счастлива в мире бременном? Не наступила ли её какая-то трагедия, подобная трагедии древнеегипетской Клеопатры?.. Что оставила после себя? Несметное богатство? Потомков? Возможно, непревзойдённую по своей красоте и лиричности песню, блуждающую до сих пор в космических вихрях?.. Ничего не известно об этом. Известно лишь одно: она оставила своё светлое имя в памяти народной, связав навечно его с родным краем — Туймекент, Туймеград...

В метрах в 200-300 от него начинается довольно крупное поселение. Тоже Туймекент, но другой, сравнительно новый, основанный в последней четверти XIX века русскими и украинскими переселенцами, выходцами из царской России. А это стало возможным после освобождения юга Казахстана от кокандского ига отрядом генерала Черняева (которого, кстати, Лев Толстой назвал “подлым офицером”) при содействии восставших казахов во главе с Акмолдой-батыром, сыном славного Байзака, предводителя местных крупных родов Старшего жуза, который в преклонном возрасте погиб в борьбе за освобождение своего народа. Правда, переселенцы, неизвестно по каким соображениям, новое село назвали не Туймекентом, а Шаповаловкой. Возможно, оттого, что среди них было большинство семейств Шаповаловых? Но немало было и тех, которые носили фамилии Шестаков, Юрченко, Стародубцев, Романцев, Приходченко, Пономарёв, Демченко, Зинченко, Иващенко, Кучеренко, Куценко и другие. Выходцы из разных губерний. Разные люди разных возрастов. Однако их всех объединяло одно святое дело: крестьянский труд, за что и взялись дружно. Пахали, сеяли, жали хлеб. Использовали для полива воду из Байзак-тогана — канала, прорытого когда-то казахами по приказанию Байзака Мамбет-улы. Обзавелись скотом, заимствованным у тех же казахов. На основе хозяйственных отношений постепенно налаживались межэтнические, культурные связи. Русские и украинцы начали осваивать казахский язык, а коренные — смешанный русско-украинский язык.

В таких благоприятных условиях разрасталась и Шаповаловка. На общинных началах была построена церковно-приходская школа. Появились свои богатеи, среди которых наиболее “продвинутой” была молодая вдова, красавица Ефросинья Шаповалова. Кроме крестьянского хозяйства она занималась и коммерцией: открыла несколько лавок не только в Шаповаловке, но и в Михайловке, в уездном центре Аулие-Ате. Нашла и фельдшера для обслуживания переселенцев и казахского населения. И вот она пригласила на работу моего отца в качестве, если сказать современным языком, менеджера. Чем понравился ей тогда ещё молодой Бекбосын, часто приезжавший из Карасу на шаповаловский базар на своём единственном вороном скакуне? Внешним видом своим? Был он высоким, стройным, с большими карими глазами на светлом, слегка румяном от природы лице. Или грамотностью, чистоплотностью? Он неплохо владел русским языком. Может, авторитетом, который он имел у своих соплеменников, постоянных клиентов Ефросиньиных лавок?.. Как бы там ни было, Ефросинья полностью доверилась Бекбосыну. У последнего со временем тоже появилась предпринимательская жилка. Особенно в годы так называемого НЭПа. Отец целыми табунами и отарами гнал скот, закупленный в своём округе, в Ташкент. Там на вырученные деньги приобретал ткани и вату тюками. А из них жена Теберик — моя мать — и жёны младших братьев отца, а их было четверо, шили на швейных машинках “Зингер” одежду для местного населения. Все товары, изготовленные в своеобразном семейном швейном цехе, реализовывались за скот. И снова Ташкент.. Вот тебе Маркс, вот тебе и добавочная стоимость... В результате такого интенсивного товарооборота у отца и его братьев накопилось немалое богатство. Но вскоре это богатство обернулось бедой — конфискация, экспроприация баев-кулаков. В новосозданную сельхозартель Бекбосын отдал около четырёхсот лошадей и много мелкого скота, сам чуть не угодил в Сибирь. Местные “бельсенды” (“активисты”) разобрали даже домашнее имущество.

В память врезался один случай. Вскоре после кончины отца в 1947 году, а мне тогда было десять лет, мы с матерью, не знаю по какому делу, посетили дом одного сверстника родителя. Помнится, что он не особенно жаловал нас. Держался высокомерно, веяло от него каким-то холодком, абсолютно не свойственным людям аксакаловского возраста. Не знаю, о чём говорила мать с ним и его женой, а я с его сыном, своим сверстником, немного поиграли во дворе в альчики-асыки. Мать скоро вышла из дома, и мы пошли обратно. Вдруг слышу всхлип. Смотрю на мать. Она платком вытирает обильные слёзы. Мне стало не по себе.

— Скажи, они оскорбили тебя?

— Нет-нет, ничего, сынок... Я так, просто разволновалась...

Но этого ответа детское сердце никак не воспринимало. Я донимал её вопросами. Наконец-то, чуть успокоившись, она сказала:

— У них там стояла деревянная кровать, инкрустированная слоновой костью. Она была нашей... Когда-то твой отец привёз её из Ташкента...

Мать снова не сдержалась, и слёзы медленно текли по её постаревшему светлому лицу...

Всё это было позже. А тогда, в благополучные Ефросиньины годы, к расцветающей Шаповаловке издаലെка медленно, но уверенно приближалась буря, со страшной силой безжалостно сметающая всё на своём пути. Буря Октябрьской революции. Под её алыми стягами переменялось всё — и государственный строй, и классовые пласты, незаслуженно ломались судьбы людские. Какая участь постигла знаменитую в округе Ефросинью Фёдоровну? Как сложилась дальнейшая судьба её? Да и вообще, продолжил ли жизненный путь этой прекрасной женщины, так много сделавшей для края, который и для неё стал родным?.. Ничего неизвестно. Во всяком случае, я ничего не знаю. Возможно, из-за того, что о жертвах и репрессиях революции раньше предпочитали молчать.

Да, после Октября 1917 года всё изменилось. Изменились и названия многих городов и сёл. Шаповаловка стала Будённовкой. А в хрущёвские времена изменилось и это название. Великому кремлёвскому волонтеру, видимо, не особенно нравились имена и фамилии соратников Сталина, в их числе и усатого маршала-кавалериста. И тогда местное начальство, кажется, ломало голову: а как переименовать Будённовку? Какое название дать орденоносному крупному колхозу не только района, но и области?.. Тут-то, видимо, нашёлся один “мудрец”: давай дадим ему название Акжар, отобрав его у соседнего аула? Аул небольшой, как-нибудь обойдётся... Сказано — всё, утверждено. Шли годы. Только в начале девяностых знатные туймекентцы-шаповаловцы-будённовцы-акжарцы задумались: “Э-э-э, сколько ещё будем жить с чужим, по существу ворованным названием?.. Давайте-ка лучше возродим стародавнее название — Туймекент?..”. На этом и сошлись. Ну и слава Аллаху...

II

... Талас, как бы не желая расставаться с возрождённым Туймекентом, долго огибает его уже уравновешенными, усмирёнными волнами. Долго потому, что село огромное, со множеством длинных улиц, местами кривоватых улиц. Вот улица Ленина, выходящая в сторону нашего аула Карасу. Длинная-предлинная. Порой и сейчас поражаюсь, как мне, шестилетнему мальчику, тогда, ранней весной сорок третьего, удалось бегом, без

передышки пройти её?.. А дело было так. Однажды в воскресный день отец, посадив меня на ишака позади себя, отправился в Будённовку на базар. Не знаю, зачем. Купить чего-то, насколько я знаю, не было денег, а продавать нечего. Наверное, отца на базар потянули старые воспоминания, ведь он когда-то там занимался торговыми делами Ефросиньи. Иначе что? Сам ещё не оправился как следует от болезни, приобретённой во время двухмесячного перегона верхом огромного количества лошадей из Монголии в суровую зиму сорок второго года. Был слабым, болезненным. Из-за плохого здоровья он уже не был колхозным табунщиком, а на ишаке возил почту из Будённовки, в которой нередко были и похоронки. Кстати, чёрные вести о гибели своего младшего брата Копбосына в Сталинградском сражении, затем своего старшего сына, моего брата Ашима на западной Украине привёз он сам. Пожалуй, нетрудно представить себе, какими ударами были эти вести для него, шестидесятилетнего человека, пережившего на своём веку немало зла...

... Вот мы и на базаре. Моё внимание сразу привлекли маленькие чёрные блестящие ботинки, которые держала одна русская старушка. До сих пор перед глазами её слабые, бледные руки, которые слегка дрожали от холода или от голода. А желание приобрести эти блестящие с чёрными шнурками ботинки и красоваться в них усиливалось ежеминутно, даже начало обжигать меня.

— Ата, купи мне эти ботинки! — уговариваю отца.

— О-ой, балам, нету же у нас денег. Потерпи немножко.

— Потом не будет же их!

— Будут. Успокойся, сынок.

Нет, я не успокоился. Не помню, как вырвал из рук старушки ботинки и побежал, как сумасшедший. Бежал, не останавливаясь и на обращая внимания ни на что: ни на грязь, ни на лающих собак. Отдышался только в конце длинной Ленинской улицы, на окраине Будённовки. Дальше уже более спокойно шёл по шоссе, окаймлённом высокими-высокими тополями...

Через пару часов вернулся и отец. Но в одном бешмете, без своей большой оранжевой шубы, сшитой из дублёной овчины. Посмотрев на меня, грустно улыбнулся:

— Ай-й, балам-ай... Ну, что ж, с обновкой тебя, айналайын...

На следующий день утром он, погрузив на ишака небольшой мешок с кукурузой, но уже без меня, отправился в Будённовку. К полудню возвратился. На плечах была оранжевая большая шуба... Несколько лет спустя после кончины отца, уже немного повзрослев, много думал с горечью: "Как тебе, человеку, в своё время владевшему немалым богатством, больно было на душе, когда ты не имел возможности подарить маленькую вещицу своему малолетнему сынку, ставшему единственным после гибели старшего на фронте! Прости, прости меня, отец родной мой!..".

Такие вот многослойные воспоминания, вызывая то улыбку, то грусть и тоску, овладевают мною каждый раз, когда еду из Тараза через Туймекент в родной аул Карасу, чаще всего для очередного посещения могил отца и матери, чего не мог делать долгие годы во времена работы в Алма-Ате и Астане. И особенно при виде большого старинного дома, сложенного из красного кирпича старого образца под жестяной крышей. Вот она — школа наша, "Красная школа"!.. Это та самая церковно-приходская, после революции превращённая в советскую, светскую. Неизвестно, почему её называли красной. Может, потому, что построена из красного кирпича? А может, этим названием местные

большевики хотели дать ей революционную окраску?.. Возможно. Как бы там ни было, она за вековое своё существование пережила очень многое. Кого только она ни вырастила в своих стенах. Среди её питомцев — Герой Советского Союза Агадил Суханбаев, несколько Героев Социалистического Труда, герои Великой Отечественной войны и трудового фронта, три депутата Верховного Совета СССР, два депутата Верховного Совета Казахской ССР (не считая меня, бывшего депутата Верховного Совета и Парламента РК), генерал-майор милиции, три доктора наук, немало армейских старших офицеров — лётчиков и моряков, несколько известных журналистов, руководителей различных органов, десятки, если не сотни педагогов и врачей, сельхозспециалистов... А сколько она, в шестидесятые годы ставшая СПТУ, выпустила из своих стен механизаторов, электриков, токарей и слесарей?! И эти стены каким-то образом, оказывается, в девяностые годы отошли в частные руки!..

Вот уже четвёртый год я с болью в сердце вспоминаю посещение родной школы.

... Была весна. Бурлил Талас после зимней спячки, с каждым днём становясь более полноводным. Зеленела степь, алели островки тюльпанов. Деревья на улицах пышно распустили свои листья. Пернатые тянули разноголосые бесконечные песни... В общем, в вечно живой природе, так прекрасно, безупречно созданной самим Богом, царствовала какая-то возвышенная атмосфера. И у меня тоже было соответствующее настроение. Но ему был моментально положен конец, как только переступил порог своей, вечно дорогой мне, школы. Из первой комнаты справа по коридору через полуоткрытую дверь белела помятая простыня на неубранной кровати, валялась какая-то домашняя утварь. Воздух стал тяжёлым, с примесью не очень приятного запаха... Следующая комната — это наш пятый класс! — с распахнутой настежь дверью, — оказывается, магазин. На стене, на которой висела когда-то наша чёрная доска, по полкам разместились разные сорта сигарет и водки... “О, Аллах!..” — вырвалось у меня из груди. В этот момент почувствовал я себя оскорблённым, униженным. До основания. “Во что же превратили тебя, “Красная школа”, милая моя?! Ведь в твоих вот этих комнатах нас, ещё несмышлёных, наши незабвенные педагоги учили знаниям, уму-разуму, нравственности. От всего сердца старались сделать из нас, из ещё сырого материала, полноценных Человеков!..”.

В состоянии такого душевного волнения я и не заметил, как вдруг куда-то улетучились проклятые сигареты и водка, пропала и девушка-торгаш вместе со своими покупателями. Я перестал их видеть и слышать. Перед моим взором появились шумной ватагой мои соклассники, в основном в ватных фуфайках, в кирзовых сапогах и старых солдатских ушанках... За ними спокойно вошли в класс строгие внешне, милосердные внутренне наши учителя. Кто в новом цивильном костюме, кто в поношенном офицерском кителе... “Здравствуйте, здравствуйте...” Я мысленно приветствовал каждого из них... Впервые русское слово приветствия я, выпускник карасуской начальной школы, произнёс 1 сентября 1948 года на казахский лад: “Здрaсте”. Произнёс здесь, в “Красной школе”.

... Перед началом первого урока мы, ребята, кроме будённовцев, собравшиеся из окрестных аулов Жанатурмыс, Фрунзе, Кокзек, Тегистик, Кокбастау, Акжар, Дихан, Курама, стояли во дворе школы. Вдруг вижу — идёт стройная женщина с очень красивым лицом, опрятно одетая (впоследствии, судя по схожести, я сравнивал её с Мариной Ладыниной, кинозвездой первой

величины, замечательно сыгравшей в популярных фильмах тех лет “Трактористы”, “В шесть часов вечера после войны”, “Падение Берлина”, “Кубанские казаки”)... Я сразу узнал её — это была тётя Ядвига. Кажется, в сорок третьем она с сыном Арвидом и дочкой Эрной, которые были моих лет, поселились в одной комнате нашего небольшого домика. Родители мои относились к ним очень благодушно.

Тётя Ядвига вместе с моей матерью с утра до вечера работали на колхозном свекловичном поле. А мы, дети, быстро подружались и вместе играли. Благо, что у нас была одна большая чёрно-белая корова с телёнком. И её молока хватало нам всем. Так вместе с немецкой семьёй, эвакуированной из Поволжья, прожили целый год. Затем они переехали в Будёновку, сказывали, что там тётя Ядвига стала работать учительницей... Ну вот и она. Я, сняв свою форменную железнодорожную фуражку, подаренную мне родственником матери на станции Акчулак, робко произнёс: “Здрате”. И она, оглядывая меня, радостно воскликнула:

— О-о, сын почтальона! Здравствуй, здравствуй! Ты уже пятиклассник! Ах как быстро летит время! Ты уже так подрос, милый!..

Ставшая и мне милой, любимой, как мать, Ядвига Ивановна Люц преподавала нам немецкий язык. Несмотря на все её старания, наши успехи были очень и очень скромными. Она объясняла урок на русском, которым мы ещё не успели овладеть. Таким образом, по-немецки могли произнести только несколько фраз, типа: “Ихь либе геноссен Сталин! Ихь либе ди Совет Арми! Майн фатерланд — ди Совет Унион”... Да ещё выучили песню “Лорелай”. Спустя много лет я крепко пожалел, что тогда не научился немецкому. Выучи я его, то открылась бы прямая дорога к немецкой классической литературе. В оригинале читал бы несравненного “Фауста” Гёте. А может, взялся бы и за прямой перевод его или других на родной язык?... Да, это уже из области несбыточной мечты.

Нам, аульным детям, не только немецкий, но и русский язык давался с трудом. Меня особенно замучил род слов, его я путал с ртом. “О-о, у русских, оказывается, рты разные: мужской, женский... А что тогда средний?”. Примерно так думалось мне тогда. Но спросить у учителя стеснялся. Первым преподавателем русского языка был карачаевец Али Хасанович Лайпанов. Импозантный мужчина средних лет, с пышными чёрными усами, чуть тронутыми сединой. В некоторой степени его лицо очень напоминало самого вождя Сталина. А Сталина обожали мы все. Называли его не иначе как Сталин-ата, то есть, Сталин-отец. Он тогда и в самом деле считался отцом нации.

При звучании или чтении этой фамилии, которую на всём свете носили только он сам и сын Василий, перед моими глазами оживает одна эмоциональная картина более полувековой давности.

5 марта 1953 года. Раннее весеннее утро было пасмурным и влажным. В воздухе — густая дождевая пыль. Я, тогда уже девятиклассник, живший в одиноком доме младшего брата отца Глебек-коке, сторожа забракованных овец колхоза, что находился недалеко от аула, в тот день почему-то не хотел идти в Будёновку, в школу. От лени, что ли... В общем, самовольно предоставил себе однодневные каникулы. После пиалы кумыса, взяв одноствольное старое ружьё шестнадцатого калибра и несколько заряженных патронов, вышел из дома. Недалеко было маленькое озеро, образующееся весной из талых вод и пропадающее летом, в июльскую жару. Вот его иногда и посещали перелётные утки — лысухи. На сей раз сколько ни ходил по берегам,

не было видно ни одной. Разочарованный, возвращался домой. И вдруг какой-то крик. Оглядываюсь. По просёлочной дороге кто-то скачет на коне. Скачет во весь опор, комья грязи кусками летят из-под копыт. И вот всадник машет чёрной широкополой войлочной шляпой. Такие носили обычно карачаевцы, которых немало было в Карасу... Ну это же Ханафи. Шайтан-Ханафи, как его прозвали и стар, и млад, наверное, из-за безалаберности, лёгкости характера. А вообще-то он был хорошим, с открытой душой, мальчиком...

Теперь уже слышу:

— Эй-й, Аргынбай! Сталин ольди, Сталин ольди!..

Значит, умер Сталин... Какое-то непонятное чувство овладело мною. В горле появился комок... Неровно дышалось. Обычно краснолицый Шайтан-Ханафи показался мне каким-то очень бледным. Я молча быстро сел на коня, устроился позади него. И поскакали в сторону Будённовки. Только при въезде в неё замечаю, что у меня на спине болтается ружьё, а карманы фуфайки полны патронами. Значит — забыл оставить их. Ну ладно, теперь уже поздно... На полном скаку проехали половину Будённовки и на взмыленном коне остановились только в центре, на пересечении улиц Ленинской и Советской. А там уйма народу. У многих на глазах слёзы, у иных вид людей, убитых горем. Из радиорепродуктора — белого алюминиевого колпака, что на вершине телеграфного столба, звучит траурная музыка. Вдруг она прекратилась, начался траурный митинг. Начал его какой-то незнакомый мужчина, наверное, начальство из района, в чёрном кожаном плаще и в такой же фуражке, почти военной, только без красной звёздочки. Говорил он то на русском, то на казахском, но одинаково эмоционально. После него на середину вышел одетый по-военному, только без погон, старший учитель нашей школы Дмитрий Григорьевич Михайловский, участник двух мировых войн, капитан, кавалер ордена Ленина. Его речь была очень доходчивой для нас. И мы все поневоле всхлипнули. А нас, школьников, было немало, где-то около тысячи мальчишек и девочек. Старый воин-педагог тоже завершил свою речь рыданием. Таких слёз на его лице я не видел даже тогда, когда недавно вся школа выразила ему соболезнование по поводу смерти сына — майора, служившего в Восточной Германии, в Группе советских войск. Старик тогда держался. А сейчас — вот..

Уже больше полувека прошло после известного доклада Хрущёва на XX съезде КПСС (кстати, сам докладчик при жизни Сталина восхвалял его до небес и перед ним иногда в кремлёвских застольях плясал гопак). В мире не утихает спор по оценке Сталина. Многие называют его великим государственным и полководцем, иные не перестают называть тираном, деспотом и, наконец, параноиком. Нет устойчивого, единого мнения. Такого нет и в отношении Чингисхана, эмира Тимура, императора Наполеона... И, пожалуй, их рано или поздно рассудит история. Но сможет ли она сделать это в полном соответствии с высшим принципом справедливости в меняющемся мире с его многомиллиардным человечеством, у которого столько же разных взглядов? Нет, уж лучше судить самому всемогущему Богу-Аллаху рабов своих — великих и невеликих. Всех нас, без исключения. Так будет вернее и справедливее...

... Да-а, наш Али Хасанович хоть и был внешне похож на Сталина, но был абсолютно другим человеком. Сама доброта, истинный педагог. Делал всё, что от него зависело для пробуждения в нашем всё ещё сыром сознании любви к русскому языку. Делал методично. А если кто-то

не слушался, отвлекал других, то порицал на смешанном карачаево-казахском языке. Видимо, считал, что так будет более понятно.

Через пару лет Лайпанова сменил другой учитель — Иван Павлович Прудников. Это был человек особого склада. Даже внешне. Он не был похож ни на одного русского, до сих пор виденного мною. Какое-то выхолощенное чистое лицо, ничуть не тронутое солнечным загаром. Всегда аккуратно зачёсанные жидковатые русые волосы. Проницательные и в то же время спокойные синие глаза. Приятный баритон, музыкальный голос... Постоянно носил прекрасный тёмно-синий костюм, ладно сидевший на его солидной фигуре. Всё в нём говорило о его интеллигентности, происхождении из какой-то неизвестной для нас среды. Хотя многое в нём для нас было непонятно, тем не менее вскоре начали замечать, что учитель Прудников очень трудолюбив и последователен. Это он впервые научил нас конспектированию. Когда устную диктовку мы не успевали записать и допускали много ошибок, он весь текст сам писал на доске мелом. И почерк был замечательный. Помню, что я тоже стал подражать и выводить буквы каллиграфически. Когда он читал вслух стихи из русской классики, буквально преображался. Веяло от него вдохновением! Такое состояние учителя, наверное, вызывало у нас особый интерес к стихам. Я за одну ночь, многократно перечитывая при керосиновой лампе, выучил наизусть пушкинского “Узника”, хотя кроме слов “Орёл молодой”, многого не понимал. Сибирских руд, темниц сырых... тем более...

Через некоторое время до нас дошёл и такой разговор: вот, мол, наш учитель — политический ссыльный, изгнан из Москвы... Отмечается в спецкомендатуре МГБ, у капитана Айходжаева... Через некоторое время мы потеряли Ивана Павловича из виду...

Спустя несколько десятилетий узнаю, что как раз в те же годы будущий нобелевский лауреат Александр Солженицын тоже как ссыльный находился в селе Бирлик нынешнего нашего Мойынкумского района. В школе имени Кирова учил наших сверстников математике и физике...

Эти предметы у нас вёл Амир Тайпаков, добрейшей души человек. Он с такой теплотой отнёсся к нам, и мы в ответ старались учиться на “отлично”. И получалось. У меня по двум этим предметам были одни пятёрки. Как-то Амир-агай даже сказал: “Аргынбай, ты будешь хорошим математиком”. Но я не стал им. Причина... причина, может, была в приходе к нам в восьмом классе нового преподавателя Кадырбая Аманиязова. Недавно только переселившийся из Туркмении, он очень часто использовал туркменские слова. А я в таких случаях всегда задумывался: что означает это слово, какой его корень?.. Таким образом, постепенно от меня отстранились катеты со своими гипотенузами, различные математические формулы. А их место исподволь стала занимать словесность. Может, эта перемена в дальнейшем открыла передо мной путь к филологии, через филологию в журналистику?.. Возможно. Но это всё потом. А тогда, в пятом классе, вскружила мне голову древняя история. Преподавал её директор школы Саршаев, уже пожилой человек, замечательный рассказчик. Как интересен этот древний мир! Египетские и греческие боги и богини... Фараоны, всякие Рамзесы, Аменхотепы... Интригующая Троянская война... Слушая учителя, помню, я, согласно своей детской интуиции и формирующимся принципам, начал давать оценки героям по отдельности. Мне больше нравился Ахиллес, даже огорчался, что у него пята не защищена. А вот Париса сразу жутко возненавидел. Ну и сволочь, думал я, если он такой уж

герой, почему бы ему не сразиться с Ахиллесом в честном бою, как наш Кобланды или Алпамыс, которые вражеских богатырей одолевали в открытых поединках?..

Да, детские помыслы иногда уносили меня в какие-то дали, временно удаляя из класса, с урока...

— Смирно! — такая короткая, жёсткая команда не раз возвращала меня в действительность из какого-то загадочного мира, построенного собственной фантазией.

Командовал преподававший нам уроки по физкультуре, затем в старших классах — и по военному делу, бывший командир эскадрона, сражавшийся и тяжело раненный на Донском фронте, старший лейтенант Ушаков. Николай Фёдорович был и внешне, и внутренне красивым человеком, истинно русским. Высокий, плечистый, в каждом словесном выражении и телесном движении чувствовалась огромная духовная и физическая мощь. Он — коренной будённовский, хорошо знал жителей и нашего аула, сносно разговаривал на казахском. Поэтому, наверно, к нам относился заботливо, были с его стороны и строгости, в конце концов, приносящие пользу... Однажды мы, несколько пятиклассников, опоздали на урок. Было морозное зимнее утро. И Николай Фёдорович в строевом порядке повёл нас на спортплощадку и скомандовал:

— Сто метров по-пластунски, марш!

Нам пришлось ползком одолеть эти сто метров по глубокому, ещё не тронутому снегу. Он воспитывал нас не только в физическом, но и в морально-волевом плане, приучал к выносливости.

Тут мне, забегая вперёд, хотелось бы привести короткий диалог с сыном, состоявшийся недавно в Астане.

— Откуда у тебя, отец, такая вот сила воли? — шутливо спросил он.

— Частично от Ушакова...

— От адмирала Ушакова!? — удивился он.

— Нет, от старшего лейтенанта Красной Армии Ушакова...

Он и его супруга, тоже фронтовичка, учившаяся на снайперских курсах вместе с будущим Героем Советского Союза Алиёй Молдагуловой, были гордостью нашей “Красной школы”.

Николай Фёдорович не терпел малейшей несправедливости. Той же зимой был один такой случай. Рано утром я на коньках отправился на занятия. Вхожу в Будённовку. И вдруг на одном крутом повороте выходят навстречу мне трое мальчишек. “А ну-ка, сними коньки!” — орёт один, выше остальных ростом. Не дав даже опомниться, двое скрутили мне руки, а оравший, сопя носом, быстренько расшнуровал коньки. Его я узнал — Кривой Лёнька. Я, внутренне вскипев от такого нахальства и беспомощности своей, поплёлся в школу. Что же делать? Этот вопрос страшно мучил меня. Предпоследним был урок физкультуры. Николай Фёдорович, обходя наш строй на спортплощадке, вдруг остановился напротив меня:

— А где твои коньки, я же ведь вчера предупредил, что будем проводить конькобежное соревнование?

— Отобрали их у меня, — промямлил я дрожащим от обиды голосом.

— Кто?! Кто отобрал? — уже строго спросил учитель.

— Кривой Лёнька...

— Кривой или не кривой, коньки должны быть возвращены. Он один отобрал, что ли?

— Нет, их было трое.

— Та-а-ак, Исабеков, Аманкулов, Бекбосынов! Выйти из строя!

Мы сделали шаг вперёд.

— Я освобождаю вас от занятий. Заберите у этих бессовестных коньки. Вы поняли меня? Завтра доложите. Всё. Идите.

Толен Исабеков и Сейсенбай Аманкулов — местные ребята, знают всех будённовцев. Кривого Лёньку и его дружок мы подкараулили там же, на крутом повороте, затаившись за деревьями... Вот они идут, все трое. В середине — Кривой, довольный такой, на ногах — мои коньки. Мы вышли из засады. Увидев нас, ошеломлённый Лёнька сразу захныкал плаксивым голосом:

— Ой, не бейте, не бейте!.. — и начал быстро снимать коньки.

Когда он передал их мне, я правым коленом сильно пнул его. Не сдержался.

И вообще, коньки в зимнюю пору были моим добрым транспортом. А иные, особенно фрунзенские ребята, ездили в школу на ишаках. У нас в доме тоже был ишак, чёрный, быстроногий, на котором в последние годы своей жизни ездил отец. Я его каждое воскресенье запрягал в небольшие сани и отправлялся ранним утром вместе с другими мальчишками в пески, что начинаются километрах в пяти-шести от Карасу. Там, на барханах, собирали тростник, жузген и коянуйек, это что-то вроде младших “сородичей” саксаула. Ох, как они хорошо горят в печке! Шипят, гудят, трещат и, самое главное, дают много тепла. Нам с матерью в доме сразу становилось уютно...

Вообще-то я неплохо справлялся с заготовкой топлива. Даже дважды продавал на Будённовском базаре, каждый раз за сани топлива получая по три рубля. В итоге за семь рублей купил кожаный, чёрного цвета, портфель, который аккуратно носил до окончания школы...

Кроме такой пользы, наши походы в пески, в урочище Торангылы, приносили немалое удовольствие. Особенно по возвращении. Вот на горизонте большое-большое красное солнце щедро одаривает нас своими лучами, более мягкими и обильными, чем днём. Кругом песчаные барханы, как морские волны, а дальше широкая степь, вся в снегу, которая на равнинных местах кажется малиновой, тёплой, а в низинах приобретает синий оттенок, вея холодом. Хочется петь. И пели казахские народные, широкие, как сама степь, песни с простыми, но глубокими пластами мысли. А познавать их нам помогали учителя Омар Сугиралиев, Латап Абдрахманова, Достай Есельбаев, Жумаш Тажибаев, Жанузак Бакибаев и Шеттикбай Иманкулов, за что мы вечно благодарны им...

Вечерние песни наши, которые я позже сравнивал с песнями есенинских ямщиков, заливали всю степь, долетали до аула, далеко опережая нас самих. Это были золотые дни, самые счастливые моменты нашей трудной послевоенной юности. А юность летела даже быстрее, чем наши песни. Мы выросли. Взрослела новая поросль, у которой попросту не было детства. Оно было сожжено войной. Страшной, безжалостной, самой кровопролитной в истории человечества, огненное дыхание которой доходило и до Туймекента, до Карасу, опалая без разбора сотни и тысячи сердец.

III

... Вот из здания бывшей “Красной школы” выхожу я, бывший ученик, чуть помолодевший, в то же время чуть постаревший. Помолодевший от того, что с таинственной силой, заложенной в человеческую природу, прорвал преграды минувших десятилетий и встретился со своими друзьями юности, предстал перед нашими дорогими учителями. Слышал их незабвенные голоса... Постарел от сознания, что уже многих и многих нет на этом белом свете. Почти никого из наших учителей не осталось в живых... Давно нет и одноклассников Шахмана, Толена, Сейсенбая, Орынбая, Асылхана, Максуга, Кенеса...

Изредка в Таразе вижу только с Амирбеком Дауреновым, который, став инженером-механиком, долгие годы работал на руководящих должностях, встречаюсь, в основном, в бильярдной. Встречаюсь также с Борисом Стародубцевым. Всё ещё бодрый, почти такой же, каким был и раньше: коренастый, крепко сбитый, спокойный, основательный. Наверное, эти свойства вывели его в начальники. Он в своё время успешно руководил Луговским и Меркенским районами. Кем бы он ни был, при виде его я почему-то постоянно вспоминал батарейца Тучина из толстовского романа “Война и мир”. Я знал и его отца Тимофея, которого мой отец назвал “Темке”. Был таким же крепким, коренастым. И не напрасно, наверное, весь их род носил и носит фамилию Стародубцевых. Старый дуб... Этот вид дерева отличается необычайной крепостью и глубокими мощными корнями... Даже великий Толе-би, вместе со своими братьями Казыбеком-бием и Айтекебием сумевший сохранить казахский народ от уничтожения в вековом нашествии джунгаров, сказал вражескому вождю: “Мы, казахи, как старый чёрный дуб, выстоим все бури!”. Старый дуб... Стародубцев...

Я эту фамилию как-то вспомнил в Москве, летом 1997 года. А было это так. В Совете Федерации России был созван “круглый стол” с приглашением парламентариев стран СНГ. Тема — “Межэтнические отношения в СНГ”. Хотя официально она называлась так, но с самого начала разговор коснулся, в основном, положения русских в постсоветских республиках. В этом главным образом задали тон не депутаты, а учёные из различных российских научно-исследовательских институтов и таких вузов, как МГУ, Университет дружбы народов, МГИМО и другие. Меня сразу заинтересовало и в конце концов привело в негодование выступление одного лысого, очкастого профессора. Выступил он эмоционально, даже несколько агрессивно. После распада СССР, говорил он, за пределами России оказались двадцать пять миллионов наших соотечественников. Из них пять миллионов — в Казахстане. И они сейчас терпят ущемление, притеснение и, наконец, унижение... В таком же ключе его дополнил и другой, более моложавый учёный, в ещё более резком тоне. Но никаких фактов и доказательств. В общих, клеветнических фразах...

Тут уже нельзя было промолчать, хотя вначале на вопрос ведущего беседы, председателя комитета Совета Федерации, губернатора Курганской области о том, желаю ли выступить, я ответил отказом. Обидно было за свою страну. Взял слово. У меня накопело в душе, поэтому начал выступление резче, чем обычно.

“Прежде чем проявлять лжезаботу, — говорил я, — будет, наверное, логичным и последовательным точно определить само понятие “соотечественник”. Определите на богоугодных принципах справедливости... Да, русских в Казахстане немало. Первые русские волею судеб появились и поселились на исконно казахской земле ещё в середине XVIII века. Сейчас на подходе XXI век. Сколько воды утекло с тех далёких пор в Иртыше, Тоболе, Ишиме и в Семиречье? Много, очень много. На их берегах сменились многие поколения русских. Пустили глубокие корни, как старый дуб. Сблизились, породнились с казахами. Десятилетиями, столетиями жили одной общей судьбой: вместе страдали, горевали в жестокие, вместе и радовались в добрые времена. Теперь спрашивается: чей соотечественник современный казахстанский русский с таким прошлым? Московского профессора или мой, вместе, рука об руку со мной старающийся делать всё для настоящего и для будущего нашего Отечества — Казахстана? Вдумайтесь, господа учёные! А что касается каких-то ущемлений этнических русских, это — полнейшая чушь! Наверное, некоторые выступившие здесь вообще не были в Казахстане после распада Союза. А если и были, то ходили с завязанными глазами и заткнутыми ушами, руководствуясь своими вредоносными идеями. Это к добру не приведёт. Никогда.

Да, сейчас в финансово-экономическом плане тяжело жить в нашей стране. А разве легко в России?!

Но у нас никто не ущемляется в правах по национальной принадлежности. У нас все этносы абсолютно равноправны во всех сферах жизни. Равны перед Конституцией Республики Казахстан. Это — наша государственная политика, политика Президента Нурсултана Назарбаева. Она не изменится. Никогда...”

Очкастый профессор побагровел. Начал бубнить ещё что-то. Но его больше никто не слушал...

... Старый дуб. Стародубцев...

— Живи, здравствуй на родной земле, мой дорогой одноклассник Боря, теперь уже Борис Тимофеевич, сын аксакала Темке!..

И всё же интересный характер у нашей реки Талас. Позволяет себе много причудливых изгибов. Вот она, только успев попрощаться с крайней улицей огромного нового Туймекента, резко поворачивает на запад. А там, во-он, на левом берегу, в дымчатой синеве горизонта виднеется не очень высокий холм. Он уже два с половиной столетия носит имя моего предка Косы-батыра Самбетулы, который почти пятьдесят лет боролся с иноземными захватчиками и завершил свой славный боевой путь в качестве тысячника в знаменитой Анрахайской битве. Там был сломлен хребет врага...

— Мой сыновний поклон тебе, великий Ата! Низкий поклон вам, земля родная, родной Туймекент!..

г. Тараз.

Фото из архива А. Бекбосына.

Роберт КОРН

Атлантида Якова Геринга

Я. Г. Геринг.

Крупнейший организатор сельскохозяйственного производства, талантливый руководитель, учёный-селекционер, депутат Верховных Советов Казахстана и СССР, Герой Социалистического Труда, он на многих производил впечатление удивительно свободного человека, но мало кто знал, во что обошлось ему обретение этой кажущейся свободы...

Хороших колхозов в Казахстане было много. Но таких, как “30 лет Казахской ССР” в Успенском районе Павлодарской области, больше не было. Он был лучшим в республике, а может быть, и во всём Союзе. Возглавлял это хозяйство на протяжении 30 лет **Яков Германович Геринг**.

Когда руководитель республики **Динмухамед Ахмедович Кунаев** в 1972 г. в очередной раз посетил Константиновку, центральную усадьбу колхоза, колхозники радушно встретили его, а председатель напомнил высокому гостю о памятной для колхозников 63-м годе. Тогда Кунаев собственной властью разрешил выдать колхозникам по два килограмма хлеба на трудодень, чем спас хозяйство. Так обстояли дела ещё за десять лет до его приезда.

Сейчас же высокий гость увидел обновлённое село, утопающее в садах, с прямыми линиями ухоженных асфальтированных улиц, с красивыми усадьбами... Но хозяйство Геринга, конечно же, обращало на себя внимание не только внешним видом, но и значительными производственными показателями. И на очередном партийном пленуме в Алма-Ате Д. А. Кунаев не замедлил это отметить: “Много поучительного в колхозе “30 лет Казахской ССР” Павлодарской области. Им руководит Яков Германович Геринг. Здесь за счёт широкого использования подземных вод создана прочная кормовая база, достигнут значительный рост животноводства”. Эти слова услышала вся республика. Сам же виновник торжества, уставший в тот вечер от рукопожатий и поздравлений, постарался после пленума поскорее уехать домой. Несмотря на достигнутые им производственные успехи, его вниманием такого рода прежде особенно не баловали...

Истоки

По семейным преданиям род Герингов восходит к Йозефу Герингу, который в конце XVII — начале XVIII вв. жил в Южной Германии. Дед Геринга, Яков Яковлевич, был талантливым горным инженером и строителем. В конце XIX в. он принял приглашение работать в одной из российских нефтяных компаний и приехал в Тифлис (Тбилиси). До этого он в качестве высококвалифицированного специалиста работал за границей, в том числе в Марокко, Египте и других странах. Позднее он переехал в большое

и богатое немецкое село Люксембург, недалеко от Тбилиси, впоследствии переименованное в город Болниси. Здесь 29 февраля 1932 г. у его сына Германа родился сын Яков. Большая семья Герингов славилась умом и трудолюбием. Особенным уважением пользовался дед будущего председателя, Яков Яковлевич, который украсил городок многими памятными зданиями.

Маленький Яков рос в атмосфере дружелюбия, взаимопомощи и искреннего уважения друг к другу честных и работающих людей. Через всю свою жизнь он пронёс непоказную любовь родителей, деда и бабушки. Самым страшным пороком здесь была лень. Не сдержать своё слово считалось позором. Его детство не было абсолютно безоблачным, но это было светлое, доброе время, которое не прошло для него бесследно.

Но уже в 1938 г. на долю семьи выпало первое тяжкое испытание — органы НКВД арестовали Германа Яковлевича Геринга, главу семейства. Последовали другие репрессии. А в 1941 г. остатки семьи Герингов, как и все немцы в СССР, были лишены прав и имущества и депортированы. Мать Якова Германовича надолго оторвали от её трёх брошенных на произвол судьбы малолетних детей и отправили на принудительные работы в Сибирь. Неизвестно, как бы сложилась судьба братьев, если бы не пожилая бабушка, с которой они в ноябре 1941 г. после долгих мытарств оказались в Павлодарской области в ауле № 4, где тогда был колхоз имени Сталина. Без всяких средств к существованию, ограбленные, бесправные, без крыши над головой и тёплой одежды в непривычных климатических условиях...

Спасли самоотверженность бабушки Елизаветы Мартыновны и привитое с детства трудолюбие. Для того чтобы выжить, дети соглашались на любую работу у местных жителей, которые, сами во всём нуждаясь, платили им хлебом. Позже семья переехала в райцентр Ермак (Аксу), где бабушка, бережно обращаясь с каждой заработанной внуками копейкой, начала обзаводиться хозяйством — купила трёх кур с петухом и козу.

Трудовая биография сына “врага народа” Якова Геринга началась в местном пимокатном цехе, делавшем валенки для фронта, куда его приняли в качестве подмастерья. Рабочий день для него начинался в шесть часов утра растопкой печи в цеху. Вся жизнь представляла собой постоянную борьбу за выживание. Некоторые изменения произошли лишь после возвращения из сибирской каторги больного отца, Германа Геринга, которому следователь НКВД, пытаясь сделать из него доносчика, щипцами вырывал ногти, складывая их себе в карман... И всё же приезд отца позволил Якову после длительного перерыва вновь ненадолго сесть за парту. Затем он был отправлен в так называемое ФЗО, а оттуда — “по распределению” — на Карагандинскую шахту им. Кирова, где, истощённый постоянным недоеданием и непосильным трудом, попал под обвал, под которым провёл 24 часа. Спасла случайность.

Восемнадцать месяцев находился он в постели со сломанным позвоночником, пытаясь использовать это время для учёбы и самостоятельно осилить учебники, которые приносил ему в палату один из друзей.

Из больницы Яков Герман вышел инвалидом первой группы, но мечты об учёбе не оставил. Сидеть он в школе не мог — мешали боли в спине, поэтому уроки он прослушивал стоя. Для того чтобы записывать задания, он привязывал к себе на шею дощечку.

В начале пути

Окончив семь классов, Яков поступил в зооветеринарный техникум, который закончил с отличием в 1956 г., что давало ему право поступить на очное отделение сельскохозяйственного института. Но молодой специалист не воспользовался этим правом: он выбрал работу в качестве зоотехника в колхозе “30 лет Казахской ССР” и поступил на заочное отделение Алтайского сельскохозяйственного института. В это же время он женился на Ольге Адамовне Беннер, молодой учительнице, с которой прожил счастливую жизнь и вырастил хороших детей.

Колхоз, в котором Геринг начал работать, был отстающим. Его центральную усадьбу, село Константиновку, основали в начале XX века немцы-переселенцы. Егор Тиссен, Пётр Ремпель, Дмитрий Вильмс, Франц Фризен были его первыми жителями. Жили переселенцы замкнуто, отличаясь исключительным трудолюбием. Но суровые климатические условия, недостаток воды и стройматериалов препятствовали быстрому освоению края. К 1920 г. в Константиновке было 235 жителей на 29 дворов. А сёла Равнополье и От-Озек, позже объединённые с Константиновкой в один колхоз, были и того меньше. Сухая степь на равнине с супесчаными лёгкими почвами, проплешины бесплодных солончаков. Долгая морозная зима, жаркое засушливое лето — осадков часто меньше 200 мм в год. Ни озёрца, ни речушки поблизости... За годы со времён коллективизации здесь почти ничего не изменилось — по-прежнему было мало колодцев, воды не хватало, лечиться было негде. Не помогло колхозу и освоение целины: распаханная первоцелинниками земля лежала под тем же палящим солнцем и давала от силы по пять центнеров зерна с гектара.

Убогое экономическое положение хозяйства угнетало молодого зоотехника. Он видел, что колхозники жили в основном своим хозяйством и, утратив всякую веру в смысл коллективного труда, ничем другим не интересовались. Это была серая однообразная жизнь, которую несколько скрашивал лишь базар в недалёком областном центре.

Душа Якова Германовича не принимала эту действительность. Он пришёл к выводу, что нет на свете более мрачной силы, чем та, от которой люди угнетены и несчастны, — силы привычки. Закрадывалось даже сомнение: неужто и впрямь человек так примитивно устроен, что подспудно направляется только политическим догматом? Неужто нравственное чувство и духовное начало удушила диктатура беспрекословного подчинения? В одной из своих книг он написал: *“Порой я думал: оглянешься на недетское прошлое, — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как можно после всего этого жить **обыкновенно**, как будто без отношения к своему страшному опыту...”*

Но, подкупленные искренностью и энтузиазмом молодого специалиста, люди потянулись к нему, прониклись доверием. И уже тогда, при самом зарождении планов селекционной работы, Геринг отметил благожелательное отношение к его замыслам. В этом он видел залог успеха. Помощник бригадира тракторной бригады **Яков Беккер**, учётчик этой бригады **Толеу Султангазинов**, дояр **Пётр Лемке**, бригадир дойного гурта **Андрей Бракк**, опытный животновод **Егор Эннс**, передовая доярка **Мария Нейфельд** стали его первой надёжной опорой на пути к задуманным преобразованиям. Однако были среди колхозников, конечно, и такие, которые любые попытки к изменению сложившейся ситуации встречали в штыки.

Но Геринг не сдавался. Получив в самом начале своей деятельности в колхозе возможность посетить ВСХВ в Москве, он многое понял в отношении перспектив молочного животноводства в Казахстане и поставил себе задачу организовать улучшение породности симментальского молочного скота путём скрещивания его с элитной джерсейской породой. Задачу эту Геринг решил, значительно повысив при этом не только надои, но и жирность молока.

Успехи молодого зоотехника были замечены. В 1959 г. колхозники избрали Геринга своим председателем. Это давало новые возможности для новаторства. Молодой председатель вновь и вновь разъяснял колхозникам, зачем нужна покупка тонкорунных овец или чёрных свиней кемеровской породы, чистопородных тёлочек и бычков. Эти покупки стоили недёшево и порой вызывали недовольство даже среди руководства колхоза. Но у Геринга были и единомышленники, которые поддерживали его в трудные минуты.

Эликсир жизни

В колхозе всегда ощущался недостаток воды. Ещё будучи зоотехником, Герингу как-то удалось найти удачное место и выкопать с комсомольскими активистами колодец с необычно вкусной пресной водой. В своё время это стало сенсацией в колхозе. Но для хозяйства в целом это особого значения не имело. И Геринг на этом не остановился. Заручившись поддержкой соответствующих специалистов-«водников», он не только решил проблему с водоснабжением хозяйства, но и сумел организовать поливное земледелие, ставшее на многие годы основой процветания хозяйства. По инициативе Геринга колхоз получил 20 тысяч гектаров продуктивных пастбищ в Баянаульском районе области и организовал там отделение хозяйства.

Главный инженер областного управления водного хозяйства **Леонид Дмитриевич Полежаев**, который многие годы работал с Герингом и сейчас является губернатором Омской области, вспоминает об «уроках» Геринга в своей книге «Путь к себе»: *«Теперь, когда всё позади, окидывая мысленным взором свои бесчисленные поездки в Константиновку, я не перестаю поражаться той жизни, которую сотворили своим умом и трудом колхозники-немцы, разумности их хозяйствования. ... Совместная работа с Герингом завершила переделку моей психологии недавнего «совка»-покорителя. Второй урок Якова Германовича заключается в том, что работать надо, не отбрасывая власти земли и Природы над собой, а уважая и подчиняясь её разумным требованиям».*

При этом молодой руководитель ни на секунду не забывал и о селекционной работе. Относился он к ней настолько серьёзно, что отчёт о ней, будучи включённым в его дипломную работу, открыл перед ним возможность обучения в заочной аспирантуре Омского сельхозинститута, где он потом и защитил кандидатскую диссертацию на эту тему.

Но всё это было только началом, прелюдией, ибо его целью было многопрофильное хозяйство с законченным производственным циклом. Он мечтал самостоятельно перерабатывать продукты растениеводства и животноводства и строил поэтому соответствующие объекты переработки.

Введение гарантированной оплаты труда взамен колхозных трудовых привело к увеличению числа работников. Молодым колхозникам,

которых призывали в армию, в течение срока службы сохранялась средняя заработная плата, которая им затем выплачивалась, если они после демобилизации возвращались в родное хозяйство. Проблема с кадрами в колхозе была решена. Но в связи с этим возникали и новые задачи — требовалось строительство жилья, объектов соцкультбыта. Поэтому в колхозе были построены собственные асфальтовый и кирпичный заводы, полигон железобетонных изделий. Строительство здесь шло непрерывно. Была создана мощная социальная-производственная база, позволившая колхозу не только прочно встать на ноги, но и опередить самые рентабельные хозяйства области. По общему объёму жилищного строительства колхоз “30 лет Казахской ССР” обогнал даже стройтрест города Ермака.

Председатель-новатор далеко опередил своё время. Начатая в середине шестидесятых годов широкая мелиорация земель давала свои плоды. Площадь орошаемых земель колхоза достигла пяти тысяч гектаров. С орошением полей Яков Германович связывал свои надежды на процветание колхоза, ибо в орошении остро нуждалось не только полеводство, но и стремительно развивающееся животноводство. И надежды председателя оправдались. Благодаря орошению в колхозе было широко развито овощеводство, создана отличная кормовая база для скота. Всего здесь действовали 64 оросительные скважины, три больших водоёма-накопителя. Агроном уже не в силах был всё охватить. В хозяйстве появилась новая отрасль. Вчерашние агроном, бригадир, тракторист стали мелиораторами. Возник целый комплекс новых профессий, заключались договоры о сотрудничестве с научно-исследовательскими институтами. Но и это было ещё не всё. Геринг писал: *“Есть вода — значит, должна быть и рыба. А рыбоводство — довольно сложная отрасль хозяйства. Пришлось пригласить омских учёных, чтобы не допустить провала отрасли. Так же и со зверофермой. Думали сперва, что всё само собой пойдёт. А соприкоснулись ближе — зарегистрировали сразу одиннадцать случаев заболеваний. И опять — без сотрудников Омского НИИ звероводства мы ничего не смогли бы добиться. Только обучение звероводов, селекционно-племенная работа сделали ферму рентабельной”*.

В развитие тепличного хозяйства колхоз вложил всего 12 миллионов рублей. Сначала теплицы давали по 10 кг овощей с квадратного метра, затем, благодаря внедрению научных методов овощеводства, урожайность выросла до 24 кг и овощеводы наметили довести её до 30 кг.

По мнению многих специалистов, достижения Геринга были выдающимися. Добившись отвода ему земель в Экибастузском госфонде, он создал богатый массив животных казахской белоголовой породы. Бычков и тёлочек из этого стада хозяйство продавало в Грузию, Узбекистан, в другие места, где строились перспективные молочные комплексы. Ведущие позиции колхоз занимал и по настригу шерсти. Хозяйство продавало в другие области республики племенных баранов и хряков. Колхозный свинокомплекс содержал более 20 тысяч свиней крупной белой породы, отвечающей всем племенным требованиям. Особой похвалы заслуживали быки симментальской породы, жеребцы, для испытания которых в колхозе был построен ипподром, разведение верблюдов.

Таким образом, когда Геринг добыл воду, в его руках оказались рычаги управления экономикой, которая у него стала расти, как на дрожжах. Академик **Э. Ф. Госсен** вспоминает: *“Сегодня я утешаю себя тем, что в*

какой-то мере продолжаю в Казахстане то, в чём Яков Германович был пионером, первопроходцем. Опираясь на его богатейший опыт использования подземных вод, я предложил президенту республики **Н. А. Назарбаеву** на встрече с ним в мае 2002 г. проект развития экономики села и подъёма сельского хозяйства. Пригодился и опыт Якова Германовича с использованием сточных вод, который я предложил президенту в проекте создания лесополос вокруг столицы Астаны на солончаковых почвах. Нурсултан Абишевич это оценил и утвердил...”.

Человеческий фактор

В колхозе колоссально использовался человеческий фактор. Опираясь на данные по колхозу “30 лет Казахской ССР”, известный в республике секретарь ЦК по идеологии **Имашев** написал даже научный труд о влиянии моральных и материальных стимулов на производственные показатели, которых он насчитал в колхозе одиннадцать — от рождения до смерти. И действительно, здесь знатному колхознику ставили бюсты, а в клубе для почётных колхозников было выделено 12 специальных мест — каждое с именной табличкой на спинке кресла! Такие знаки внимания люди ценили даже выше, чем материальные стимулы. Зарплата, кстати, в колхозе была не выше, чем у других. Сильнее действовали такие факторы, как почёт, уважение, внимание к человеку.

Колхоз ежегодно имел до 800 путёвок в Кисловодск, в лучшие дома отдыха Крыма и Кавказа. Это стало возможным опять же благодаря усилиям вездесущего Геринга. Когда он захотел иметь в Кисловодске свой санаторий, местные власти предложили ему построить обычный жилой дом, а взамен предложили любое количество путёвок на любые сезоны...

В колхозе имелась прекрасная больница с физиокабинетом, барокамерой для обследования, намечалось строительство грязелечебницы. На животноводческих комплексах были оборудованы душевые. Животноводы возвращались с работы в чистых платьях и костюмах.

Бывшие жители села Константиновки до сих пор с ностальгией вспоминают чёрных лебедей, заведённых председателем на одном из озёр. Да что там лебеди, в селе был построен настоящий зоопарк, где были медведи, тигры, даже огромный лев, оглашавший окрестности своим диковинным рыком...

В Кремлёвском Дворце съездов (Я. Г. Геринг, Ч. Айтматов, Ф. Шнайдер, В. Акуленко. Фото ТАСС).

В документальном фильме “Зачем колхозу медведи?”, снятому здесь, Яков Германович говорил с экрана о том, как всё это необходимо человеку, как это воспитывает, обогащает нравственный и духовный мир.

В Константиновку приезжали люди, которых знала вся страна. Здесь была народная артистка СССР Людмила Зыкина, актёры Иннокентий Смоктуновский и Василий Лановой, космонавт Климук. В откровенных беседах с коллегами, политическими руководителями, учёными, деятелями культуры Яков Германович делился самыми сокровенными мыслями, неизменно располагая к откровенности, которой трудно достичь в официальных мероприятиях. И хотя собеседниками его зачастую были люди незаурядные, прославленные, они не могли не отметить его природный ум, деликатность, чувство такта. Беседы с такими людьми давали ему новые силы, наполняли уверенностью в правильности избранного пути.

Последняя командировка

Опыт колхоза “30 лет Казахской ССР”, технологии, применяемые здесь, распространялись по всему Советскому Союзу. И нет никакого сомнения в том, что успехи прославленного хозяйства прямо зависели от личных качеств его председателя, которому принадлежала идея создания высокоразвитого современного сельскохозяйственного предприятия с законченным циклом производства и отлично организованным соцкультбытом.

Четверть века вёл он за собой людей, создавая единственное в своём роде сельскохозяйственное предприятие, заражая всех своими идеями, которые были основаны не на авантюризме и сиюминутных капризах, а на проверенных научных достижениях, глубоких знаниях сельскохозяйственного производства и его личном организаторском таланте.

Став председателем, Я. Г. Геринг поставил перед собой три главные задачи, первой из которых было поднятие продуктивности общественного стада.

При этом он, будучи

Дом культуры колхоза.

Константиновка с высоты птичьего полёта.

талантливым селекционером, лично вывел новую жирномолочную породу скота, отличающуюся высокой продуктивностью в условиях резко континентального климата. Но без изобилия разнообразных кормов это достижение само по себе ничего не давало. Для создания надёжной кормовой базы нужна была вода. Эту задачу Геринг решил с помощью мелиорации. Третьей его задачей, со временем вышедшей на передний план, стало повышение уровня жизни колхозников, строительство посёлка со всеми удобствами, из которого бы никто не уезжал. И все три задачи Яков Германович решил блестяще.

В ноябре 1984 г. М. С. Горбачёв, бывший тогда ещё секретарём ЦК КПСС по сельскому хозяйству, проводил в Коломне большое совещание по проблемам формирования Продовольственной программы. Совещание по сути дела представляло собой слёт лучших руководителей сельского хозяйства страны. Герингу было поручено выступить от имени казахстанской делегации. Он говорил два часа. После его выступления М. С. Горбачёв сказал: *“Если бы у нас в стране было с полсотни таких председателей, как Геринг, не нужно было бы составлять Продовольственную программу”*.

Яков Германович Геринг выступал в Коломне в последний раз. Это выступление и пристальное внимание к нему М. С. Горбачёва взволновало его. В гостинице он внезапно почувствовал себя плохо. Вдруг началась рвота, изо рта пошла кровавая пена... “Скорой”, которую вызвала его жена Ольга Адамовна, долго не было. Когда появились реаниматоры, он был ещё в сознании, но вскоре скончался. Кремлёвские лекари констатировали: острая ишемия, инфаркт...

Перед отъездом в свою последнюю командировку Геринг вызвал директора колхозного музея П. И. Варкентина и протянул ему книгу о Байконуре с надписью, которая свидетельствует о предчувствии им своей скорой кончины. Этот текст заслуживает того, чтобы быть приведённым полностью: ***На добрую память моим труженикам-землякам и моим боевым помощникам, которым я посвятил своё время, здоровье, жизнь... всё, что у меня было. Мы все уходим в землю, на покой и стынет кровь, и сердце глуше бьётся, но очень важно нам, какой земля после ухода остаётся. Народу. Я. Геринг.*** Далее следует подпись и дата: **12 ноября 1984 г.**

После его ухода остался цветущий оазис в некогда безводной степи, его Атлантида, возведение которой стоило ему жизни. Остались достойные его дети, которые бережно хранят память об отце. Чтут его и в Павлодарской области Казахстана: в Павлодаре его именем названа улица, издана хорошая книга. А в Константиновке на Аллее памяти возвышается памятник Я. Г. Герингу работы московского скульптора. На его плитах всегда лежат цветы. Особенно много их было в те дни, когда отмечалось 25-летие со времени кончины этого великого создателя, сумевшего построить коммунизм в своём колхозе.

**г. Вормс,
Германия.**

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Палитра счастья

Подарком судьбы видится мне встреча с человеком поразительной цельности и красоты: душевной, личностной, наконец, внешней. Это случилось в раннем детстве. Читая сказки народов мира, даримые мамой, открывала мир. И поразили воображение женские персонажи в казахских сказках: ослепительно прекрасные, нежные, загадочные. Такими их изобразил и художник, автор иллюстраций. Имя его — Евгений Матвеевич Сидоркин. Только что приехав в Казахстан из России, он открыл для себя казахский народ, делясь своими чувствами с читателем-зрителем. И водила его рукой, его резцом и кистью Любовь. Любовь к девушке, ставшей его судьбой, подругой жизни, матерью сына — будущего художника. Имя её — Гульфайрус.

Все героини творчества Сидоркина — волоокие, трепетные, гибкие красавицы с точёным профилем и вдохновенным лицом — она, Гульфайрус Исмаилова. Вместе они учились в стенах Ленинградской академии художеств, вместе начинались как художники, посвятив себя Казахстану, вместе постигали азы и вершины Искусства, посвящая его людям.

Теперь, через годы и годы, видится неслучайным и рельефным всё, что начиналось в 50-е годы прошлого столетия. Город на Неве во все времена был художественным центром мирового масштаба. Именно здесь, в строгом и величественном сооружении классического зодчества 18-го века (арх. Кокоринов-Деламот) — Академии художеств — учились светила русского, советского и мирового искусства живописи, скульптуры и архитектуры.

Юность Гульфайрус Мансуровны Исмаиловой протекала именно здесь.

Высокий, чистый голос моей героини вибрирует от волнения:

— Моим педагогом был профессор Михаил Павлович Бобышев, наш куратор на факультете театрально-декорационной живописи. Он — из “Мира искусства”. Он поставил в Кировском театре “Медного всадника”. Работал со Станиславским, Немировичем-Данченко. Ставил спектакли в Ленинграде и Москве. Высокий голубоглазый блондин, настоящий аристократ. Он всегда был очень любезен и добр к нам, всегда обращался на “вы”, был очень внимателен и всё замечал. Он никого из нас не унижал, не делил нас, никогда не говорил “эти тёмные”, в отличие от других... Всегда был неизменно прост в общении и этим вселял веру в себя.

Ещё учась в Алма-Атинском художественном училище у Абрама Марковича Черкасского, я узнала — что такое деликатность и поддержка твоего педагога. Очень важно, когда в тебя верят. Особенно, если это люди высокого уровня, большие мастера, до которых надобно тянуться, затем, позднее, не менее трудно бывает “держаться уровень”. Но это — необходимое условие всякого подлинного творчества. Думаю, мне очень повезло с педагогами!

Эликсир радости

Всё в моей героине поражает красотой и силой ума. Так в обращении к молодёжи говорил Роден: “Восхищение — прекрасное вино для молодых умов. Восхищайтесь Фидием и Праксителем!..”. Этот великий творец жизни и Любви великолепно знал законы человеческой природы и божественное начало во всём сущем. И воплощал в своём нетленном искусстве. А слушая и видя вдохновенное

лицо Гульфайрус Исмаиловой, убеждаюсь в который раз: подлинный творец прекрасного всегда источает эликсир радости, поднимаясь над суетой. И вселяет уверенность и чувство сопричастности идеалам Прекрасного. И жизнь становится светлей и краше.

Юная Гульфайрус, будучи студенткой Академии художеств, изучая искусство театра, истово стремилась впитать в себя всё, что дарил невероятной красоты и духовности город на Неве:

— Я каждый день ходила в театры слушать оперу, смотреть балеты. А на каникулах ехала в Москву. Какое это было удовольствие каждый день, вечером, стоять за кулисами театра и смотреть, и слушать! Ведь это были — 50-е годы! Какие мастера блистали на сцене Кировского, Мариинского, Малого театров! Уланова, Лепешинская, Шпиллер — разве всех перечислишь!

А много позднее, в 70-е, приехав в Москву, уже будучи главным художником нашего театра, я имела возможность ходить в Большой театр на Плисецкую. Боже мой, как это было прекрасно! Мне привелось присутствовать на сдаче спектакля Р. Щедрина “Болеро”. Плисецкая была неподражаема! Я её боготворила. Но однажды в личной встрече я обнаружила такое высокомерие, граничащее с глупостью, в отношении к “малым народам”, к коим, наверное, была относима и я, и мне подобные, что весь мой восторг угас, и восхищение сменилось разочарованием и сожалением. Однако — это вовсе не повод для бесконечной печали и неверия в себя.

Какое счастье выпало на мою долю, когда на низкой деревянной скамье в музее Прадо Испании я около часа сидела перед гениальным творением Эль-Греко! Какие дивные часы были пережиты вместе с Сидоркиным, когда он вернулся из Италии и целую ночь напролёт рассказывал о её неподражаемых памятниках красоты!

Г. М. Исмаилова.

Счастье любить

— Мне выпало большое счастье быть женой, жить рядом с гением. Ведь именно таким был Евгений Матвеевич Сидоркин. Мы встретились в Ленинграде во время учёбы. Была возможность остаться там после окончания института, работать в театре. Но меня всегда тянули родная земля, мой очаг, мой дом, мои горы. Я глубоко верила в силу этой земли — Родины, чувствуя её корни в себе. И уговорила Сидоркина приехать в Алма-Ату. Здесь родился наш сын Вадим. Здесь мы прожили годы непростой, порой трудной, но счастливой жизни.

Меня нередко — что скрывать? — упрекали здесь за то, что вышла замуж за русского. Спрашивали, почему я это сделала. Что на это можно было ответить? Возможно, когда об этом говорили мужчины, в них велика была жадность, обычная мужская жадность. Но одному из них, высокопоставленному и неглупому казаху, я ответила: “В любом случае, если бы даже не русский, у меня был бы только один муж!”. И подобное противопоставление наций я считаю лицемерным и несправедливым. В нашем брачном союзе с Сидоркиным было так много радостного и интересного, наверное, потому, что нас объединяли общие интересы, профессия, и даже разность характеров. Он был очень добрый и мягкий,

о каких говорят “мухи не обидит”. Даже грубому человеку, злому, он не способен был отвечать той же монетой. Это — природная деликатность. А если был в чём-то не согласен со мной, умел настоять на своём немногословно и мягко. Мы спорили, доказывали друг другу правоту, но всегда приходили к единому мнению. И это было прекрасно! Например, как-то в его отсутствие — он был в поездке, — я заключила договор о серии литографий на тему произведений Сакена Сейфуллина. Он вернулся и, услышав о договоре, недовольно сказал: “И что можно сделать с твоим этим партийным поэтом?”. На что я не стала возражать, а просто начала читать стихи Сейфуллина, поэтические песни на казахском языке. Женя очень удивился их напевности и лиризму. Тогда я перевела их на русский язык. И работа пошла. Она потом получила название “Читая Сакена Сейфуллина”.

Именно за лист “Колыбельная” из этой серии Сидоркин был удостоен золотой медали на Бьеннале графики в Дрездене. Эта была первая победа казахстанца на международном форуме. Год — 1964-й.

— Мне больно говорить о нём в прошедшем времени, хотя минуло более 20 лет со дня его смерти. И я сознаю и судьбу благодарю за то, что встретила с таким человеком — мужем, отцом, Художником, с такой Личностью.

Боль памяти

— В детстве, да и в юности, меня постоянно мучил страх о прошлом моих родителей. Многим этот саднящий душу ужасом кошмар хорошо знаком. “Враг народа” — мой отец в числе 19-ти других молодых талантливых выпускников Ленинградского университета был однажды ночью арестован и затем расстрелян. И — никаких объяснений, извинений. И постоянно гнетущее чувство тревоги и необъяснимой вины. За что? Кто может ответить на этот вопрос? Возможно, где-то в подсознании жила во мне мысль, что любой из моих земляков не поймёт и не простит этого, а Женя был из России, и я ему единственно доверила свою жуткую тайну — как мне тогда казалось. И он понял, и всё принял как есть. А ведь надо знать то время, жить тогда, чтобы оценить такую преданность. Даже сейчас говорить об этом тяжело и больно, но ведь это — правда жизни. Многие из моих ровесников прошли через это и понимают меня. Да и молодым теперь стало известно, благодаря открывшейся информации. Но боль эта неизлечима.

Театр — проекция жизни

— В театре оперы и балета им. Абая я работала с 1970 по 1987 годы. Главным художником. Это было очень трудное время, но и счастливое.

Мне помнится самое начало работы в театре моём, когда в 50-е годы по моим эскизам делались декорации к спектаклю, посвящённому дружбе с Китаем,

“Дорогой дружбы”. И кто писал их? Такие великаны как И. Ненашев, как С. Калмыков! Ведь именно с этих блистательных имён, с этих удивительных людей начинался мой путь в театре. И это — счастье!

Этот балет был повезён в Москву на Декаду казахского искусства и имел триумфальный успех. Именно его оформление было отмечено особо. Это был настоящий праздник!

Случалось и другое. Как-то в Москве, на встрече с главным художником Большого театра Валерием Левенталем, я услышала его возглас: “Я в театре, что пловательница!”. И поразилась. Действительно, будучи главным художником в

своем театре, я порой испытывала примерно те же чувства. Представьте, когда тебе в лицо актриса кидает костюм, сделанный по моим эскизам, с воплем: “Не буду такое надевать! Забирай своё барахло!”. Или яростные упреки в том, что достоинства чьей-то фигуры изуродованы моей работой? Сначала — обида, негодование, боль. А потом понимаешь всё равно, что актёры — те же дети, и им нельзя вменять в вину излишнюю экзальтацию и восприимчивость, с ними нужно обращаться бережно, ласково, терпеливо. Вот этому и учил меня Женя. Однажды в момент отчаяния я спросила его: “Что, если я уйду из театра? Устала, не могу больше”. Он ответил: “Нет, ни в коем случае! Ты там — одна. И ты нужна театру. Ты должна там царить”. Больше слов не потребовалось.

Театр — это грандиозное зрелище и действо. Это — проекция жизни, создаваемая актёрами, режиссёрами, музыкантами, художником. А что такое костюм? Декорации? Это — одежда спектакля. А костюм актёра — это декорация к его жизни на сцене. Это — колер и колорит, это — настроение и темперамент, это — уровень его звучания в общем хоре голосов.

А балет? За годы работы в театре более всего я полюбила балет. И уже по подъёму стопы, по длине ноги, по одному штриху могу определить уровень актёра. Именно поэтому моя работа над балетными постановками всегда протекала с большим подъёмом и удовольствием.

Вехами в истории балетного театра страны стали декорации Г. М. Исмаиловой к балетам “Камбар и Назым” В. Великанова (1958), “Козы-Корпеш и Баян-Слу” Е. Брусиловского (1971) и портреты балерин Сары Күшербаевой, Л. Ли и других.

В отечественном оперном искусстве творчество Г. М. Исмаиловой как художника-постановщика обладает мощной силой воздействия. Взрывной темперамент и утончённый лиризм пронизывают действо через чутко уловленный и мастерски переданный ритм, звук, поэзию музыки. Это — “Чио-Чио-Сан” Дж. Пуччини и “Биржан — Сара” М. Тулебаева, “Трагедия поэта” Г. Мусрепова и “Ер-таргын” Е. Брусиловского, “Алпамыс” Е. Рахмадиева, “Жумбак-кыз” С. Мухамеджанова, “Аида” Д. Верди и многое другое.

Кино, вокал и портреты

Но неисчерпаемость природных талантов моя героиня выразила и в киноискусстве, и в искусстве пения, и в станковой живописи. Так, на заре жизни она параллельно учёбе в художественном училище проходила класс вокала в консерватории им. А. Жубанова. И сыграла роль Тыгрены в фильме М. Донского “Алитет уходит в горы” (1949-1950). Затем главную роль в фильме Е. Арона “Ботагоз” (1957-1958). Чтобы через десять лет выступить в двух ипостасях в знаменитом фильме С. Ходжикова “Кыз-Жибек”: в качестве главного художника-постановщика и в роли матери Жибек. Ныне это — гордость казахского кинематографа.

И ещё одна особенность творческого и человеческого дарования Гюль-Файрус Исмаиловой — умение тонко и глубоко проникать, заглядывая в душу своей модели.

Г. М. Исмаилова в роли матери (“Кыз-Жибек”, х/ф).

Сквозь внешнюю привлекательность в каждом портрете высвечен её духовный мир. В портретах Мухтара Ауэзова, Абылхана Кастеева, Джамбула, Куляш Байсеитовой раскрыт сокровенный смысл бытия каждой из уникальных личностей, их огромная душевная доброта и мудрость.

Особенность портретов в галерее великих представителей отечественной культуры, запечатлённых кистью Г. М. Исмаиловой, — их человечность и пронзительная сила искреннего расположения автора. С любовью, признательностью и преклонением пишет своих героев художник, вкладывая мастерство и дар божий в каждое своё творение. Среди таких вершин — “Шолпан Жандарбекова в спектакле “Енлик-Кебек”, Куляш Байсеитова в роли Кыз-Жибек в одноимённой опере, “Шара Жиенкулова (Казахский вальс)”. Особенность этих портретов — изображение модели в сценическом действе. Отсюда их многомерность, глубина, богатство, колорит. В казахском портретном искусстве аналогов им нет, ни в современном, ни в прошлом времени. Лишь в русском, рубежа 19-20 веков. Как в портретах Ф. И. Шалапина в роли Бориса Годунова и Олоферна кисти Головина.

Актёры, певцы, музыканты

Об этом Гульфайрус Мансуровна отзывается с особой теплотой, ничуть не кичась славой и наградами:

— Конечно, невозможно было, работая в театре годы и годы, писать только эскизы декораций и костюмов к спектаклям. Великолепие актёров, с которыми сживался в процессе постановок, не могло оставаться равнодушным. С удовольствием писала я их портреты. Так возник “Казахский вальс” с Шарой Жиенкуловой, так появилась Шолпан Жандарбекова в трагической роли главной героини спектакля “Енлик-Кебек”, Куляш Байсеитова — Кыз-Жибек.

В детстве, в 6-8 лет, я с бабушкой ходила на концерты Шары. Не было для меня на свете никого красивей её! Её танец неподражаем! Её лицо, фигура, руки! Я готова была смотреть на неё без конца!

И ещё одно свойство натуры незаурядной — умение смотреть в Будущее, открывая таланты, сопереживая и радуясь каждой новой звезде.

— В театре мне встречались прекрасные актёры: певцы и певицы, музыканты, танцоры балета. Удивительно красивые!

Поразил меня голос Рахимы Жубатуровой. Ей бы петь с Пласидо Доминго, с Лучано Паваротти! Колоссальный голос! Какая колоратура! Это — казахская Монсеррат Кабалье! А Днишев Алибек! Красивый, богатый голос. Камерный голос...

За что я люблю Бибигуль Тулегену? У неё небольшой голос, тоже камерный. Казалось бы, оркестр в опере должен его заглушить. Но он — лёгкий, высокий, звонкий, он летит вверх и все его слышат. Но главное — она поёт сердцем. И это не может не трогать. Слушаешь и не замечаешь, как лицо заливают слёзы. Так она поёт!

Как художник театра, отмечу, что она всецело доверяла моему вкусу и опыту. “Делай, как хочешь!” говорила она, когда речь шла о стиле костюмов и новой постановке. Она невысока ростом, но есть свои прекрасные данные, которые я обыгрывала. Платформы обуви делают выше, плюс высокая причёска, круглое лицо на высокой шее и небольшая грудь дают эффект той стройности, с которой не конкурировать другим. Конечно, нас связывает не только работа в театре. Мы долгие годы жили в одном доме, общались. И всё же, наверное, прежде всего, важнее всего для нас было общение именно в творчестве, через творчество, через искусство.

Лучезарная улыбка на открытом лице певицы, что смотрит на нас со сцены концертного зала, касаясь рояля, сияние светлого фона занавеса и свет, исходящий от облика героини, не оставляют сомнений в том, что зал взорвался долгими овациями благодарности и восторга. И мы с вами — среди зрителей и счастливых слушателей, внимающих звукам чарующего голоса “Казахского соловья”, как уже полвека зовут в народе неповторимую Биби-гуль Тулегену. Её изображали и живописцы, и скульпторы, и графики, восхищаясь талантом и красивым обликом. И лишь Гульфайрус Исмаилова сумела зримо воплотить в своём портрете трепетную прелесть и высокую душевную организацию первой профессиональной казахской певицы, начинавшей свой путь на сцене с народных казахских песен, поднимаясь до замечательной колоратуры оперных арий классического репертуара. Её роднит с художником и творческая профессия, и обаяние женственности, и происхождение: обе — дочери репрессированных высокоодарённых, образованных интеллигентов дворянского круга, и, конечно же, та страсть, с которой служат они своему назначению — нести радость людям, служить своему народу, быть достойными его великой любви.

Из когорты титанов

Да, Гульфайрус Исмаилова — из той когорты выдающихся людей, служителей Мельпомены, что всем своим существом утверждают идеалы Прекрасного. Она глубоко убеждена, что нет ничего случайного, напрасного, утверждает, что благодарна судьбе за каждый прожитый день и верит в Завтра. Радуетя всем большим и малым достижениям Родины, всем знакам отличия и почитания, что дарит ей народ, гордится своим единственным сыном — приемником Вадимом, тоже художником.

Счастье жить — это дар, отнюдь не каждым осознаваемый. А моя героиня, великий кочевник по самой своей сути, объездила почти весь мир в поисках красоты, стала для многих стран символом лучшего, что есть в родном народе, выступала проводником мира и согласия, что ещё давно отметил Почётной грамотой Советский комитет защиты мира.

Япония, Франция, Германия, США, Англия, Италия... Об этом, и не только об этом, говорит, волнуясь, художник:

— Поездки, которые доводилось мне предпринимать, были наполнены бесподобным свечением красок, которые открывались перед глазами в крупнейших музеях Европы! Разве это сравнимо с чем-либо? Разве такое забывается? И не смешно ль и не дико ли видеть толпы своих сограждан, снующих по тем же городам в алчной жажде покупок — и ничего более!? — не видя этой красоты? Жаль этих людей и страшно за них. Душа их закрыта.

Видеть прекрасное

А её вольнолюбивая душа формировалась заботами бабушки, всю любовь и умение видеть прекрасное вложившей в одарённую девочку. По сей день сохраняет она благодарную память души. Тенистые аллеи карагачей, певучие струны пирамидальных тополей, свечи тянь-шаньских голубых елей у подножия сверкающих вечными снегами вершин Заилийского Алатау, омываемых прозрачными звуками тишины... И вольный ветер, напоённый ароматом цветущих яблок, и журчащие песни арыков, и ликующие голоса птиц. Такой навсегда сохранилась в памяти Алма-Ата раннего детства. Здесь 15 декабря 1929 г. родилась Гульфайрус в благополучной семье,

обеспеченной и культурной. Традиции казахского народа с его гостеприимством, щедростью, открытостью проповедовались и чтились свято. Тёплый взгляд бабушки, её проворные искусные руки мастерицы, доброе напутствие отца, уехавшего учиться в Ленинград... Всё осталось, сохранилось навсегда трепетно-чистым воспоминанием детства — нелёгкого, голодного, прошедшего в годы войны. И через всю жизнь — учёба. В Алма-Атинском художественном училище, в институте им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, в лучших театрах и музеях страны и мира, в стенах родного театра оперы и балета, на актёрской площадке и в своей мастерской — упорная, каждодневная, трудная, не по-женски тяжёлая учёба — работа. Работа, где побеждает лишь Дух. Воплощаясь в грандиозное по значимости и красоте зрелище. И в этом служении на алтарь Искусства приносится жизнь. Гульфайрус Исмаилова, как заповедь, повторяет слова Учителя: “Человек никогда не станет человеком, если он пренебрегает духовными началами”. Её мелодичный смех и молодой звенящий голос внезапно становится тише. Задумчиво и убеждённо она произносит: “Всё остаётся людям”.

А потом вновь переливчатые звуки смеха. Почему-то вспомнились слова Маленького Принца о миллионах бубенцов, что смеются голосами звёзд. И его правило: встал поутру, умылся, привёл себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету.

Мы живём на планете людей, на единственной и великолепной планете Вселенной, где миром правит божественный закон веры в Добро и Красоту, — утверждает дивным искусством своим и всей жизнью великая дочь казахского народа, Художник Божьей милостью, поистине народный художник Казахстана, кавалер орденов “Парасат” и “Достык” 1 степени, единственная на родине и в мире художник театра и кино — Женщина, Мать, Гражданин Мира — Любимая наша Гульфайрус Мансуровна Исмаилова. Вся её палитра творчества подобна живительной влаге в пустыне одиночества. Как подарок сердцу! Ликующая, светозарная, восхищающая, поднимающая над бытом и сиюминутными заботами, она поистине очищает каждого, приобщая к высшему. Палитра Счастья!

Слава, Женщина, Вам!
Что приятно для сердца,
Прекрасно для глаз! —

воскликнул Поэт. Это — о Вас, Гульфайрус Мансуровна, с низким поклоном и искренней благодарностью на все времена!

г. Алматы.

Норлан СЕИТОВ

Два рассказа

Посвящаю сыну Оскару

Твой день

Мальчик стоял около одинокого дома в горах и ждал отца, возвратившегося туда за ружьём. Отец сказал сыну, что оно необходимо для безопасности, так как он заметил на тропе парочку диких собак, мелькнувших на склоне вершины, освещённой утренним солнцем. Мальчик пристально разглядывал склон, изрезанный тропами, но так и не увидел собак среди высоких трав и под могучими тенями елей. Он глубоко вдыхал сырой хвойный воздух и слушал угрюмое ворчание реки в глубине тёмного ущелья. Мальчик жмурился от тёплых лучей солнца и радовался предстоящему восхождению на вершину, которая была так похожа на пирамиду из учебника третьего класса.

Третий день они жили у дяди Миши, давнишнего приятеля отца. Отшельник давненько работал наблюдателем метеослужбы, он передавал в центр состояние погоды: район был селеопасным, поэтому пост был необходим для срочных сообщений. Но, несмотря на опасность, каждый год загоняли на джайляу многочисленные отары овец. Сейчас канун осени. Отары спустили в степь. На склонах гор ярко желтеют осины среди монументальных зелёных елей. Изредка, сверкая на солнце, летят в долину извивающиеся длинные паутины.

В разговоре дядя Миша советовал отцу взять в поход его ружьё. Объяснял тем, что в горах после ухода отар остаются отбившиеся овцы. Чабаны иногда шутя говорили дяде Мише, что вот столько-то баранов съели, столько-то сбежало и те, что сбежали — твои. “Так что на всякий случай прихвати ружьё”, — настаивал дядя Миша. Отец отказывался и говорил без хвастовства, что настрелялся на всю оставшуюся жизнь на степных озёрах. Но уступил уговорам хозяина, так как одичавшие собаки опасны, они умнее волков. Так как они знают психологию людей, которые когда-то избавились от них и, возможно, собак там целая стая. Осторожность — одно из главных правил поведения в горах: даже камешек на тропе может стать причиной беды. А тут — собаки...

Не спеша, словно отсчитывая каждый шаг, они медленно поднимались по тропе: сын впереди, отец позади. Он знал, что, будучи за спиной сына, всегда успеет его поддержать. Мальчик, конечно, был всезнайка, но всегда, сдерживая дыхание, оглядывался на отца и шёл, не замечая пока усталости и выискивая взглядом вершину. Крепкая палка, подаренная дядей Мишей, оказалась надёжной опорой, когда не за что было ухватиться на крутой тропе. У отца стволом вниз свисало ружьё, и их тени мягко ложились на подсыхающую траву и причудливо изгибались на больших камнях. Мальчик улыбался, когда палкой стряхивал искрящиеся капли

**Норлан
СЕИТОВ**

родился в 1940 году. Музыкант, гитарист, композитор. Пишет прозу. В 2005 г. выпустил сборник рассказов “Добрые люди”. Живёт в Алматы.

росы с пушистых равнодушных елей. Наконец он запыхался, вытер ладонью пот с лица и повис на палке.

— Устал, сынок, отдохни! Попей водички из фляжки.

— Далеко ещё до вершины?.. А как она называется?

— Она, кажется, без имени. Я спрашивал у дяди Миши, он говорил, что при нём сюда никто не поднимался. И сам он тоже: некогда, говорит, хозяйство. Он только у подножья горы выпускает своих овец на выпас...

— Ура!!! — вдруг обрадованно закричал мальчик. — Смотри! Тоби прибежал за нами. Как я рад! Он привык ко мне, хотя дядя Миша говорил мне, чтобы я не ласкал его, а то пёс не будет злой. Ведь он охраняет дом.

Тоби, лохматая дворняга, весь в репейнике, радостно метался на узкой тропе вокруг мальчика. Он строго и в то же время просяще заглядывал в глаза путникам, как бы говоря, что я вам пригожусь и я люблю вас. Да разве его прогонишь. Да и домик внизу лежал спичечным коробком на поляне и был похож на ёлочную игрушку среди вечных елей. Веселей стало всем, особенно мальчику, у которого от усталости ослабли ноги, да и дышать стало тяжело; вершина манила, но, как казалось мальчику, не приближалась. А Тоби, то где-то впереди, то позади, а то встанет перед ними и опять, строго заглядывая в глаза и бешено размахивая репейным хвостом, приглашает их следовать за ним. Конечно, псу дома у Миши не весело: охраняй дом, баранов, домашних птиц и никаких тебе развлечений. Хотя для серьёзной охраны хозяйства имелся на цепи пёс-громила, который держал живность в суровом режиме и иногда подпускал к себе для общения весёлого Тоби.

Тоби исчез где-то впереди. Внизу с обрыва речка блестит неподвижной проволочкой. Её совсем не слышно. Зато открываются вокруг новые вершины, заляпанные там и сям ледниками. Подул ветерок с дальних свинцовых гор. А солнце беснуется, сдерживая горячими лучами холодок вечных зим горных пиков. Нюх и слух у собаки тут среди приволья крайне обострены, и она, наверно, слышит, как ползают черви под землёй. Тихо. Кажется, что от такой тишины звенит горный воздух. И вдруг со страшным свистом над их головами пронеслось вниз чёрное ядро на косых крыльях. Это пролетел улар, горный тетерев. Он мгновенно исчез в лесу. Затем раздался радостный лай Тоби. Это он спугнул птицу.

— Па, кто это? Я так испугался. И шум страшный, как будто вертолёт пролетел.

— Я и сам вздрогнул... Это улар. Вот, сынок, выпало нам счастье увидеть его, последнего из могикан. Красавец!

— А ты подстрелил бы его?

— Не посмел... Пусть и другие люди увидят это чудо... Тебе, малыш, пора надеть кепи, видишь, как солнце разошлось. Да и я, пожалуй, надену вот эту тирольскую шляпу. Михаил подарил: не с руки ему красоваться в ней среди своего хозяйства.

На крутом подъёме мальчик вдруг не удержался, откинул палку и повалился вниз, но сильные руки отца крепко схватили его и удержали над крутым склоном. Он крепко обнял сына, поцеловал в щёку, глубоко вздохнул и сказал:

— Будь осторожней. Отдохни, не спеши, вершина от нас никуда не уйдёт.

Они посидели на плоском тёплом камне, глубоко подышали и продолжили подъём. Тоби было сложнее подниматься: лапы скользили то по щебню, то по камням. Внизу-то тропа была мягкая, усыпанная многолетней хвоей и листьями: разбегайся и — лети... Тут он умно обегал препятствия, но не везде был лаз для собаки, поэтому мужчина подталкивал пса, и он, в знак благодарности, лизал ему руки.

Вершина была где-то рядом, она мелькала среди скал, манила своею неприступностью. Ближе к концу пути склон был не так уж крут. Огромные камни были плотно укрыты изумрудными ковриками лишайника. За пушистые кусты можжевельника, хотя и колючие, можно было цепляться в помощь уставшим ногам.

Мальчик, карабкавшийся впереди, замер. Он указывал пальцем в сторону кустарника. Там он, оказывается, увидел овцу. Очевидно, это была одна из тех, что давно отстала от стада. Она стояла в одиночестве и что-то мирно выщипывала из земли, не замечая людей. Отца пронзил до самых пят инстинкт охотника. Он осторожно стал снимать с плеча ружьё, готовясь к выстрелу. Но тут раздался лай Тоби, и он рванулся к овечке...

Потом, вспоминая эту встречу, отец удивлялся дикой прыткости овцы, которая летела, как улар, но по земле, а из стороны в сторону трепетно вздрагивал курдюк.

Если бы не лай Тоби, то, наверно, отец убил бы овцу, так подумал сын. Даже если бы собака не залаяла, подумал отец, то я всё равно не убил бы её. Тоби "подумал" иначе: бедная овечка, ведь пропадёт в горах, здесь волки, дикие собаки. Лучше бы сидела в сарайчике у хозяина и жевала дармовое сено.

Наконец, идти было некуда: они на вершине!

Они взобрались на площадку, где могли бы уместиться три домика дяди Миши. С северной стороны к вершине подкрадывались верхушки одиноких елей, с южной были разбросаны камни и валуны на безлесом склоне, дальше простирался вечный ледяной простор: с синюющими пиками, облаками, случайными туманами в тёмных ущельях. А солнце, казалось, взлетело выше и щурилось от блеска ледников. Глубоко внизу под вершиной зеленело мыльницей Большое Алма-тинское озеро.

Какое счастье всё это видеть вместе с сыном, думал отец, сжимая ладонь мальчика и переглядываясь с ним...

А за спиной в серой мгле и в едком смоге задыхался столичный город. Чуть белели высотки... Когда-то и там, над городом, было ясно и чисто, как в горах. Только телебашня на Кок-Тюбе касалась голубого неба... Отец глубоко вздохнул, глядя на серый город.

— Папа, а как мы назовём вершину? Сюда, наверно, не ступала нога человека, — у мальчика сияли глаза.

Отец задумался. Никогда ему не приходилось давать имя вершине, на которой стоишь.

— Ты, может, помнишь, сынок, моего друга... Его звали Верлан, он погиб в горах. Был мне очень близким человеком. Если ты не против, то назовём в его честь.

— Конечно, я "за". — Мальчик ещё крепче сжал руку отца.

Мужчина разложил на полотенце походный обед: особенно сияли на солнце красные помидоры и зелёные огурцы... Мальчику захотелось

полежать после удивительно вкусного обеда. Он прилёг на тёплую землю и, вдыхая сладкий воздух, мгновенно заснул. Тоби пристроился ему под бок и тоже уснул, чутко вздрагивая во сне.

Отец спустился в лесочек в поисках грибов и чуть не примял эдельвейс на стройной ножке. Присмотревшись, он нашёл ещё несколько бархатных растений. Прислонив ружьё к камню, он бережно собрал их в букетик...

На вершине раздался тревожный лай Тоби и незнакомое злобное рычание. Мужчина рванулся наверх. Там, бледнее серого камня, мальчик отбивался палкой от двух диких псов. Рядом с ним стоял насмерть Тоби. Звонким эхом разносилась по горам злая собачья разноголосица. Мужчина выстрелил в воздух. Диких собак словно ветром сдуло.

— Папа, я спал. Тоби первый зарычал, и я проснулся. Он защищал меня. Я отбивался палкой, но она ж не ружьё, — взволнованно рассказывал мальчик, и его глаза заполнялись блеском.

Отец крепко прижал сына к груди.

— Надо же, они нас выследили, — мужчина качал головой и смотрел в сторону исчезнувших вмиг диких собак. Тоби крутился у ног, бешено виляя репейным хвостом. А могло бы кончиться всё трагичнее, подумал отец и ещё крепче обнял сына.

Спускаться с вершины оказалось для мальчика сложнее. Осыпь скользила под ногами, и он несколько раз присаживался на пятую точку опоры, так было проще спускаться. Отец иногда придерживал его рукой, и они осторожно спускались к дороге, изредка поглядывая по сторонам и прощаясь с высокими горами. У дороги мальчик свалился от усталости на землю.

— Па, ноги не держат.

— Отдохни, выпей водички. Если хочешь, то я тебя опять понесу на плечах... Давай лучше попутную машину подождём?

— Давай! А где Тоби? — мальчик растерянно оглянулся по сторонам, но тут неожиданно из леса выехала грузовая машина, они залезли в кузов, где сидели кто на чём парни, которые спускались с Космостанции.

Машину встретил дядя Миша. Он всегда выходил к проезжающим машинам и по договорённости продавал молоко и сметану. Он держал в своём хозяйстве корову.

Мальчик долго стоял на дороге. Внизу гремела река: воды к вечеру прибавилось. Солнце опустилось за гору, и верхушки пятисотлетних елей чуть светились на закате дня. Мальчик продолжал ждать Тоби. Отец, как бы шутя, предложил произвести сигнальный выстрел из ружья. Сын, конечно, не отказался и сам пальнул в воздух. Потом он разглядывал эдельвейсы, которые вовсе не были похожи на цветы и больше напоминали какие-то подводные чудаковатые рифы.

— Никуда он не денется, — успокаивал мальчика дядя Миша. — Он горный, он здесь хозяин.

— А там дикие собаки напали на нас! Ваш Тоби спас меня, — мальчик вздрогнул от воспоминания и сбивчиво рассказал как всё произошло. Горный человек слушал его очень внимательно.

— Ну ведь не съели! — пошутил дядя Миша. — Пошли в дом: прохладно.

Мальчик ещё раз посмотрел на дорогу ... и нехотя полпёрлся за хозяином. Вдруг кто-то, скуля, лизнул ему руку... Это был его друг — репейный Тоби!

Свой парень

Пёсик вытянул лапки, выгнулся, зевнул, обнажив острые зубы, и лизнул замёрзший хвост. По коридору общежития низом ползла колючая свежесть раннего морозного утра. Байковая портянка под щенком скомкалась и не отпускала его, притягивая теплом. Проснулся он от шума: кто-то за дверью комнаты встал раньше всех и, кряхтя, натягивал неподатливые холодные сапоги. Пёсик в ожидании стал внимательно смотреть на двери. Вскоре через порог переступил полураздетый парень. Не обращая внимания на ожившего пёсика, он пинком ударил примёрзшую общую дверь коридора, с шумом вдохнул горный морозный воздух, закашлялся и вышел из помещения.

Пёсик мигом юркнул за ним. Барак, из которого они вышли, зарылся в глубокие сугробы и осел под тяжёлой снежной шапкой. Солнце лизнуло холодным лучом острый пик высокой вершины — он вспыхнул и засиял розовым кинжальным блеском над утонувшим в суровой утренней мгле горным ущельем... Затем вспыхнула поляна в солнечном свете перед бараком.

Рыжая передняя лапка пёсика повисла в нерешительности над нетронутым, ночью выпавшим, снегом, застыла в воздухе так, как замирает рука вдумчивого пианиста над белоснежными клавишами. Наконец лапка упала, и пёсик помчался, фыркая от восторга, по рыхлому, сверкающему в лучах солнца снегу. Он то кружился на одном месте, пытаясь ухватить тощий хвостик, то мчался вперёд, буравя мордочкой нанесённые за ночь сугробы.

— Гляди, ребята, наш Пират как крыса по воде плывёт, только морда и хвост мелькают в снегу, — заметил один из парней.

Почти вся бригада, человек пятнадцать, вывалилась из помещения и умывалась, отфыркиваясь, снегом.

— Где моя портянка? — раздался из общежития безнадёжно-равнодушный голос.

— Вчера стержни искал для сварки, сегодня — портянку, а завтра свою жену будет искать, — съехидничал кто-то из ребят.

Смеясь, они входили в коридор и что-то советовали товарищу.

— Не Пират, а какой-то бандит, — слышалось ворчание из тёмного коридора. — Утащил портянку под себя. Сейчас портянку, потом одеяло, — парень крепко выругался. — Выкинуть дармоеда к чёрту. Все углы обмочил, — ворчун вышел из помещения.

— За хвост подвесить его, — продолжил он более спокойно, оглянувшись вокруг и, не заметив поблизости щенка, принялся растирать лицо тёплым, как ему показалось, снегом.

В широких робах, напоминавших рыбацкие, глубоко вдыхая дым папирос и сигарет, из столовой один за другим вышли сварщики и бетонщики и направились по дороге на работу. Они шли, разговаривая о делах, подтрунивали друг над другом, смеялись над чем-то. Кто-то из передних неожиданно победил, но, поскользнувшись, упал в снег. Все дружно засмеялись. Пёсик залаял, но тотчас взвизгнул... Эхо отозвалось в ущелье и резко замерло в морозном воздухе.

— Чего пинаешь щенка? — возмутился кто-то.

— Это ему за портянку.

— Он, думаешь, поймёт?

Пёсик стал выбираться из сугроба, будто из воды, высоко задрав морду и судорожно перебирая передними лапками. Обычно он провожал бригаду на работу. А тут... Кое-как выбравшись на тропинку, пёсик мельком глянул вслед уходящим, отвернулся и засеменил к столовой.

В гигиенических целях повар не пускал на кухню пса. Дверь в столовую была постоянно заперта. Щенку, бывало, не один час приходилось втягивать в себя вкусный запах, впивающийся в его лёгкие. Иногда он дожидался своей радости — открывалась дверь, и оттуда летела кость со словами:

— Чтoб ты здесь не скулил.

Щенок тащил мосолгы легко, как муравей соломинку, в свой угол, где были разбросаны обглоданные кости, своим количеством напоминавшие логово матёрого зверя, и принимался за важную работу. Никто не мешал ему, а то бы он показал свои острые зубы с устрашающим рыком, а может, и цапнул бы покусившегося на его кость.

Сегодня Пират вновь пересидел у двери кухни всё положенное время. У него замёрзли лапки и он потряхивал ими, будто они были мокрые, и потихоньку скулил. Наконец повар сжалился, кинул кусок хлеба и строго приказал:

— Охраняй кухню.

Пёсику было невдомёк, что вчерашний снег и густой туман не позволили машине с продовольствием ехать сюда по извилистой горной дороге, поэтому он получил лишь кусок хлеба.

Засияли склоны, засеребрились ели, зажмурил некрасивые глазки рыжий щенок. Это солнце вырвалось вдруг из-за стены гор в синеву неба. Пират от неожиданности хотел залаять, но, вспомнив, что голоден, кинулся в свой угол и начал грызть старые кости.

На покосившуюся изгородь села сорока. Она зябко втянула голову в раздутые перья, оттуда высунула клюв и пулемётно застрекотала. Пёсик от страха присел. Он никак не мог привыкнуть к этому звуку в горной тиши и отчаянно залаял. Сорока перелетела на высокую ель. Пират храбро ринулся к дереву, но забуксовал в сугробе и, больно ткнувшись в иглы ели, почти металлические от холода, уставился на макушку дерева.

По стволу вниз стремительно спускалась белка. Она, любопытствуя, стремилась к живому существу, не зная, что это такое. Пёсик, ничего не поняв, но, почуяв недоброе, рванулся к кухне. Там, стряхнув с туловища снег, почувствовал себя в безопасности и громко, победно залаял. Затем лай стал тревожным. В дверях показался повар:

— Чего разлаялся? — он посмотрел на тропу.

По ней спускались трое, причём двое поддерживали третьего.

— Молодец, Пират, хорошо охраняешь. Но что это с ним? — повар с недоумением смотрел на приближавшихся людей.

Пёсик, оглядываясь на повара в ожидании благодарности за бдительную службу и наслаждаясь звуками собственного лая, готов был кинуться с грозным рыком навстречу шедшим.

— Вот видишь, ты его пнул, и теперь он встречает тебя как чужого, — сказал пострадавшему шедший с краю.

— Это щенок. Что он понимает? — сквозь стиснутые зубы проговорил средний, волоча ногу и крепче ухватываясь руками за плечи товарищей.

Они подошли к повару.

— Что случилось?

— Да он поскользнулся у самой селезащитной решётки. Хорошо что успел отбросить горящую горелку, а то бы — хана, — ответил один из рабочих, отирая пот со лба: — Может, вывих, а может, перелом...

Потерпевшего прямо в сапогах уложили на кровать, подложив под ногу подушку. Он застонал и, преодолевая боль, сказал извиняющимся тоном:

— Ребята, вы не подумайте, что я нарочно, ведь мы обещали начальству пораньше сварить решётку.

— Не бери в голову, доварим без тебя. Лишь бы нога твоя оказалась целой, — стоя в дверях, сказал один из сварщиков.

— Надо по рации вызвать “скорую”, — заявил другой, — но едва ли они доберутся сюда.

— Вызывай, — обращаясь к повару, распорядился бригадир.

Они поспешили обратно в горы.

Парень лежал, боясь шевельнуть ногой, будто был пришит к матрасу. Когда открыл уставшие от боли глаза, то увидел пёсика. Тот стоял в дверях и внимательно смотрел на него. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, сварщик стал рассматривать собаку.

Пёсик был некрасив. Над узким морщинистым лбом, как бумажные салфетки, свисали уши. На длинных тонких ногах слегка покачивалось тощее тело. Невольно вызывал улыбку короткий, похожий на пороссячий, хвостик, кажущийся нелепым и ненужным.

“Кто тебя только породил на свет? — подумал рабочий и вспомнил, как утром пнул пёсика ногой. — Зря я это сделал. Бить такого грех. Ведь он сирота. Не помнит родителей и жаловаться некому”, — он почему-то мысленно очеловечил пёсика.

Ещё он вспомнил, как однажды забрели к ним в горы туристы с собакой. Жирный кобель деловито обнюхал все углы, оставляя свои отметины, и вдруг отскочил от угла “матёрого зверя”: оттуда с оглушительно-звонким лаем выскочил Пират.

Острые, как рыбы рёбра, зубы пёсика были ощерены, готовые вцепиться в противника. Его храбрость рабочие тогда оценили. Пришелец спокойно, с завидным достоинством, отталкивал пёсика боком. Если бы у незваного гостя был хвост, ему пришлось бы плохо, так как пёсик был натренирован на всяких тряпках, которые побеждал блестяще. Жаль, что у кобеля хвост был обрублен почти под самый корешок, а то получилась бы забавная сценка.

Пират рвался в бой, он отчаянно тьявкал, и незваный гость предпочёл ретироваться, втайне негодуя на невоспитанного, назойливого пса. Пират победно залаял. Его хвост прямой, как пика, торчал из рыхлого снега. Храбрость пёсика тогда удивила всех. “Да, завидная смелость”, — подумал рабочий, пытаясь заглушить ноющую боль в ноге давними воспоминаниями...

— Иди сюда, — обратился он к пёсику и чмокнул сухими губами.

Пират замахал хвостиком и недоверчиво потрусил к кровати. У рабочего появилось на лице виноватое выражение. Он сдвинул брови, опустил руку на пол и сказал:

— Дай лапу.

Пёсик остановился и склонил голову.

— Не хочешь. Обиделся на меня. А я в беду попал, и посочувствовать некому, а ты пришёл, — он по-прежнему виновато смотрел на пёсика. Пират вильнул хвостиком.

— Я не со зла тебя пнул, так сорвалось. И тебе незачем мои портянки таскать туда-сюда. Стажил бы у того, кто на работу не спешит.

Несколько минут они молчали, словно приглядываясь друг к другу.

— Сыну расскажу про тебя, — сварщик хотел приподняться, но, охнув от боли, опять опустился на кровать и посмотрел с неудовольствием на больную ногу. — Сыну расскажу про тебя, — повторил он после паузы и добавил с улыбкой: — Скажу, что ты у нас породистый. Вишь, у тебя пятнышки везде, как нарисованные...

Пёсик, как бы проверяя, на месте ли пятна, посмотрел на свои передние лапки, затем, изогнувшись калачиком, стал покусывать заднюю лапу.

— Что, квартиранты беспокоят? — улыбнулся рабочий, имея в виду блох. — Вот придёт лето, искупаем тебя. Сейчас, сам понимаешь, негде... — Он помолчал, поправил сбившиеся от пота волосы на лбу. — Мяч тебе привезу. Сын наверняка отдаст. Дети собак любят, — сказал он в заключение и задумался. — В общем... — он запнулся от необычности ситуации, — Пиратик, дай лапу, и — мир.

Пёсик лёг на спину и, лизнув пальцы мужчины, протянул лапку-прутик.

В комнату вошёл повар.

— Машина с продуктами кое-как добралась. Угрохали ящик песка, пришлось дорогу посыпать. Тебя отвезут в город, — увидев пёсика, он рывкнул: — Пшёл отсюда!

Пёсик мгновенно разогнул хвостик-спираль и нырнул под кровать.

— Не кричи на него, это свой парень, — с улыбкой сказал рабочий, — такого ещё надо поискать.

Повар, видимо, что-то поняв, тоже улыбнулся...

... Машина с пострадавшим рабочим на тормозах спускалась вниз. Пёсик смотрел вслед. Его рыжая лапка повисла над чётким отпечатком шины на снегу, как бы в прощальном "до свиданья".

Татьяна ВАСИЛЬЕВА,
учитель русского языка и литературы
школы-гимназии № 6

Язык мой — друг мой?

Задуматься о состоянии современного русского языка семиклассников гимназии № 6 заставила ошибка, допущенная в одном из учебников за 6-й класс, где предлагалось "высаживать как можно больше зелени: деревьев, кустарников, цветников". С неё и начались исследования, направленные против фактов языковой безвкусицы. Ребята начали внимательно вслушиваться в речь, звучащую вокруг, штудировать СМИ.

Для сегодняшнего времени, прагматичного и скупого, характерен отказ большинства его носителей от книжной речи, вынуждающей человека подбирать слова и выражения. Устная форма языка, связанная с разговорными стилями повседневного общения, всё чаще и чаще проникает в научные статьи, публицистику, художественную литературу. Иногда сознательное снижение образа "великого и могучего", демократизация общения рождает языковой беспредел.

Так, например, без оценочной лексики молодёжи: "Это меня убивает!", "Облом!", "Приколись!", "Реально!", "Клёво!", "Я в шоке!" — уже давно не обходится ни одно телевизионное шоу. "Близостью к народу" радуют некоторые строчки из современных песен: "Если хочешь сдохнуть красиво...", "Почему я на ней сдвинут?", "Не люби мне мозги...". Примеры стилистического хулиганства встречаются и на страницах периодической печати. "Мусолят зело часто" — этот шедевр из газеты "Инфо-Цес". А как, должно быть, близок и понятен каждому водителю заголовков "Не ковыряй в носу — гаишник!" из газеты "Взгляд".

Другая, свойственная современным интеллектуалам крайность — "излишняя метафоричность, разрушающая всякое представление о ясности, точности и выразительности языка: "Её ноги никогда не кончались, её зубы в луне отражались" (С. Зверев), "То ли ветерок мои губы колышет..." (Дискотека Авария), "Рука на руле забыта, а радио мне поёт" (Д. Маликов), "Хлопай ресницами и взлетай" ("Братья Гримм") и уже ставшие почти хрестоматийными примеры из репертуара группы "Корни": "Её изумрудные брови колосятся под знаком луны", "Её образ на сердце высечен ароматами гладиолуса".

Песни, из которых взяты эти строчки, заставляют двигаться тело, но никак не трогают сердце, не задерживаются в голове. "Дикие тени влюблённых" — так называется картина, которую рисует героиня одного из последних фильмов "Кардиограмма любви". Что на ней изображено, известно только ей. В этом же произведении искусства муж предлагает жене "психануть в следующем году на дочку". Планируется семейный скандал? Совсем нет! Речь идёт... о решении родить ребёнка.

На качество русского языка влияет и закон экономии — времени, места, сил. Эллиптичность высказывания (пропуск в речи целого звена мысли) ведёт к разрушению синтаксических связей, двусмысленности высказывания. Найденные школьниками примеры эллипсиса достойны включения в любой юмористический сборник. Традиционные для дачных ворот слова: "Осторожно, злая собака!" — можно расценивать и как предупреждение о нахождении злой собаки во дворе, и как обращение к животному, которому угрожает опасность, и как оскорбление того, кто стоит перед домом. Предупреждение: "Осторожно, дети!" — на дорогах и автобусах нашего города так же многозначно, как предыдущий пример.

Не пройти без улыбки человеку с богатым воображением и мимо фразы у одного из домов по улице Сары-Арка: "Ночная парковка только для жильцов!". Тот, кто пользуется городским общественным транспортом, с явлением языковой "лени" встречается ежедневно: "Задняя площадка, передайте за проезд!", "Уступите место с ребёнком!", "Семь бочек, на выход!". В автобусе, был найден и ещё один пример эллипсиса: над автоматически закрывающимися дверями надпись — "Не закрывайте двери!".

Расширение и обогащение русского языка происходит не только за счёт потока иноязычных слов, но и за счёт индивидуального словотворчества. Отношение к новым языковым единицам, созданным по уже готовым словообразовательным моделям, разное. Одни воспринимаются как словообразовательные ошибки, оскорбляющие наши эстетические чувства: “набыченная”, “ника-кашка”, “тя” (вместо тебя), “изоралася”, “здесь”. Вторые вызывают либо недоумение, либо лёгкую иронию: “негриха”, “белилка”, “красилка”, “помайонезить”, “всамделишный”. Третьи, являясь продуктом детских умозаключений, умиляют. “Если фонари зажигают специальные люди, то кто их вытухает? Пожарные?” — спрашивает мальчуган лет шести у своей бабушки. “Глаз отплыл!” — радостно сообщает другой после того, как с лица исчез отёк. “Я правдун!” — настаивает третий в ответ на обвинения старшей сестры во лжи.

“Зная о любви детей к словотворчеству, угадайте, что имеет в виду ребёнок, когда просит “мучай”? — на такой вопрос отвечают знатоки в телевизионной игре “Что? Где? Когда?”. Забавно, не правда ли? Среди примеров конструирования новых слов есть и те, что имеют право на существование в силу особой смысловой выразительности. К ним, наверное, можно отнести окказионализмы “шедеврально”, “трагедично”, созданные Т. Тарасовой и А. Сихарулидзе на “Ледниковом периоде”.

Языковая скупость, а также общая оторванность от книги, привязанность к компьютеру, движение интеллектуальной мысли к точным наукам породили большое количество лексических, морфологических и, конечно, синтаксических ошибок, связанных с неправильным конструированием предложений. Даже наши телевизионные кумиры и политические деятели допускают вышеназванные ошибки: “Заливаем пол-литрами и ждём, пока настоится” (Г. Малахов), “Я её совершенно обожаю” (Т. Тарасова), “Они заслуживают слова самой красивой похвалы” (П. Ванагас), “На этот раз белорусы были ловчее” (М. Тишман), “Гимн вызывает у меня качественные чувства” (Д. Билан), “Оценку можно было ставить двойку” (А. Сихарулидзе), “Зная Бориса Николаевича достаточно хорошо, это тот случай, когда речь идёт о личном” (А. Чубайс), “Проснувшись завтра, за окном уже будет ноябрь” (А. Малахов), “У Гагарина было то же самое. Идя по красной дорожке, у него развязался шнурок” (А. Заворотнюк), “Пострадавшим была оказана помощь в размере пятьдесят тысяч рублей” (Т. Голикова), “Надо будет жениться на ней. Как я раньше не додумался об этом” (Д. Нагиев).

Последняя ошибка, ошибка “по аналогии”, весьма распространена. Человек, допускающий ненормативное управление, рассуждает приблизительно так: “Если можно говорить “догадался о...”, “сообщил о...”, “заявил о...”, “поведал о...”, то почему нельзя сказать “додумался о...”, “показал о...”, “объяснил о...”, “доказал о...”?

Рядовой носитель языка может решить: если уж публичные люди иногда не задумываются о том, что говорят и как говорят, то нам сам бог велел ошибки делать. Так появляются, где надо и не надо, возвратные глаголы — глажусь, стираюсь, убираюсь. Мы “по старинке” ложим, а не кладём, звоним, а не звоним, выходим из кина, а не из кино, покупаем ужасно красивые польта в тех магазинах, где не низкие, а дешёвые цены, возвращаемся со школы, заходим к вышедшей на пенсию соседке и сообщаем, что на нашенькой остановке висит объявление “Работа для молодых пенсионеров” и ничуть не оскорбляемся, когда кондуктор, подталкивая в спину, громко говорит: “Семь бочек, на выход!”. Живём, одним словом, ни в чём себя не ущемляя!

В этот материал вошли факты, собранные школьниками за два месяца. Впечатляет и количество “материала”: только в одном классе — более 250 единиц-примеров. Отлично проявили себя юные лингвисты Мария Мелешенко, Азель Мрзабекова, Дарья Тихомирова, Камила Шепелева, Айгерим Саутова. Наблюдения ребят уже стали основой их научных проектов, и исследования русского языка, разумеется, будут продолжаться.

А ещё ребята на практике проверили выводы, сделанные нашими мудрыми предками: “Слово не воробей, вылетит — не поймаешь!”, “Что напишешь пером, того не вырубишь топором!”.

г. Астана.

Николай ШМИГАЛЁВ

Не от мира сего

Повесть-пародия

Предисловие

В данной повести рассказывается о зарождении и формировании, первых успехах и недоразумениях первого отряда специального назначения. Знаете, правильнее будет сказать даже не первого, а пробного или — точнее — случайно-экспериментального отряда, впрочем, и не отряда вовсе, а небольшой разведывательно-диверсионно-карательной группы соучастников, волей providения вовлечённых в выполнение задач одной миротворческой миссии. В принципе и не миссии даже, а, скорее всего, необычной специальной операции, хотя специально такое вряд ли можно придумать. Повествование пойдёт о реальных людях и не совсем... людях, может даже и не совсем реальных, но однозначно о тех, которые стояли (лежали и даже тонули) у истоков отряда и рядом. Материалы для повести собирались из различных источников: рассказы самих ветеранов, архивные документы, показания свидетелей и потерпевших (да, были и такие), мифы и былины — вот их неполный перечень (полный перечень находится, вы не поверите, у компетентных лиц на Лубянке). Имена, отчества, фамилии и прозвища героев в целях конспирации изменены до неузнаваемости. Любое совпадение имён, а тем более событий — роковая случайность, я бы даже сказал — трагическое совпадение. Но то, что всё это наглая и бессовестная правда, это неправда. Короче, так не поймёшь, надо читать.

Оборотень в погонах

Прапорщик Круглов преодолевал форсированным маршем дремучие лесные угодья, наматывая на свои ботинки с высоким берцем очередной десяток километров. Тельняшка под летней камуфлированной курткой, заправленной в брюки, от пота промокла насквозь и липла к телу, над головой звенел жаждущий крови гнус, встревоженный безжалостным натиском человека на их травяные аэродромы базирования. Не обращая внимания на подобные мелочи, прапорщик поправил камуфлированную бандану, сверился по компасу с направлением движения и направился далее в глубь чащи.

Николай Николаевич ШМИГАЛЁВ

родился 11 февраля 1978 года в селе Мерке Джамбулской области. В 14 лет поступил в республиканскую военную школу-интернат имени Б. Момыш-улы, связав свою жизнь с армией. Закончив РВИШ, учился в военной академии ПВО имени Жукова Г. К. (г. Москва), в 2001 году в качестве лейтенанта начал офицерскую карьеру в Вооружённых силах РК. Прошёл путь от командира стартового взвода до командира дивизиона, параллельно занимается литературным творчеством. В "Ниве" публиковался в 2008 году.

За ним шла охота. Несколько десятков обученных охотников на людей, — его коллеги из другого ведомства, уже вторые сутки безуспешно пытались помешать ему сдать экзамен на присвоение высокого звания инструктора разведывательно-диверсионного центра. В принципе ему уже не раз приходилось сдавать подобного рода зачёты на выживание, но в этот раз отличие состояло в том, что нужно было не просто продержаться в тайге практически с пустыми руками, но и уйти от преследования пущенных по его следу экипированных до зубов “волкодавов” из группы антитеррора. А повязать такого матёрого волка, или, как называли ему подобных профессионалов-одиночек, оборотня, для них было делом чести. Поэтому, выбиваясь из сил, он спешил уйти подальше от места его высадки и предпринять все меры, чтобы добраться до своей тренировочной базы в гордом одиночестве, а не в компании учебного противника. Понимая, что его преследователи, скорее всего, начнут поиски от места его высадки в направлении учебного центра — пункта его назначения, а также направят несколько групп по обходным маршрутам, по которым, предположительно, делая большой крюк, он смог бы выйти к своим, Круглов уходил в противоположную сторону, на север, сверяясь и запоминая по компасу и по часам отрезки переходов, чтобы потом, по-партизански отсидевшись в богатом дарами природы для опытного диверсанта лесу, строевым шагом вернуться на базу. Тем более что сроки норматива для него, в отличие от охотников, не определены. Система зачёт-незачёт, либо тебя волкодавы порвали, либо ты их... сделал. Единственный контрольный датчик, вживлённый в него, активизировался в том случае, если на одном месте его тело будет находиться более пяти часов. Это означало проигрыш, который мог включать в себя либо гибель, либо серьёзную травму или заболевание, приводившие к потере возможности самостоятельного передвижения, и даже сон. Да, да, сон более пяти часов для диверсанта непозволительная роскошь. Во всех этих случаях незамедлительно высылается вертолёт с “группой поддержки” для эвакуации неудачника.

В таких вот переделках Алексею Круглову всегда помогала не только разносторонняя подготовка, но и нелогичность действий, с которой он подходил к делу. Выкладывался он в любой ситуации по полной программе, ведь его противник мог быть таким же, творчески нелогичным товарищем, способным понять его и переиграть в этой непростой игре. Несколько часов назад он перешёл небольшую таёжную речку, выйдя из воды на противоположный каменистый берег выше по течению. Он прошёл против течения по пояс в студёной воде около километра, тем самым увеличив свои шансы оторваться от погони. Несмотря на подобные трюки, Круглов не сбавлял темп. Поставив перед собой задачу совершить очередной привал после десятичасового перехода, который уже подходил к финишу, он упорно двигался навстречу неизвестности, которая влекла его новыми ощущениями и возможностью проверить себя в очередном экстремальном режиме. Всё что надо болталось у него на ремне: подсумок со спичками, “энзэшным” спецпайком и спецаптечкой, и диверсионный нож в ножнах. Этого ему было достаточно, чтобы чувствовать себя в тайге более чем уверенно.

Впрочем, по его расчётам выходило, что от опасного радиуса его поисков он удалился уже на приличное расстояние, и можно было подумать об организации временной базы отдыха. Местность, по которой он в данный момент пробирался, была ему незнакома, как, впрочем, все места, где ему

приходилось бывать в командировках, выполнять задачи, искать, добывать сведения, гоняться или уходить от погони. В очередной раз прокрававшись, стараясь не повредить ни одной веточки, сквозь молодые заросли ельника, Круглов вышел к большой, покрытой папоротниками поляне, и, остановившись, присел в кустах на её опушке. Его взору предстали покрытые мхом развалины. Осмотрев находку, Круглов пришёл к выводу, что перед ним находятся руины древнего монастыря. Проведя рекогносцировку и внимательно изучив подступы к развалинам, он прикинул в случае необходимости маршруты отхода и осторожно двинулся к мрачным полуразрушенным стенам. С развалин, разгалдевшись тревожной сигнализацией на всю округу, поднялась сорочья стая. Только сейчас Круглов заметил несколько гнёзд, свитых на верхних ярусах ветхого здания, и обругал себя за невнимательность, которая в другой обстановке могла запросто стоить ему жизни. Проникнув юркой тенью в проём в стене, он направился к разрушенному временем зданию с изъеденными ржавчиной решётками на узких окнах-бойницах. Несмотря на высокую температуру окружающей среды, внутри периметра монастыря было довольно свежо, словно солнечные лучи огибали это место, даря прохладу случайному гостю. Зайдя внутрь полуразрушенного здания, Алексей обследовал несколько комнат и вышел в большую залу, служившую когда-то местом проведения службы. Кружившие над головой пернатые трещётки к тому времени успокоились и, рассевшись по гнёздам, недовольно наблюдали за его действиями. При осмотре помещения он наткнулся на заросшую лопухами выбоину в стене. Сев на корточки, он заглянул внутрь и обнаружил за стеной комнатку, то ли древний карцер, то ли чуланчик, который, в отличие от других помещений, не поддавался временным преобразованиям, в смысле не разрушился. Алексей залез внутрь кельи. Разглядывая её, Круглов почувствовал лёгкую вибрацию в центре помещения — под его ногами дрожала, слегка прогибаясь, земля. Возможно, погреб или ещё что-то в этом роде. Он встал на колени и стал разгребать землю на том месте, где, по его мнению, мог находиться люк, который и свибрировал под его весом. После непродолжительных раскопок ему удалось расчистить круглый, обитый железом люк, продолжавший едва ощутимо вибрировать. Взявшись за кольцо с края люка, Алексей поднатужился и, приподняв его, приставил к стене. Заглянув в погребок, он увидел выдолбленную в земле лестницу, уходившую вниз и в сторону, в сторону дальней опушки леса. Эврика! Ему пришла в голову идиотская на первый взгляд идея — здесь и организовать базу. Как и всегда, он решал задачу нелогично. Беглец всегда должен хорониться в самых непроходимых дебрях — это аксиома. Открытая поляна с развалинами должна привлекать внимание, и “охотники за черепами”, зная это, уверены, что матёрый волк обойдёт её стороной. Поэтому если они и наткнутся на неё, то, скорее всего, пройдут мимо, не тратя понапрасну время — у них норматив. Любой так бы и сделал, прошёл мимо, любой, только не Лёха. Если хорошо всё взвесить, получается следующее: его сигнализация об опасности рассредоточена по гнёздам на крыше и стенах, чулан-карцер-штаб замаскируем так, любо-дорого посмотреть, да не увидать будет, и, самое главное, если этот погребок окажется, как говорится, пожарным выходом, то вопрос решён. Вознамерившись до конца исследовать открывшийся подземный ход, который можно будет использовать, если всё-таки он временно здесь расквартируется, он включил

встроенный в ножны фонарик и начал спускаться вниз. Навстречу ему пахнуло тёплой сыростью, плесенью, ещё какой-то кислотой. Спуск по ступеням продолжался недолго, пару десятков ступеней — и перед ним узкий проход с осклизлыми стенами и паутиной, как в фильмах про старину Индиану. Стараясь ничего не касаться, Круглов двинулся по тоннелю. Конечно, было бы неплохо найти забытый церковный клад, но и как простой потайной ход этот тоннель его бы вполне устроил. Шаг за шагом Алексей продвигался по тоннелю, который вводил его, как он сам иронично подумал, в глубь веков. Чем дальше он шёл, тем аккуратнее и свежее выглядел тоннель. Исчезла слизь со стен, пропали паутина и корни от растений, свешивавшиеся с потолка. Вскоре он почувствовал, что уклон пошёл вверх, и, наконец, наткнулся на такой же круглый люк, закрытый на засов с его стороны. Засов на удивление легко поддался, так как был... смазан.

Это открытие слегка заступорило Круглова. Внутренний голос по имени животная интуиция, к которому он частенько прислушивался, начал ненавязчиво умолять его вернуться назад, но эта зараза любопытство и привычка всё доводить до конца, всё-таки пересилили. Алексей приподнял люк и осмотрелся. Снаружи всё тихо, всё под контролем, как пел Володя Высоцкий, "тот же лес, тот же воздух и та же вода...". Он вылез на белый свет и очутился на дне заросшего оврага, куда его привёл тоннель. Следов пребывания человечества поблизости не обнаружилось, можно перевести дух. Возможно, на двери просто слизь, а не смазка, вот и пальцы после неё отдают душком. Замечательно, теперь у него есть база и секретный выход из неё. Да и вообще можно залатать тот проём обломками, а этот ход использовать как парадный. Круглов закрыл люк, разворошил ковёр из опавших листьев и полюбовался на работу — с двух шагов ничего не заметно. Замечательно. Осталось заприметить место, вот как раз напротив дуба с дуплом. Теперь можно вернуться на базу. Круглов легко забрался вверх по крутому склону и, зацепившись за торчащий корень дуба, вылез из оврага. Густые заросли скрывали поляну и занятые ею персоной апартаменты, только вверху сквозь листья виднелась позолочённая маковка, на которой сиял на солнце резной крест.

Стоп. Этого не могло быть! Монастырь ведь представлял собой заросшие руины. Алексей прорвался сквозь кусты и, выйдя на поляну, замер. Ослепительно белые высоченные стены монастыря стояли единым монолитом, за которыми возвышались купола, кресты, колокола. И словно в подтверждение увиденному, раздался густой звон, разносившийся по округе с высокой колокольни. С каждым ударом колокола многое повидавший в своей жизни прапорщик вздрагивал, покрываясь испариной. Это, это сон, бред, это какое-то наваждение, этого просто не может быть. В пустыне, где ему по долгу службы тоже приходилось бывать, они сталкивались с миражами-галлюцинациями, рождёнными плавящимися воздухом и мозгом. Но такого ему ещё не мерещилось. Хотя, вполне возможно, споры грибов и плесени в подземелье могли быть галлюциногенами, дававшими такой эффект. Он проморгался, потёр виски, ущипнул себя — картина не менялась. Тогда, собравшись с духом, Алексей направился к зданию, возможно, мираж сейчас рассеется. Но, коснувшись стены, он убедился в реальности происходящего. Спотыкаясь словно пьяный, то и дело поглядывая на стены, он побрёл вокруг, пока не вышел к воротам. Помявшись немного около них, Алексей с необычной для него неуверенностью постучался. Возможно, он вышел по подземному ходу к другому монастырю. Сейчас всё и выяснится. Да, точно, сейчас всё выяснится, он постучал погромче: эй, где вы там?

В чужой монастырь

Раздался шорох, и в воротах откинулось маленькое квадратное оконце.

— Здравия желаю! — Круглов старался выглядеть дружелюбно, что с его настоороженно-военным лицом выходило неубедительно.

Глаза, появившиеся в оконце, внимательно оглядели пришлого с ног до головы и, заподозрив неладное, их хозяин недоброжелательно прогундосил:

— И ты здрав будь, путник, и иди своей дорогой, не тревожь обитель.

Понимая, что в таких местах людей в военной форме, наверное, не жалуют, Круглов не стал сердиться:

— Вы меня извините, но я бы хотел просто узнать дорогу, — схитрил он, — я заблудился и не совсем понимаю, как сюда попал, — уже почти правду выложил прапорщик.

— По одеже бес ты лесной, а по морде острожник беглый, — выдал, наконец, тайну своего недоброжелательства человек за воротами, — иди, иди, мил человек, своим путём.

Хотел было приоткрыть и свою тайну Алексей, сказать, что он, мол, учебно-тренировочный беглец, да вовремя спохватился. И не оттого, что его игнорировали, и не за то, что бесом обозвали, а вот слово “острожник” папахивало архаизмом, и это смутно тревожило. Ну да, у монахов, видать, свой лексикон со времён царя Гороха остался, “вот и излагает чудно”.

Пока он думал да гадал, оконце затворилось, и послышался шорох удаляющихся шагов. Такое пренебрежение к своей персоне Круглов стерпеть не мог. Слегка разозлившись, он методично затарабанил каблуком в ворота, выказывая своё негодование. Долго ли, коротко ли долбился он к неприветливым монахам, но своего добился. Увлечённый Круглов и не заметил, что открылась соседняя створа ворот, и вышедшие из монастыря двое амбалов, одетые в чёрные рясы, со смиренным спокойствием наблюдают за его потугами. Наконец он остановился на перерыв и заметил очередных парламентёров. “Местные вышибалы”, — определил их статус Алексей.

— Слышь, чего ты шумишь? — обратился к нему стоявший впереди инок двухметрового роста, сложив смиренно кулаки-кувалды на широкой богатырской груди. — Тебе же сказали, иди своим путём, путник.

Второй монах, точная копия первого, для пущей убедительности помахал своими кувалдами, словно отгоняя бездомного котёнка, в сторону леса, сопровождая свои движения довольно красноречивым взглядом:

— Давай, давай, дядя, поворачивай, откуда пришёл.

В близнецах сразу чувствовалось наличие недюжинной силушки, и они, понимая это, как-то по-хамски, что ли, с явным пренебрежением вели себя с гостем. А этого он допустить не мог.

— Эй, пацифисты, — подошёл он вплотную к ближнему чернецу и, задрав голову, начал нарываться на скандал. — С такими мордами на вас пахать надо, а вы, небось, здесь от военкома скрываетесь. Херувимчики-переростки. Мне к старшему вашему надо, проинформироваться. Отведите, — нагло закончил тираду прапорщик.

Стоявший напротив близнец, поняв только, что его как-то оскорбили, набычился и попытался схватить прапорщика за грудки. Проведя молниеносный контрприём, Круглов вывернул тому руки и, сделав подсечку, уложил монаха на лопатки. Хлёсткий удар в падении, одним локтём в солнечное сплетение, другим в челюсть на некоторое время вывел из строя первого богатыря. И вовремя, потому что второй, выхватив из-за ворот

припрятанный посох, прыгнул на обидчика. Алексей легко увернулся от посоха, удар которого пришёлся по животу лежавшего монаха, и, используя приём айкидо, разрешил второму противнику продолжить движение головой вниз, слегка поддев того ногой. Разъярённый монах вскочил на ноги и, получив удар пяткой в висок, по-родственному прикорнул рядом с братом.

Расправившись с близнецами-наглецами, Круглов заглянул в приоткрытые ворота и увидел, как во все стороны разбегаются монахи. То-то же, знай наших, удовлетворённо подумал Алексей и, перекрестившись у входа, вошёл под сень монастыря. Ему навстречу уже спешил большой дородный старик в рясе, по всей видимости, старший. Круглов вежливо поздоровался. В ответ тот молча кивнул и, вздохнув, с напускной строгостью, скрывавшей опаску, отчитал хулигана:

— Право, негоже под стенами храма святого избиением иноков юных грех на душу брать, — пригладив лоснящуюся бороду, продолжил неспешно. — Каких земель будешь, добрый молодец, куда путь держишь, да почто в нашу юдоль пожаловал?

Круглов, озирающийся по сторонам, обратил внимание на движение вокруг. Братья-близнецы, оклемавшиеся по его представлению довольно скоро, остановились по бокам. Ещё несколько человек заняли наблюдательные позиции по периметру, сторожась подойти ближе. Главное сейчас, не накаля обстановки, запудрив мозги местным какой-нибудь легендой, выяснить, где он.

— Я не со зла, батюшка, — полуправдой начал прапорщик, — они сами вели себя невежливо. Я геолог, командированный, ископаемые ищу, здесь недавно, вот заплутал, услышал звон да к вам вышел, — совсем неправдою и закончил.

Услышав, что к ним пожаловал геолог, да ещё и в поисках ископаемых, старец сбросил с себя горделивую маску и, подав знак всем расслабиться, заискивающе улыбнулся.

— Геолог?! — до конца не веря своему счастью, переспросил старик. — Оно воистину так, — убедился он, заглянув в честные глаза гостя. — Кто же окромя Геолога так запросто богатырей наших отделать сможет.

Круглов сначала подумал, что старец что-то путает, но услышав вокруг одобрительный гул, засомневался вообще в предназначении монастыря. Станные монахи.

— Отец Иосиф, игумен, — почти по-военному представился старик, — будь гостем дорогим, Геолог-воин.

На радостях новоявленный геолог был препровождён в трапезную, накормлен и напоен. Настоятель, сидевший напротив, смотрел на Алексея с такой нежностью и подобострастием, будто отец на вернувшегося в родные пенаты блудного сына-олигарха.

— Так где я всё-таки нахожусь? — спросил Круглов с набитым ртом. — Не слышал я про ваш монастырь, где стоите, есть у вас карта, можете по ней показать?

— Эх, богатырь, мы ж не цыганы бесовы, по картам глядеть, гадать, — с сожалением ответил игумен. — А стоит наш храм во лесу Селивановском. Заждались мы тебя, Геолог-воин. С ископаемыми вообще мочи нет, чёртовы гробокобы всё вокруг ископали. Мертвецов воруют. Погосты опустошают. Да что там... — махнул рукой старец.

Смутные подозрения Круглова отчётливо сформировались в общую картину возникшей проблемы. Фантастические фильмы, типа американских

“Назад в будущее” или французских “Пришельцев” он смотрел и, конечно же, как любой нормальный искатель приключений, мечтал попасть в переделку подобного рода. Но, осознав происшедшее, он не знал, радоваться новости или бежать сломя голову к оврагу. Одно ясно: он в прошлом, и здесь существенные проблемы.

— А год какой? — с замиранием поинтересовался “богатырь” в камуфляже.

— А ты и впрямь не от мира сего! — с удивлением ответил Иосиф, уж это-то не знать. — Так тридцать седьмой на дворе. Постой, — сам засомневался, — ну да, тридцать седьмой от последнего затмения.

Конкретной информации из доклада старца Алексей для себя не выудил. Ну да ладно, на то его и учили собирать информацию по крохам.

— Где искать этих Ископателей, я не ведаю, — доверительно шепнул игумен. — Но знаю, кто знает. Идти тебе надо на Лубянку к Лаврентию, — посоветовал игумен.

От такого совета Алексей поперхнулся и, перестав жевать, устался на собеседника. Не обращая внимания на кашель собеседника, тот продолжал:

— Он обо всём ведаёт, и о тебе тоже заранее знал. Так и сказал однажды — не волнуйтесь, придёт, мол, ОН — Не От Мира Сего.

— Какой такой Лаврентий с Лубянки? Фамилия у него случайно не Берия? — пропустил мимо ушей предсказания Круглов.

— Нигерия! — съязвил игумен. — Какая же фамилия у старца? У нас отшельники отродясь фамилиями не обзывались, только прозвищами. Старец Лаврентий в своей избушке лубяной затворником уж лет сто живёт, а полянку его окрест все и величают Лубянкой, а его Лаврентием Лубянским и знают. Краснокнижник он, добра его магия. И хотя не положено нам с колдунами водиться, да по старой дружбе иной раз встречаемся с ним. От него я про тебя и слыхивал. Надобно тебе к нему ступить.

Уяснив про Лубянку, Круглов вновь принялся за еду.

— Один переход до его жилища, на закат прямёхо идти надо. Я тебе и провожатых дам.

— Нет, спасибо, — поблагодарил за беспокойство Круглов. — Я сам как-нибудь, мне так привычней.

— Что ты, что ты, в лесу мест гиблых много, а мои молодцы его как свои пять пальцев знают, — уговаривал игумен. — Да и подмога тебе в час лихой. Братья Лычко, Архип и Антип, к тому же в миру знатными бойцами кулачными были. Они тебя и встречали у врат наших.

— А-а, эти близнецы-мордовороты, — усмехнулся Круглов. — Неужто самим не нужны такие богатыри?

— Маются они у нас, — посетовал игумен, — кулаки у них так и чешутся, да у нас-то порядки строгие, не забалуешь. А тебе они в помощь нужнее будут. Не откажи, Геолог-воин, потом ещё спасибо скажешь.

Так и порешили. Братья Лычко, услышав о командировке с Геолог-воином, как уже окрестили монастырские Круглова, лицом посветлели. Зла они на него не держали за взбучку, зато уважением прониклись. В первый раз их до отключки отделили. Неказистый по их меркам Геолог оказался крепким орешком. С таким кулачником готовы были на край света идти, а уж до Лубянки проводить и подавно, а там, глядишь, пригодятся страннику и далее.

Сборы их были недолгими. Подпоясавшись, братья простились с монахами, закинули сумы походные за плечи и, взяв посохи, вышли за ворота. Игумен вышел проводить их:

— Передавайте поклон краснокнижнику от Иосифа. Да не дивись ты, Геолог-воин, его причудам, у таких свои заморочки, знахари все наполовину свихнутые. Да братьям спуску не давай, — шепнул на ухо, — построже с ними. Они силушку уважают. — И уже громче: — Ну, добро лясы точить. В путь вам пора.

На том и распрощались.

На Лубянке

Шли по едва заметной тропинке. Впереди Антип, за спиной Архип. Или наоборот, Круглов ещё не научился их различать. Солнце пробивалось сквозь роскошные кроны, в которых щебетали на все лады птахи лесные. Полуденный зной разбавлялся лёгким ветерком, сквозившем между огромных стволов. Время от времени братья задавали вопросы, но Алексей односложными “да”, “нет” дал понять, что ему сейчас не до них. Вдруг где-то в стороне послышались крики о помощи, кричала женщина. Братья продолжали идти, не обращая на них внимания или просто не слыша, а Алексей, встребенувшись, остановился и кивнул попутчикам в сторону криков:

— Слышите?

— Птицы? — попытался догадаться один из братьев. — Это сойка.

— Нет, иволга! — выдвинул свою версию второй.

— Какие к лешему птицы, — зашипел на них Круглов, — баба орёт, что, не слышите?

— Нет, не слышно, — признался первый, — это не баба, место гиблое, путников учуяло, вот и заманивает, зазывает тебя, а нас ещё в детстве заговорили, нас нечисть не проведёт, мы её и не слышим.

— Дела-а! — протянул прапорщик, — а может, всё-таки баба?

— Нет, точно не баба, — заверил второй брат, — их мы за версту услышали бы. Хотя если имеешь желание, можно осторожно проверить, — предложил он и, получив согласие, скомандовал: — Антип, дуй вперёд!

Антип кивнул и, сойдя с тропинки, пошёл, куда показал Алексей. Второй брат и Круглов двинулись за ним. Вскоре они вышли к небольшой поляне, посреди которой стояло сухое с виду мёртвое дерево с несколькими дуплами. В дуплах сверкали похожие на самоцветы кристаллы. Да здесь целое состояние, забыв о женских криках, подумал Круглов, собираясь подойти поближе, но был остановлен близнецами:

— Ни в коем разе, — задержал его за руку Антип.

Только сейчас Круглов обратил внимание на землю вокруг дерева, на ней ничего не росло, а земля, несмотря на палящее солнце, казалась влажной.

— Смотри, — Архип поднял шишку и бросил её в одно из дупел. Дупло с хрустом сомкнулось и начало, чавкая, пережёвывать попавшую в него добычу, а из земли появилось несколько щупальцеподобных древесных отростков. Несколько секунд, и дерево вновь вернулось в исходное состояние, сверкая зубами-кристаллами. — А если удастся вырвать из него культу, — пояснил монах, — то оно корнями в землю утянет.

— Понятно, — слотнув, выдавил из себя Круглов и развернулся. — Пошли дальше.

И они пошли дальше. Ещё Круглову однажды слышался детский плач где-то сбоку в кустах, но видя, что братцы продолжают невозмутимо шествовать, расслабился. Его индикаторы на нечисть не реагировали.

Как-то незаметно братцы, оказавшиеся оба впереди него, затеяли спор, какой птице принадлежит тот или иной свист да щебет. Они так рьяно отстаивали свои точки зрения, что их разногласие грозило перерастить в потасовку. По совету Иосифа Круглов решил раз и навсегда оградить себя от подобных неурядиц:

— Стой! — командовал прапорщик, братья выполнили сразу две команды, остановились и синхронно развернулись кругом, чем заработали себе дополнительные баллы перед Алексеем. — Значит, так, орнитологи, — поднял указательный палец Круглов. — Если вы не угомонитесь, вернётесь в монастырь с предписанием на епитимью. По лесу, тем более по такому гиблому, как ваш, двигаться молча и осмотрительно, без моей команды рта не раскрывать. Ясно?

Братья убедительно закивали.

— Хорошо. На время совместных действий, надеюсь, недолгих, обращайтесь ко мне Командир, — он сжал кулак и, сунув его поочередно обоим, дополнил: — Любое нарушение дисциплины, и я вас предам такой анафеме, от которой вам не поздоровится.

Закончив нотацию, Круглов вновь развёл братьев:

— Ты идёшь в головном дозоре, — отправил одного вперёд, — а ты в арьергарде, — увидев, как вытянулось в недоумении лицо второго, сплюнул: — Тьфу ты, короче, идёшь сзади, контролируешь тылы. Всё, пошли.

Дальнейший их путь проходил в полной, если не считать звуков леса, тишине. В сумерках уже подошли к пункту назначения. Окружённая многовековыми елями вырубка была огорожена символическим покошенным плетнём, отгораживавшим вросший в землю сруб с покрытой лубом крышей. Из печной трубы взвивался к верхушкам деревьев зелёный дымок. Внутри кто-то покашлял и, заворчав, открыл двери.

— Ну, где вы там бродите? — выглянувший старик в балахоне с надежным на голову капюшоном, взглядываясь в сумрак, прищурился в их сторону. — Давай сюда.

Братья Лычко, ступая в ногу, приблизились к старцу и отвесили поклон до земли:

— Здравствуй, дед Лаврентий! От отца Иосифа поклон тебе, — дружно поприветствовали близнецы хозяина Лубянки и представили своего спутника: — Геолог-воин. Тот самый.

— Здравия желаю! — вышел вперёд Круглов.

— Так-так-так! — засуетился старец. — Так вот ты какой, человек из недр земных. Сбылось моё пророчество, изрыгнула тебя мать-земля, — запрыгал он вокруг прапорщика. — Вижу, есть, есть в тебе знание тайн, землёй данное, Геолог-воин. Спаситель ты наш.

Братья радостно улыбались, что не ошибся настоятель в пришельце.

— Да что же это я! — спохватился Лаврентий, — проходите в дом, милости просим.

В доме у колдуна, как и положено его профессии, бурлило варево в котле, соединённом трубками с мензурками да колбами разными. Пахло медикаментами и кошками. В углу на столе лежали большая книга в красном переплёте, несколько пергаментных свитков и стояла чернильница с

гусиным пером. Судя по порядку, генеральная уборка со времён постройки жилища не производилась. На печи, вдыхая пары, прорывавшиеся из-под плотно прикрытого котла, дремала белая (!) кошка, которая даже не подняла голову на скрип и топот гостей. Братьям было указано на лавку около стены, а Геолог-воину на место в центре избушки. Старец взял со стола измерительную ленту и закружил вокруг гостя.

— Так, — бубнил он себе под нос, отходя к столу и делая пометки у себя в книге, — косяк сажень, у-гу, пудовые, у-гу, пол-аршина, — записывал очередную заметку старец, продолжая изучение индивида. Круглов хотел было оскорбиться, что его как вымирающий вид заносят в Красную книгу, да решил до поры до времени не горячиться, может, действительно так надо.

Опосля биометрических измерений Геологу-Алексею было предложено, хоть и скрипучее, но почётное место в кресле. Осмотревшись, Круглов усмехнулся и кивнул на самогоноаппарат, как он мысленно назвал котёл с навесным оборудованием:

— От правоохранительных органов в лесу скрываетесь?

— Да! — по-своему расшифровал кудесник вопрос, а может, и понял, о чём речь. — И от дураков, что в миру житья не дают, и от скверных инквизиторов ушёл я в леса. За такой-то зельевар по головушке поди не погладят, ежели вообще её не снесут, а он мне необходим. Я зелья в нём варю волшебные.

Старик подставил пустую колбу под конец змеевика и, убрав наполнившийся сосуд, поглядел сквозь него на лучину и удовлетворённо зацокал:

— Как слеза Горгоны... Мне секрет зелья ясновидного давным-давно знахарь Менделей открыл, — похвастал Лаврентий. — Эх, и умный мужик был.

— А он его случайно не во сне узнал? — пытался сассоциировать услышанное с чем-то из средней школы Алексей.

— Нет, но тепло. Про вещей сон слышал? — похвалил за попытку угадать старик. — Отведав зелья, можно в такой сон погрузиться, что многое от взора скрытое ясно узреть можно. Ну, естественно, не всем подряд, — поправился старец, покосившись на заинтересовавшихся их беседой братьев, — а избранным.

— Понятно, — подвёл итог прапорщик. — Таким образом, после принятия зелья ты и вышел на меня, так?

— Ну-у, — заюлил краснокнижник. — В общих чертах — да. Видел я витязя в шкуре то ли тигровой, то ли зебровой из недр земных...

— Стоп-стоп, про недра я уже слышал, тут ты где-то прав, — перебил вещателя "витязь". — Ты ответь, меня конкретно видел или нет?

— Как сказать, одёжа на тебе бесовская, — фу ты, ну ты, и этот туда же, огорчился Круглов, оглядывая камуфляж, а старец продолжал чисто-сердечное признание. — Хотя тоже полосатая. Похожая на ту, которую я во сне увидел. А вот лицо смутно видел. Зато точно видел — тот витязь не нашего леса ягода. Вот и ты сам согласен, что из-под земли к нам явился, и за версту видно — не от мира сего ты витязь. Выходит, тебя я и видел.

— Ладно, проехали, — согласился с доводами ясновидца прапорщик. — Теперь выкладывай проблемные вопросы.

— А беда у нас одна, Геолог-воин, — запечалился слегка Лаврентий. — С которой ни колдунам, ни богатырям нашим справиться не по силам. С недавних пор пожаловали в наш край Гробокопы, представившийся

народ по погостам вырывают и в пещеру Горыниной горы уволокивают. Видел я их во снах своих вещих, в латах железных все, словно лыцари с захода. Гробокопы чёртовы. А от скрежета их мурашки по коже бегут. Нечистая, одним словом, — старец тряхнул бородёнкой. — А зачем они туда мертвецов носят, не знаю, не видел во сне, сколько не пил зелья, хоть лопни, не видно. Видно, заклятье на горе. Может, мясом их питаются, может, ещё что.

— Возможно, привиделось такое, оттого что с зельем переборщил? — подбросил версию Алексей.

— Ежели бы, — вздохнул старик. — Лянь на Пантелеймона, — старец указал на лежавшего кота. — Ведь чёрный как уголь был, а встретился случайно в лесу с Гробокопами, так он не то что поседел, постарел бедолага, и такую чушь порой несёт, страшно слушать.

Лаврентий подошёл к коту и ласково погладил того по загривку.

— И что характерно, — вдруг продолжил кот, подняв голову, — эти субъекты как таковыми не являются элементами живой природы. Их нельзя отнести к какому-либо классу фауны и флоры. Также они не являются ни одним из известных современной науке видов нечисти. Это не вампиры, не упыри, не оборотни, не орки, не гоблины, не скинхеды, впрочем, скины — это просто подвид гоблинов. Короче говоря, я бы квалифицировал их как биомеханические субстанции с дистанционным программированием, — закончил кот и, вспомнив о них, вздрогнул: — О, этот скрежет, этот скрежет, он до сих пор преследует меня, бр-р-р.

Круглов, поначалу удивившийся говорящему по-человечьи коту, всё-таки перекрыл своё же удивление многократно, услышав, о чём говорит четвероногое.

— Я же говорил, — покрутил пальцем у виска старец так, чтобы его движения не заметил альбинос.

Дружный храп братьев Лычко заставил их отвлечься от такой содержательной беседы.

— Да уж, утро вечера мудренее, — проворчал старец. — Завтра договорим, зачем пожаловал.

Старец выпил мензурку с волшебным зельем и, взобравшись на печь, тут же захрапел, перекрывая на две октавы богатырско-монашеский дуэт. Кот полизал лапку и, пристроившись под боком у хозяина, посмотрел на Круглова:

— У нас это нормально, — пояснил кот человеку, кивнув на спящего Лаврентия. — Этикетом старик не владеет, но экстрасенс неслабый. Он и меня говорить научил, и заклятья знает, но возраст преклонный даёт знать. Склероз у него. Ну, споки-ноки.

Кот свернулся клубком и... захрапел.

От такой какофонии Круглову совсем расхотелось спать. Решив выйти на свежий воздух, он подошёл к двери и попытался её открыть. Дверь не поддавалась. Не обнаружив каких-либо запоров, Алексей ещё раз толкнул дверь и, убедившись в её неприступности, отстал. Ясно-понятно — заговор на дверях, не войти, не выйти. Подойдя к столу, он попытался почитать книгу, но буквы выглядели несколько иначе, чем те, которые он знал, поэтому из этой затеи тоже ничего не вышло. В конце концов его скучающий взгляд остановился на мензурке, куда капало волшебное зелье из зельевара...

В эту ночь ему снились такие кошмары, какие он в период полового созревания не видел. В огромном чане с мутной булькающей жидкостью плавали голые разнополые тела, в подавляющем большинстве безжизненные, которые медленно покрывались противной ржавой коркой и при столкновении издавали такой мерзкий скрежет, что хотелось закрыть уши. Но он не мог, так как тоже кружил в котле, его руки были покрыты стальными пластинами и не повиновались его желаниям. Он захлёбывался, вода затекала в рот, в нос, он не мог дышать. С огромным усилием он выбросил руки вверх, чтобы выгрести к поверхности. Раздался хлопок, затем глухой стук и причитания, перемежающиеся с тихой руганью.

Открыв глаза, Круглов быстро определился с местом нахождения. Он лежал на залитой солнцем Лубянке, рядом с ним с одной стороны лежала опрокинутая чарка с зельем, которым его отпаивали, а с другой стороны лежал старец, над которым суетились братья Лычко. Скрещённые на груди руки старца встревожили Круглова — дурным знаком показалось, но грудь кудесника вздымалась ровно и с завидным постоянством.

— Командир, пошто ты деда Лаврентия так, — с укором обратился к нему Архип (или Антип, в суете ведь не разберёшь, кто есть кто). — Он тебя отпаивал, а ты его в лоб кулаком.

Круглов понял, почему он чуть во сне не захлебнулся, и с тревогой воззрился на старца.

— Он не виноват, — заступился сидевший неподалёку учёный кот. — Это безусловные рефлексы, так сказать, инстинкт самосохранения.

— Ага! — подтвердил гипотезу кота Алексей. — Дурной сон приснился.

— Да кто тебя просил зелье пить, — прошептал старец, ещё не открывая глаз, — ведь мог бы окочуриться.

— Чисто из экспериментальных соображений, — пояснил кот. — Он посчитал себя избранным.

Братья Лычко, придерживая за руки, посадили Лаврентия на ступени.

— И что тебе снилось, крейсер Аврора? — ухмыльнулся кот, иронично разглядывая Круглова.

— Да ерунда какая-то! — огорчённо отмахнулся прапорщик, ему было неудобно перед колдуном за рукоприкладство. — Трупы, трупы, трупы, котёл ваш с зельем, скрежет, от которого ты, Пантелеймон, поседел. Наслушался ваших сказок, вот и снилась чертовщина всякая.

Кот и краснокнижник понимающе переглянулись.

— Во-от! Вот что внутри горы от глаз моих скрыто, — выпучив глаза, произнёс Лаврентий. — Чёрные дела творятся в пещерах. Нечто страшное готовится в недрах Горыниной горы.

— По всей видимости, — перевёл кот слова старика на понятный одному и непонятный трём другим язык, — там находится лаборатория, где и производятся, как их здесь называют, Гробокопы. Но это пока они Гробокопы, а после могут быть усовершенствованы и в Робокопы, и в Робомэны, и даже в Терминаторы.

Старец за спиной у Пантелеймона вновь покрутил пальцем у виска, мол, не обращайтесь внимания. Братья Лычко, пропустившие вечером рассказ кота о встрече с чудовищами, так и вовсе зависли от обилия информации. Алексей же сделал для себя собственные выводы.

— Обстановка вырисовывается непростая, — подытожил он общие умозаключения, — некто или нечто, возможно обладающее знаниями вашей магии и нашей, да нет, ни фи́га, даже не нашей, а технологией будущего, как я уже сказал, даже не нашего. Готовит, если не соврало ваше зелье, армию биороботов.

— Точнее будет сказать — некророботов, — подсказал учёный дальше некуда кот.

— Не суть, — отмахнулся Круглов, — какие бы ни были его цели, это чревато страшными последствиями. Если я попал к вам по воле случая (кот и старец вновь понимающе переглянулись), то вполне возможно, этот некто умеет целенаправленно перемещаться по мирам. Нам надо его остановить.

— Bravo! — захлопал передними лапками кот. — Ты очень мудр для воина и (кот многозначительно посмотрел на вздувшуюся шишку на лбу у старца) очень воинствен для мудреца.

Польщённый похвалой учёного кота Алексей взбодрился, окончательно забыв про инцидент со старцем.

— Надо идти на разведку, — тут же предложил он, садясь (образно выражаясь) на своего конька.

— Не спеши, путь неблизкий, — остановил разведчика Лаврентий. — Отзавтракаем, а там видно будет. Я вас сейчас дроблёной попотчую.

— Я не голоден! — на всякий случай отказался от неизвестного кушанья Алексей, но позже, увидев приготовленные кудесником аппетитно пахнущие лепёшки из яиц, замешанные на молоке с тёртой картошкой, плюнул на название еды и поспешил присоединиться к остальным.

Во время завтрака все молчали, слышалось только чавканье братьев и задумчивое сопенье старца. Кот, вернувшийся на печку, вяло помахивая хвостом, буравил пристальным взглядом затылок последнего.

— Чего тебе от меня надо? — не разворачиваясь, поинтересовался колдун, глядя в тарелку. Алексей даже не понял сначала, с кем это Лаврентий беседует, думал, от нокаута “поехал” тот немного.

— Пантелеймон, дай поесть спокойно, — пролил свет старец.

Кот вздохнул и, перевернувшись на спину, стал лизать своё белоснежное брюхо. Братья, решившие для себя продолжать путь с Геолог-воином, предложили тому свои услуги. Алексей в этот раз не стал отказываться, знал, что проводники из числа местного населения, да ещё с кое-какими навыками рукопашного боя, ему понадобятся, а с этими и контакт уже налажен, и с субординацией разобрались.

Выйдя на двор, Лаврентий Лубянский довёл разведотряду дополнительную информацию:

— Я тоже ночь не зря продрыхал. Ещё видел одного, кто не от мира сего, то ли гном, то ли карлик и тоже в шкуре...

— Однобокие у тебя видения, — перебил его Алексей, — ты лучше дорогу объясни, а на месте разберёмся и с гномом, и со шкурой.

— Один путь к горе лежит — через лес до болота гнилого, а там по Рублёвке напрямик.

Давший себе слово не удивляться ничему, Алексей его не сдержал:

— Какой такой Рублёвке?

— Тракт или, как называли его полонённые на Чудацком озере льщари, прокладывавшие его, — штрассе, единственный путь через болота да

леса непроходимые, — ответил старец и провёл краткий экскурс в историю. — Давно его проложили. В былые времена частенько к нам гости непрошеные навевались, с восхода татарцы прискакивали, мзду кланчили. Собирались дружинники и дружно отвечивали тем такой мзды — уползали татарцы, несолоно хлебнувши. А с захода лыцари, в доспехи заковатые, наезжали. Эти просто пошуметь. И шумели сообща уже с нашими ратниками: грохот от пустых шеломов лыцарских, по кочкам прыгавших, долго в ушах дружинников звенел. Один воевода так и вымолвил, когда звенеть в ухе перестало: “Кто с мечом к нам пожалует, тому этот меч в место одно запихнём, острый, чай, поместится”. И чтобы не испробовать на себе угрозу, полонённые лыцари за доставленное беспокойство и подрядились соединить своими силами град княжий с пограничьем земли нашей, чтобы в объезд долгий не ездить. А там где большая дорога, всегда есть чем поживиться. Бандитов с тех пор на нём всяких уйма развелось. Все кто через него едут, обираются ими без зазрения, за рубль человека зарубят. Посылали кремлёвские дружину для наведения порядка. Там такая рубка была, страх, да и только. Разбежались разбойники по вертепам, да всё одно нет покоя на дороге путникам. Вот и прилипло тракту прозвище Рублёвка или Рублёвская штрассе.

— Одним словом, бандитский райончик, — вставил слово кот, — то ещё местечко.

— Как одолеете Рублёвку, — продолжил старец, — выйдете к переправе через Угрюм-реку, а там и до Горыниной горы рукой подать. Её издалека видно, дымок курится из её вершинки.

— Пойдём мы, — наслушавшийся старца Алексей спешил поскорее двинуться в разведку. — Не поминайте лихом.

Братья Лычко отвесили поклон Лаврентию, и троица пошла прочь с Лубянки. Смотревший им вслед кот почесал за ухом и как бы между прочим произнёс:

— Скряга.

— Ты о чём? — сделал вид, что не понял намёка старец.

— Дал бы им в путь что-нибудь из своих диковин. Всё равно их в сундуке мотыльки почикают. Жадина.

— Да ты знаешь, сколько я лет потратил, собирая их, и так вот отдать? А вдруг он не тот, за кого себя выдаёт? — сопротивлялся Лаврентий.

— Тот. Ты же сам всё нахимичил. И воин-богатырь тебе, и умён не по годам — сочетание редкое, как ты предвидел. Короче, не скупердяйничай.

— А-а, ну вас! — в сердцах бросил старец и побежал за разведчиками.

— Стой! Стой! — запыхавшийся старец догнал троицу. — Ху-х! — опёрся руками о колени, переводя дух, — Геолог-воин, путь и впрямь неблизкий. И хоть ты Не От Мира Сего, но и тебе понадобится мой подарок в дорогу. Обождите здесь, возвращаться плохая примета, — сказал и исчез в кустах.

Возвратившись, он протянул Круглову поношенный пыльный треух:

— Держи. Это шапка-невидимка, вещь лазутчику необходимая. Надень-ка.

Прапорщик с сомнением осмотрел подарок и кое-как натянул шапку на голову:

— Видно меня?

— Ага.

— А я ни фи́га в ней не вижу, — сказал Алексей, снимая треух.

— Видать, от времени заговор слегка развеяло, вот и чудачит шапка, — Лаврентий тоже примерил треух, убедившись в отсутствии должного, волшебного эффекта. — Погодь, у меня ещё есть.

— Ещё шапка, дед Лаврентий? — спросил Архип.

— Нет. Моментом принесу.

Старец опять поковылял в избушку и вернулся со свёрнутой тряпкой.

— Вот скатерть-самобранка! Свежая еда на вашем столе! — расхвалил он тряпку. — Брось на землю и загадай, чего откусывать желаешь, сей миг устроит.

— Гуся в яблоках! — недоверчиво вымолвил Круглов и швырнул скатерть оземь.

— А ху-ху не хо-хо, — донеслось из скатёрки, а затем полилась такая ругань, какой никто, включая долгожителя Лаврентия, отродясь не слыхивал. — Ишь, что захотели, гондурасы, гондольеры, гугеноты, гуся вам? Да, идите на хрен...

— Ой! Стыдоба какая! — обескураженный колдун поспешил свернуть скатерть.

— И впрямь “самобранка”, — развеселился Круглов очередному подарку.

— Обождите! — старец убежал, сгорая от стыда за “свежую еду”, и в третий раз приволок клубок верёвки.

— На. Клубок волшебный, заговор сильный на нём, не подведёт. Куда вздумается идти, брось его о землю, только не так сильно, как скатерть, он туда и покатится, а вы и пойдёте по верёвке куда надо. Плутать не будете.

Лаврентий попрощался и ушёл поскорее, вдруг и это не сработает.

Прапорщик, не мудрствуя лукаво, решил клубком сразу и воспользоваться, дабы дело быстрее двигалось. Загадав как на Рублёвку выйти покороче, бросил клубок на землю.

Не обманул краснокнижник, клубок подпрыгнул и, словно шустрый ёжик, покатился по траве, убегая вперёд. Путники пошли по оставшейся на траве верёвке.

Жалость — плохой советчик

Клубка хватило шагов на триста, и он... кончился.

Его конец путники обнаружили у подножия огромного, с человеческий рост, валуна, от которого в четыре стороны расходились заросшие травой едва заметные тропинки. На камне были накарябаны древние письмена.

— Слышал я про такие камни указующие, — молвил Архип, — Антип, читай.

— “Здесь был Илья”, — прочёл тот надпись.

— Нет, следующее читай.

— “Муромским поклон”, “Соловей-покойник”...

— Следующее. Ты читай те, что напротив тропинок написаны.

Антип встал напротив дорожки, уходившей в ту сторону, откуда они пришли за клубком.

— “Тадаю, предвижу, снимаю порчу, сглаз”, — прочёл он буквы, выбитые на камне чьей-то старческой рукой.

— Колдун-то подрабатывает на досуге, — ухмыльнулся Круглов.

Обойдя немного камень, Антип встал напротив следующей тропинки и нашёл очередную надпись:

— “Коли тебе одиноко, витязь, следуй сюда, прелестные русалки окунут тебя в мир грёз и неги”.

— Командир, пойдём посмотрим, — предложил Архип, — говорят, русалки поют дивно.

— Ага, конечно, сейчас всё бросим и пойдём за голыми ластоногими девками подглядывать, — понял Алексей истинное юношеское влечение к певуньям. — Они тебя так окунут. После наших клофелинщиц хоть какой-то шанс остаётся. Вы вон уже слюнки пускаете, а там и вовсе контроль потеряете, утопят они вас как щенят.

— Так мы на их чары не поддадимся, — пытались сопротивляться братья, — мы же заговорённые. Поглядим и дальше двинем.

— И это мне говорят монахи, — пристыдил их Круглов.

— Одним глазком, а-а, — ещё на что-то надеялись монахи.

— Читай следующий указатель, — приказал непреклонный прапорщик, сматывая верёвку обратно в клубок.

— “Ступы, мётлы — сущие гроши, возможность обмена на душу. Богатырям просьба не беспокоить”, — прочитал Антип перечёркнутую богатырским мечом надпись напротив самой заросшей тропки и дочитал выбитое сверху тем же мечом — “ЗАКРЫТО”.

Не камень, путь указывающий, а доска объявлений, веселясь, подумал Круглов, если так дальше пойдёт, то следующая надпись укажет путь туда, где можно приобрести царство стоимостью полконя за квадратный аршин или что-то в этом роде. Но всё оказалось гораздо проще.

— “Рублёвка-штрассе. 10 вёрст”, — прочитал Антип и дочитал уже надпись, выбитую гораздо ниже этой, как будто царапали лёжа: — “Не ходи туда бога...”.

А что за “бога”, например, “богатырь” или, что вообще маловероятно, “богатым будешь”, это осталось тайной. Недописали. Может, спешил кто, а может, буквы забыл. Что гадать — идти надо.

Тройка разведчиков двинулась в сторону Рублёвки. За их спинами остался камень с надписями колдунов и удалых богатырей, на котором вдруг зелёным огнём засветилась надпись “Рублёвка-штрассе. 10 вёрст”, и красным предупреждающим вспыхнуло: “Не ходи туда, бога РАДИ”, проявилось-таки недописанное слово, видно, неплохо досталось неизвестному писцу, но этого путники уже не видели и со спокойной душой шли навстречу неизвестности.

Пока шли к Рублёвке, Круглов думал о противнике. В этом мире, полном магии и простоты, Некроботы, как окрестил их не в меру учёный кот, являли собой из ряда вон выходящее событие. Его познаний хватило предположить, что скрежет, издаваемый данными существами, скорее, просто психотропное оружие. Ультразвук на грани слышимого диапазона должен внушать ужас тем, кто столкнётся с ними, что, кстати, и произошло с Пантелеймоном, который от перенесённого стресса не только поседел, но и стал неплохо соображать. Если бы Некроботы были неуязвимы, то, по большому счёту, они бы не нуждались в звуковом отпугивателе. А раз так, то необходимо просто отловить одного и посмотреть внимательно, где у него тумблер или кнопка, неважно. Хотя важнее всё же добыть информацию об их создателе и его целях. В принципе за этим он и отправился на эту, как её там, кудыкину, что ли, гору.

— Кстати, как гора называется? — озвучил он свои мысли.

— Горынина гора! — ответили хором братцы, хотя шли один впереди и один сзади, а Архип добавил: — Это старое название, а нынче величают её — Останкино.

— Ишь ты! А что же не Кудыкина, или там не Лысая?

— В прошлые года гнезвился на ней дракон по прозвищу Горыня, — пояснил шедший в арьергарде Антип. — Мы сами его не застали, но старики сказывали, будто хороший дракон был, хлопот людям не создавал. Летал себе на здоровье, людям на радость. Считался, как сказал Пантелеймон, редким шпинатом или спинатом.

— Экспонатом, — машинально поправил Алексей рассказчика.

— У-гу, — согласился тот. — Он даже в красную книгу старца Лаврентия был им занесён, а колдун абы кем в ней листы не марает. Но однажды появились драконьеры, охотники на редких эксп... эско... э-э, редких драконов, в общем. И бились они с Горыней долго, пока, наконец, голову бедолаге не отсекли.

— А как же две другие головы? — спросил Круглов, точно зная, сколько у драконов должно быть голов.

— Да что ты, Командир? — усмехнулся богатырь в рясе. — Взрослый, а в сказки веришь. Это в детстве мамка нам такие сказки сказывала. Где же это видано — животины с тремя головами.

И затрясся в смехе.

— В жизни такого не бывает! Ха-Ха! — шедший впереди братец тоже развеселился.

— Как не бывает, я по телику двухголовую черепаху видел! — пытался доказать обратное прапорщик, но только больше развеселил братьев. Поняв, что слова “эволюция”, “плохая экология” и “генная мутация” доведут его горе-собеседников до истерики, он решил прекратить спор.

— Всё, хватит ржать, кони! — беззлобно сказал Круглов и, подождав, когда те успокоятся, добавил: — А что потом?

— Знали драконьеры, что горного дракона так просто не осилить, — продолжил Антип прерванный рассказ. — Вот и метили тому по шее. Как и любого горца, Горыню можно было одолеть, отделив голову от тела, что они, злыдни, и сделали. Драконьеров за такую подлость изловили и в острог упекли. А Горынины останки на горе и закопали, с тех пор её и называют старики Горыниной, а остальной люд так всё более Останкино.

— Да, как говорится, свято место пусто не бывает, — добавил, обернувшись, посерьёзневший Архип, — теперь-то у Останкиной другой хозяин.

Вот оно как. Круглов особо не огорчился рассказу о безвредном Горыне, так как с детства слышал, сколько за ними, за драконами, дел уголовных тянулось: то принцессу в заложники возьмут, то королевство на “счётчик” поставят, а то и на мокрое дело подпишутся. Но всё-таки от рассказа немного покоробило — и здесь с гуманным отношением к животным не всё ладно.

С каждой верстой лес понемногу становился реже и светлее, кроны уже не закрывали сплошным маскировочным шатром землю, вокруг поднималась поросль молодняка.

— До Рублёвки, видать, недалеко осталось, — пояснил Архип, — здесь перед болотами большие вырубki для тракта через топь делались.

Значит, скоро можно нарваться на разбойников. Круглов приказал усилить бдительность и быть готовым к отражению удара противника. Братья взяли посохи наперевес и, осматривая пространство вокруг, продолжили движение.

До Алексея вновь донеслись слабые крики о помощи. У этих гиблых мест абсолютно не развита фантазия, подумал он, прислушиваясь, — нет чтобы там прохладительными напитками или пивом зазывать, эта нечисть всё на помощь зовёт. По крайней мере, в его мире сигнал SOS где-нибудь в сквере служит ускорителем покидания места происшествия случайными прохожими. Не верилось, что здесь народ такой уж отзывчивый. Несмотря ни на что, крики стали усиливаться и, что интересно, в этот раз привлекли-таки внимание заговорённых братьев.

— Кому-то худо, — многозначительно изрёк Антип. — Ну что, Командир, пойдём посмотреть?

— А на гиблое место не нарвёмся?

— Всяко может статься, — пожал монах богатырскими плечами. — А коли человек в беде, надобно вызволять по-любому. У нас не принято в беде никого оставлять.

Ай да слова, твои бы слова да моим современникам в уши, захлестнула прапорщика волна гордости за своих пращуров, сострадательных гуманистов и альтруистов, которым, по его мнению, и являлся местный народ. Так чего стоять думать, если “по-любому”, так “по-любому”.

— Если надо, так надо! — решительно произнёс Алексей и поспешил с братьями на зов.

Недалеко от заветной тропки начиналась трясина. А в её центре, вдали от твёрдой земли, где остановились шедшие на помощь разведчики, среди лопавшихся вонючих пузырей и редких кочек барахтался, вымазанный в тине и опутанный водорослями, человек. Как он там оказался и, спрашивается, зачем, пока оставалось загадкой и, судя по тому, на каком состоянии и в каком состоянии он был, грозило ей и остаться. Не зная как помочь, троица наблюдала за стараниями незадачливого болотопроходца.

— Давайте нагнём дерево, — предложил Архип, пытаясь сделать хоть что-то, но в душе понимая, что даже если бы они вырвали сосну и бросили её к утопающему, она всё равно бы не долетела, так далеко тот находился.

— Здесь нужен вертолёт, — мрачно промолвил Круглов. — Или хотя бы ваш Горыня, царствие ему небесное.

Все трое посмотрели в небо — а вдруг..

Но чуда не произошло, а судя по kloкочущим крикам, человек в трясине уже был на завершающем этапе присоединения к большинству. Взгляд Круглова упал на котомку стоявшего впереди Антипа.

— Эврика! — крикнул прапорщик так громко, что на секунду замолк даже утопающий.

— Ты знаешь как его зовут? — с удивлением обернулся монах.

— Дай клубок-путеводитель! — не тратя времени на объяснения, потребовал Алексей, взял конец свёрнутой верёвки и прошептал: — Укажи-ка мне, клубок, путь к тонущему, дружок.

Клубок, брошенный им к ногам, завертелся волчком и, разматываясь, поскокал по кочкам к начавшему пускаться пузыри человеку.

— Всё равно не сможем до него поспеть, — высказал сомнения Антип.

— Да и не пройдем мы по этим кочкам, — поддержал братца Архип.

Не обращая на их доводы внимания, Алексей дождался, когда клубок завертится вокруг утопающего:

— Хватайся! — крикнул он почти скрывшейся под водой добыче болота. — И держись крепче.

Человек не заставил себя долго упрашивать. Ухватившись за верёвку, он сделал несколько оборотов ею вокруг кисти и... ушёл под воду.

— Взяли! — скомандовал прапорщик, начиная перетягивание каната с трясинной. — И раз! И раз!

К нему присоединились в очередной раз проникшиеся уважением за такую смекалку монахи, и дело пошло быстрей.

— И раз! И раз! — подзадоривал их Алексей, чувствуя тяжесть на противоположном конце волшебной закидушки. Хорошо, не сорвалась “рыбка”, держится. А топь-то, топь как вцепилась в свою жертву, и отпускать не хочет. А придётся.

— И раз! И раз!

Вот показалась рука с намотанной на ней верёвкой.

— И раз! И раз!

Всплыла из мрачных болотных глубин укрытая водорослями голова.

— И-и-и ра-аз! — напряглись силачи, вызволяя на берег грязное тело.

— И-и, опа-на! — вместе с человеком на берег вытащили державшую его за ноги большую жабу с перепончатыми ушами.

— Болотный! — крикнул Антип и сгоряча треснул того лаптем в зелёную морду.

Мутировавшая жаба подлетела и плюхнулась туда, откуда её вытащили.

— Драться не полезет? — спросил Алексей, взявшись за нож.

— Нет, — Антип неспешно обтирал лапоть об осоку. — На берегу болотные, как и водяные, чахнут быстро. Так что будем считать, я ему ещё и услугу оказал.

— А ловко ты его, — похвалил брата Архип, — будет знать нечисть, как люд в гиблые места заманивать. Ух-ты, гляньте!

Он указал на ноги, точнее — копыта, спасённого человека, точнее — человечка, точнее — уже непонятно кого.

— Чёрта, что ли, спасли? — приподнял одно копытце Антип. — Весело.

Спасатели освободили от водорослей и осмотрели спасённое ими существо. Существо состояло наполовину из верхней части человека, только с немного вытянутой рожницей и маленькими рогами на голове, а снизу из задней части козлика. Оно было всё покрыто густыми волосами, а с пояса и ниже так вообще шерстью, как и должно чёрту, но имело хвост, уж больно маленький, козлячий, поэтому на звание чёрта уже не претендовало. В заплечном рюкзаке у него, помимо снеди, был обнаружен кусок шкуры, замотанный и связанный тесьмой.

— Может, убьём от греха подальше? — предложил Архип. — И концы в болото.

Вот тебе и гуманисты, вот тебе и альтруисты.

— Всегда успеем. — Лишённый предрассудков прапорщик положил существо на колено животом и несильно надавил на спину. Существо закашлялось, изгоняя из себя болотную жижу, и замотало головой. Отхаркавшись, оно село на землю и, обведя мутным взглядом окруживших его людей, слабо просипело:

— Спасибо!

— Глянь, говорит! — Антип почесал за ухом.

— Так оно же на помощь звало, — напомнил тому брат. — Ещё бы оно не говорило.

— Я не ОНО! — приходившее в себя существо стало отдирать от шерсти тину. — Я гражданин Антиции.

— Чего ты Антиции? — спросил Антип.

— Гражданин, неуч, житель значится, — ответил “чёрт”. — А величают меня Сатирус Фавнуциус — герой Иллады.

— А-а, так ты сатир? — вспомнил Алексей: где-то читал о них, в мифах, кажись, и не совсем хорошее. — По описанию вроде схож.

— Предок мой Козьмидус проведаль где-то, что ежели из следа от копыта козлиного вина молодого отведашь, то враз козлёнком и обернёшься. Не поверил он этой сказке, поспорил ... — выложил свою историю сатир.

— Ладно, не продолжай, — перебил Круглов. — И так все знают — пить вредно.

— А как ты в болото угодил? — поинтересовался Антип.

— Думал, срежу немного, — уклончиво ответил сатир. — Там, на дороге народу — не пройти, вот чуть и не утоп.

— Как там тебя, Сатирус Фавнуциус, а куда ты путь держишь? — продолжил Алексей вопрос.

— Ох, долго рассказывать, — отмахнулся тот копытом. — Если в двух словах, иду принцессу вызволять из полона. Потому как я последний герой Антицийский.

У Круглова чуть глаз не выпал, братья тоже не поверили своим ушам. Подумав и решив, что сатир просто врёт без зазрения, прапорщик подначил его:

— А чего это по всей вашей Антиции героев других не нашлось, коли тебя избрали?

— Был один. Всем героям герой. Пиракрос его величали. Силища неопишуемая, кентавру одной левой хребет ломал. Друг мой закадычный. Двенадцать подвигов совершить должен был. Да на десятом и оплошал. Подвиг совершил — да сам вышел весь.

— Как так подвиг совершить и погибнуть? — не поверил Антип.

— Ой, да запросто. Нименибейский лев, что в шкуре броневой Илладу страдал, поперхнулся Пиракросом и преставился заодно с героем. А я ему говорил: “Гера, не связывайся ты со львом, не надо”. Он ведь по-нашему ни ме, ни бе, ни кукареку. Там с кентаврами переговорить, даже с гарпиями можно было общий язык найти, а он всё шкуру себе хотел непробиваемую. Вот так.

— А ты как же героем стал, коли Пиракрос десять подвигов надедал? — спросил Архип.

— Клич по Антиции пустили, мол, кто одиннадцатый подвиг совершит — тому предыдущие засчитаются.

— И?

— Никто не брался. Меня, как его лучшего друга, какая-то скотина и вытолкнула из толпы. Так и совершил я 11-й подвиг. И героем стал.

— А что за подвиг?

— Авдеевы конюшни почистил.

Братья прыснули, а сатир, обидевшись, продолжил:

— Думаете, ерунда?! А вот фигурки. Авдей свои табуны несметные в конюшнях держал. Антиция от вони задышалась. Я сам там чуть копыта не от... в общем, чуть не сдох, пока чистил. Так что подвиг этот остальные с лихвой перекрыл, это вам не вепрю дикому пятак чистить. Мне ещё один — 12-й совершить осталось.

— И это спасти княжну? — догадался Алексей.

— Принцессу, — поправил сатир. — Её гроб скрипучие рыцари спёрли прямо из храма. Я их сам не видел, но говорят, те ещё чудовища, ужас на людей наводят неопишумый.

— Так ты за мёртвой принцессой в путь отправился? — скривился Антип.

— Нет, с чего это она мёртвая?

— Так в гробу же.

— Спит она зачарованным сном, и только я знаю великую тайну, как её разбудить можно, — похвастался сатир. — Мне её знахарь наш Афоня по секрету открыл. Так и сказал — чтоб гроб опять назад не тащить, надо сделать то-то и то-то.

— Поцеловать, что ли? — раскрыл “великую тайну” Алексей, что-то, а про подобные чудеса он читал ещё в детстве.

Сатир в изумлении уставился на Круглова, а близнецы ещё раз удостоверились в мудрости их командира.

— И с чего ты взял, что именно от твоего поцелуя она проснётся? — спросил Алексей.

— Мудрец Афоня сказал. Он сказал, что мне идти надобно, так как знаки в свою трубу дальнозорную в небе узрел, на меня всё спирающие.

— Какие знаки?

— Спасёт принцессу, сказал он, не маг, не волхв, не ведун, а человек, с того света пришедший, да в шкуре необычной, а у меня их две, одна на мне, вторая в ранце. А сегодня, как он и предсказал, вернулся я с того света. Всё и сходится.

— Это шкура льва у тебя в котомке валяется?

— Ага, она самая, броневая. От оружия любого защита. А ты что в пятнистой? С гепарда какого-нибудь содрал?

— Нет, на складе выдали, — честно признался прапорщик, но ему никто не поверил.

Близнецы отозвали командира в сторону. Пошептавшись с ними, Круглов подошёл к сатиру.

— Короче, тут такое дело. Мы тоже идём к Гробокопам. Хочешь — с нами иди, хочешь — сам добирайся. В лесу мест гиблых много, жаль тебя близнецам, просят за тебя.

Недолго думая, сатир протянул руку:

— Коли так, окажу вам честь, зовите меня просто Фавнус, а то и сам иной раз заговариваюсь, как имя своё провозглашаю. Вместе веселее, тем более тут у вас мафии на дорогах развелось.

— Что ж, в путь.

Потеряв совсем немного времени, друзья сделали сразу два дела, вернули сатира с того света и приобрели себе ещё одну проблему. Но тем не менее миссия продолжалась.

Продолжение в следующем номере.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 06.01.2010 г.

Подписано к печати 04.02.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 588.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.

НИВА

№3, 2010

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на 2010 год.

Журнал «Нива» - к вашим услугам.

«Нива» - для истинных любителей литературы.
Солидное издание для интеллигентных людей.

Мы нужны друг другу!

Подписаться на «Ниву» можно в филиалах АО «Казпочта»,
ТОО «Эврика-пресс», ТОО Агентство «Евразия-пресс»,
ТОО СП «Аргументы и факты. Казахстан» и агентстве «Press.kz».

Индексы журнала:

для индивидуальных подписчиков - **75775**,
для предприятий и организаций - **25775**.